

БЕЦМ

№ 1, 2024

Жан-Марк Наттье. Портрет императора Петра I. 1717 г.

Жан-Марк Наттье. Портрет императрицы Екатерины I. 1717 г.

Луи Каравак. Портрет императрицы Анны Иоанновны. 1730 г.

ПОРТРЕТЫ ЧЛЕНОВ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ ДЛЯ НИКИТЫ АКИНФИЕВИЧА ДЕМИДОВА

В архивах Москвы (РГАДА) и Екатеринбурга (ГАСО) сохранилась обширная переписка приказчика Ипата Кононова с заводовладельцем Никитой Акинфиевичем Демидовым. С 1757 по 1773 год И.Кононов служил управляющим Санкт-Петербургской домовой конторой Демидовых и ведал «заморским отпуском», то есть продажей демидовского металла за границу. В этот период, выполняя многочисленные поручения Никиты Акинфиевича, он в качестве доверенного лица обращался к видным деятелям общественной жизни и искусства того времени, находился в курсе важных столичных событий. В связи с этим его регулярная переписка с Никитой Акинфиевичем не ограничивается производственными вопросами и является ценным историческим материалом. Ее изучение позволило выявить чрезвычайно интересный и неизученный материал, касающийся коллекционной деятельности промышленника. Речь идет о заказах на выполнение для Никиты Акинфиевича копий портретов членов императорской семьи.

Начнем это повествование непосредственно с письма приказчика, которое приводим с некоторыми сокращениями, не относящимися к теме.

**Письмо И.Кононова
А.Н.Демидову
от 12 января 1764 г.**

«Милостивейший Государь
Никита Акинфиевич.

Вашему высокоблагородию Милостивейшему государю все-
нижайше доношу: <...> живописец Богданов портреты государя Петра Великого и Ея Величества

по 30-ти писать обещал, а что ныне пишет у принца Ея ж Величества, нынешней государыни, менее не соглашается писать пятидесяти рублей, и что все оные партреты ему акуратно с оригиналов написать, а оной Богданов у принца чрез семь дней работу свою кончит. Только я еще осмелюсь Ваше Высокородие утруждать, не повелите ли оные партреты все три мерою написать против писанного Караваком Государыни Елисаветы Петровны, чтоб все были равные и оные все парад более казать могут в одной величине как написаны будут, а ныне имеющие оригиналы гораздо того Караваком писанного партрета менее, а Богданов в том соглашается.

Также у графа М.Л.Воронцова имеетца партрет Государыни Анны Иоанновны хорошей работы, и я ему Богданову говорил, что для комплекта и оной списать в ту же меру против Каравакова, то он и в том обещал услужить за тридцать же рублей, если Вы изволите. И всего ему придется заплатить 140 руб. за четыре партрета, и для того Вашего Высокородия меры партрету Государыни Елисаветы Петровны и соизволения ожидать буду, а старик Богданов четыре слипка обещал» [1].

Для широкого круга читателей текст нуждается в пояснениях и комментариях.

В письме упоминается живописец Луи Каравак (1684–1754) – «француз, а именно гасконец, как по рождению, так и по привычкам и манерам» (Якоб Штелин). В 1715 г. заключил в Париже контракт о поступлении на русскую службу, занимался портретной, батальной, декоративной, монументальной и миниатюрной живописью. Его наиболее известными

учениками были И.Я.Вишняков и А.П.Антропов. Л.Каравак пользовался благосклонностью всех без исключения российских монархов – от Петра I до Елисаветы Петровны. После вступления на престол Анны Иоанновны он получил звание «придворный первый живописного дела мастер». Л.Каравак оказался наиболее разносторонним и работоспособным художником в России в первой половине XVIII века и оставил заметный след в истории русского искусства [2].

Необходимо отметить, что в XVIII веке копировать чужие картины было совершенно нормальной практикой. Но копировать императорские портреты кто угодно не мог. Еще Петр I издал указ «О писании портретов Императорской фамилии людям искусным в живописи». Однако этот указ забылся и не исполнялся. Поэтому 6 апреля 1744 г. был обнародован указ императрицы Елисаветы «О запрещении живописцам писать неискусным мастерством портреты Высочайшей фамилии». 26 мая 1747 г. в обеих столицах опубликовали указ в подтверждение прежних: «Чтобы мастера худым мастерством портретов Ея И.В. отнюдь нигде не делали и не писали, а делали б и писали наподобие опробованного Ея И.В. портрета, самым добрым мастерством, под опасением жесточайшего наказания» [3].

*Геннадий Николаев.
(Окончание на стр. 79–80)*

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного
управленческого округа
Правительства
Свердловской области
(623850, Свердловская
область, г. Ирбит,
ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»
(620100,
г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Т.Е.Богина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

д.и.н. Е.Т.Артёмов	чл.-кор. РАН, д.и.н.
д.и.н. С.В.Голикова (Екатеринбург)	И.В.Побережников
В.Н.Ермолаев (Тавда)	д.и.н. Д.А.Редин (Екатеринбург)
д.и.н. В.В.Запарий	С.П.Садовников (Москва)
к.и.н. С.А.Корепанова	Б.В.Соколов (Ярославль)
д.и.н. Г.Е.Корнилов	С.И.Симонов (Каменск-Уральский)
к.и.н. В.Н.Кузнецов	А.А.Федотов (Саратов)
Л.А.Ладейщикова	Е.А.Фролова (Москва)
к.т.н. Я.Л.Либберман (Екатеринбург)	С.Тенятников (Москва)
Я.С.Недвиг (художественный редактор)	Е.И.Щупова
к.и.н. Б.Б.Овчинникова	Ю.В.Яценко (Екатеринбург)
О.В.Птиченко	

Корректор номера
Анна Андреева

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ: АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
Учреждение культуры 620100, г. Екатеринбург,
«Банк культурной п/о 100, а/я 51
информации» сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за
соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу
1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция не возражает против перепечатки материалов, опубликованных в
журнале, при обязательном соблюдении их целостности, указания имени автора и
со ссылкой на журнал «Веси».

Электронный вариант журнала размещается в Интернете: www.ukbki.ru.

Рукописи, направленные в журнал «Веси» по почте, по электронной
почте или переданные лично, редакция рассматривает как предложенные
для издания и оставляет за собой право их публиковать на страницах
журнала без дополнительного согласования с автором.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Материалы, иллюстрации и фотографии публикуются в журнале
на безгонорарной основе.

Материалы, отмеченные знаком , печатаются
на правах рекламы.

На обложке: (1) Фрагмент здания бывшего слободского
дома Демидовых, ныне Московский государственный
областной университет.

Подписан в печать 13.01.2024.

Отпечатан в АО «ИПП «Уральский рабочий».
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Тираж 2500 экз.

Цена свободная.

12+

ЗДРАВСТВУЙТЕ, УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В представлении нашего журнала есть слово
«краеведческий». Думаю, не случайно и уместно.

Краеведение – некая сокровищница, хранилище
знаний об истории и географии, архитектуре и ис-
кусстве, малых и больших событиях, людях извест-
ных и не очень. В нем есть достоверная история и ми-
фология, артефакты и неожиданные гипотезы порой
фантастического свойства, музейные собрания и ту-
ристические маршруты. В историю русского кра-
еведения внесли огромную лепту многочисленные
экспедиции, результатом которых стали известные
труды – «Чертежная книга Сибири» С.У.Ремезова,
«История Сибири» Г.Ф.Миллера, «История Россий-
ская с самых древнейших времен» В.Н.Татищева,
«Описание земли Камчатка» С.П.Крашенинникова,
«Оренбургская история» П.И.Рычкова, «Дневные
записки путешествия по разным провинциям Рос-
сийского государства» И.И.Лепёхина, «Путеше-
ствие по разным провинциям Российской империи»
П.С.Палласа и очень многие другие.

И в старые, и в новые времена краеведение было
и остается самой народной наукой, как говорил
Д.С.Лихачев. Люди познавали родные места, обрета-
ли свое место во времени и пространстве, испытывая
гордость за свою малую Родину, любовь не только в
своим малым городам и селам, но и ко всему Отече-
ству. Недаром одним из названий этой деятельности
было «родиноведение». Без родиноведения, пожалуй,
трудно воспитать родинолюбие.

Краеведение – это еще и открытие души места,
тех, кто жил и живет здесь, это изучение житейской
мудрости, которая помогает познать основополагаю-
щие процессы жизни. Без этого трудно найти ответы
на вечные вопросы: «Кто я?», «Зачем я?»

Краеведение – это еще и метод, благодаря кото-
рому в свет выходят не только заметки, дневники
и описания, но и научные исследования, и художе-
ственные произведения. Журнал «Веси» с первого
номера печатает их, и этот номер – подтверждение
тому.

Татьяна Богина
Главный редактор

Б

ВЕСТИ

№ 1
(201) 2024
январь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Геннадий Николаев</i>	
Портреты членов императорской семьи для Никиты Акинфиевича Демидова	1, 79
<i>Владимир Загородских</i>	
Жизнь моя – океан.....	4
<i>Светлана Крысанова</i>	
История одной семьи	13
<i>Владимир Сутырин</i>	
Ярополец.....	34
<i>Максим Басок</i>	
Святки в доме Тупиковой	66
<i>Марина Упорова</i>	
«Живинка в деле» трудолюбивого Грума.....	70
<i>Павел Стихин</i>	
Встали в ряд пожарные машины.....	76

Журнал удостоен медалей

Российской
Генеалогической
Федерации «За вкладъ
въ развитие генеалогии
и прочихъ специальныхъ
историческихъ
дисциплинъ»
2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничейвой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии
естественных наук
«Звезда успеха»

Союза старателей
России «Заслуженный
старатель России»

United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organization

World Federation
of UNESCO clubs,
centers and associations

Издается под патронатом Все-
мирной федерации ассоциаций, цен-
тров и клубов ЮНЕСКО, Федерального
агентства по делам Содружества Не-
зависимых Государств, соотечествен-
ников, проживающих за рубежом, и
по международному гуманитарному
сотрудничеству, Российской библи-
отечной ассоциации и Российского
представительства TICCIH.

Международный
Комитет по
Сохранению
Индустриального
Наследия.
Российское
представительство.

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

президент Российской
библиотечной ассоциации, директор
Государственной публичной
исторической библиотеки России
Михаил Дмитриевич АФАНАСЬЕВ

заместитель генерального директора
Российской национальной библиотеки
Владимир Руфинович ФИРСОВ

член Исполнительного
совета Всемирной Федерации АЦК ЮНЕСКО,
казначей Европейской
федерации АЦК ЮНЕСКО
Юлия Александровна АВЕРИНА

член Федеративного совета
Союза журналистов России
Дмитрий Павлович ПОЛЯНИН

ЖИЗНЬ МОЯ – ОКЕАН

**Владимир
ЗАГОРОДСКИХ**

**Кинооператор подводных
съемок,
кинооператор
неигровых фильмов,
организатор кинопроизводства,
член Союза кинематографистов
России**

Подводное плавание – мое увлечение, мой любимый вид спорта. Я много плавал под водой в Балтийском, Японском, Белом, Охотском и даже в том, которого уже нет – в Аральском море. Видел красоту подводного мира и мне хотелось заснять ее, и показать людям. А о кино я мечтал еще с детства. Помню, когда мне было лет двенадцать, в нашем городке Чердынь в Пермской области кинемеханик из местного кинотеатра организовал группу ребят для обучения их кино. Я, маленький пацан, ходил на эти курсы, познавал кино. Не помню точно, что он рассказывал, но слово «кино» стало для меня синонимом «прекрасного далёка». И фильмы я любил смотреть. Поэтому, когда стал плавать под водой, понял, что это надо снимать. Сделал самодельный бокс под камеру «Киев 16С» и начал снимать и для себя, и для телевидения. Потом на Турбомоторном заводе мне сделали второй бокс для подводных съемок под камеру «Конвас»...

После учебы в институте народного хозяйства, я возглавил отдел в научно-исследовательском институте «Цветметавтоматика». В 1972 году со мной через клуб любителей подводного плавания «Искатель» связался режиссер Анатолий Стремяков. Ему для картины «Байкальские лимнологи» нужно было провести подводные съемки. Это была моя первая большая работа в кино. На Байкале я был впервые, плыву на корабле и вижу дно. Там своеобразный подводный мир – байкальская губка, нерпа...

В байкальской воде испытываешь странное ощущение. Когда плывешь под водой, до дна метров сорок, а ощущение, что ты паришь

в воздухе – такая чистая вода. При съемках погружались не очень глубоко, метров на 20–25. Уже позже, побывав на других морях и океанах, убедился, что на Байкале самая чистая и прозрачная вода в мире.

Потом, в конце 70-х годов, я пришел на киностудию. Первое время работал директором кинокартин. Через полгода меня направили в Москву во ВГИК на курсы повышения квалификации. Я их закончил. После чего с 1981 по 1986 годы проработал директором объединения научно-популярного кино. До меня директором был Зеличенко. Не все им были довольны, нередко он вел себя довольно резко с сотрудниками, поэтому его сменили.

Я отвечал за выполнение плана объединения. В случае перерасхода или задержки фильма меня

**В.Загородских
со своим первым боксом
для подводных съемок
с кинокамерой
«Киев 16-с», 1969 г.**

В.Загородских готовится к подводным съемкам для кинофильма «Из глубин океана».
Остров Кунашир, Южные Курилы, 1982 г.

могли полностью лишиться премии. У меня, как у директора, была следующая проблема. В начале 80-х годов на студии был самый высокий уровень производства. Наше объединение должно было выпускать 120 частей за год. Сюда входили и полнометражные картины, и одночастевки, и ролики. Работа кипела. Режиссеров было достаточно. Но не хватало среднего состава – хороших директоров и ассистентов операторов. Иногда случались недопонимания с режиссерами. Приходит, например, Игорь Персидский. Дай того и того-то. Ну как я могу дать этого человека, если он занят в другой группе? Персидский сразу на меня зуб заимел. Директором у него, как правило, была Людя Шумелова. Когда я ее вызывал из отпуска и говорил, что Персидский хочет работать только с тобой, она чуть не плакала. Позже, встретившись с ней Думе кино на каком-то празднике, я попросил у нее прощения за то, что вопреки ее воле назначал на работу к Персидско-

му. Персидский безусловно был ею доволен, она была девка пробивная, нормальная. Но все время терпеть такую нагрузку на его фильмах было тяжело.

Получалось, что у режиссеров уровнем повыше, таких как Ефимов, Урицкий, Персидский, Рымаренко проблем с комплектованием групп, как правило, не было – у них были сформированы свои постоянные съемочные группы. Но другим режиссерам не хватало ассистентов режиссера и оператора. Я вынужден был принимать людей с улицы, но можно ли быстро узнать, как они будут себя вести в командировках? Кто-то оказывался нормальным, работал, а кто-то сразу на первой картине в Москве или в любом другом городе напивался. И что еще меня просто добивало. В то самое время, когда народу не хватает – разрядка: столько-то человек отправить в колхоз на месяц, столько-то на постройку Дома кино. Мне было очень непросто. Поэтому с большим удовольствием ушел на

картину. Юрий Александрович Асловский поставил мне условие: «Найдешь себе замену – тут же пойдешь в операторы». Я нашел женщину из планового отдела по фамилии Волошина. К нам она приехала из Югославии. Но она, как стала директором объединения, сразу же стала делать мне мелкие подножки...

Снимал я на разных морях. Однажды на Японском море, где мы со Стремяковым снимали фильм «Из глубин океана», в котором было 90% подводных съемок, мы познакомились с директором Тихоокеанского института биоорганической химии (ТИБОХ) Г.Б.Еляковым. Создали институт специально, чтобы в море найти вещество против онкологии. Руководствовались тем, что в море рака нет. Для этой цели был построен большой корабль «Профессор Богоров», который все время курсировал по Индийскому, Атлантическому или Тихому океанам. Находили места, где еще не бывал человек и там ребята-водолазы со дна собирали матери-

В.А.Загородских под водой.

ал – трепангов, мидий, водоросли. Здесь же на корабле находилась отличная лаборатория, в которой все это изучалось. В лаборатории было три тысячи мышей, их брали в рейс, чтобы на них ставить опыты. Им вкалывали раковые клетки и наблюдали за ними. Ни одна из мышей обратно не вернулась. В общем, пятьдесят лет они плавали по морям-океанам и ничего не нашли...

Но потом, похоже, ситуация поменялась. В 2020 или 2021 году по 1-му каналу телевидения я вдруг услышал знакомый голос, а затем и фамилию, и институт. Это был Дима Аминин из института ТИ-БОХ. С ним я полгода жил в одной каюте на судне «Профессор Богоров» во время 1-й экспедиции (1984-1985 гг.). Тогда он только закончил институт.

Теперь Аминин, как заведующий лабораторией микробиологии института, сообщил по ТВ, что найдено вещество, приостанавливающее рост раковых клеток.

**Съемка фильма «Таинственный мир кораллов».
На рифах Австралии. С камерой – В.Загородских, 1988 г.**

Оказалось, что таким свойством обладает обычная кукумария – моллюск из класса голотурий. Причем, ее много в Японском море, в заливах близ города Владивосток и в других морях, омывающих Россию. Я тут же созвонился с Амининим. Он рассказал, что опыты с вытяжкой кукумарии идут полным ходом. Результаты колоссальные. Уже есть лекарство, но его пока мало. Выслать его он не может. А сам принимает по 100-150 грамм кукумарии в день. Разговор этот состоялся несколько лет назад. Позже я пытался связаться с ним, чтобы узнать о дальнейших результатах. Но сделать этого не удалось и тогда, и в последующем – связи не получилось. Не отвечали телефоны и других моих знакомых по институту.

С работниками института ТИ-БОХ я побывал в двух экспедициях, каждая по полгода. Первая экспедиция – мы со Стремяковым сняли фильм «Что там за кромкой берега». В нем много подводных съемок. И второй фильм «Лаборатория – океан». К сожалению, не осталось ни одной копии. Второй раз я поехал уже один, потому что Стремяков не умел плавать. Нет, конечно, он плавать умел, но там надо уметь плавать по-другому. Когда спускаешься на бот, волнение порой достигает 3-4-х баллов. Я поехал один, написал сценарий и снял фильм «Таинственный мир кораллов». Вышел фильм в 1987 году, его отлично озвучил Зиновий Гердт. Причем, текст он под себя переписал. Переписал так, как ему удобно было говорить. Фильм попал в точку. Воспринят хорошо он был еще и потому, что в восьмидесятые годы не было фильмов с подводными съемками в тропиках на коралловых рифах. Были только фильмы Кусто. Я посчитал, что за первые два месяца его десять раз показали по телевидению. Через некоторое время пришла бумага из Госкино, в которой просили для выплаты гонорара указать фамилию автора сценария и режиссера. Я подписал документ и отдал его Волошиной, директору объединения, которая меня сменила. И эта бумага исчезла. Так я гонорар за эту картину и не получил.

Вторая экспедиция была сложнее, но интересна тем, что я был один. На мне и зарядка камеры, и съемка в условиях качки и в мокром костюме, с которого стекала вода. В этом рейсе мы работали на рифах Австралии, и это было очень интересно. Австралийские рифы нетронутые, там очень жесткое отношение к морю, там нельзя ничего. То есть австралийские власти стараются сохранить океан в его первозданном виде.

И вот что еще произошло в этом рейсе. На корабле была партгруппа. Там был экипаж и научный состав,

и меня определили в парторги научного состава корабля. Я согласился, думая, что никаких проблем на корабле не будет. Но на корабле оказалась врач-женщина, что вообще-то редко бывает. Причем, женщина невероятно инициативная. Что-то ей не понравилось в капитане. И она начала на корабле крутить экипаж с тем, чтобы его скинуть. В чем она его обвиняла? Мы заходили в порты. Покупали какие-то продукты. Все это грузилось на корабль. Она стала подозревать, что капитан ворует часть продуктов. И она убедила в этом некоторых членов экипажа.

Во время съемок кинофильма «Из глубин океана». 1982 г. Японское море, 1982 г. Слева направо: В.Загородских, В.Киселев и остальные члены водолазной группы.

Во время съемок кинофильма «Лаборатория – океан». Остров Мадагаскар, 1984–1985 гг. Аборигены острова дружелюбны и очень любят фотографироваться за сигарету.

Ю.Дубровин (слева) и В.Загородских.

Начали осматривать, нашли в каюте у капитана какую-то шоколадку...

И еще. Когда заходишь в какой-либо порт, например, на островах Маврикия, то первые лица острова – губернатор, учитель и ветврач – обязательно посещают корабль. Картина интересная. Первых лиц привозят на корабль на большом баркасе, они поднимаются на борт, а сопровождающие ожидают их на баркасе. На корабль первые лица идут своим ходом, а обратно всех выносят на руках. Их организм не принимает алкоголь. Пятьдесят грамм и все, они пьяные. На корабль они приносили подарки, которые должны были декларироваться. Но капитан часть подарков забирал себе. В общем, на корабле провели партийное собрание против капитана. Стали голосовать за то, чтобы его сменить. Врач-женщина каждого спрашивала:

– Ты пошел бы с ним в бой?

И капитан тут же сидит. И удивительно, что все сказали:

– Нет.

Поступила она хитро. Сначала опросила своих полных сторонников, создав тем самым соответствующую атмосферу. А потом и все остальные ее поддержали. И мне до сих пор стыдно, что я тоже поддержал. Но капитана все равно не отстранили. Он же капитан. Этот вопрос решается где-то наверху, в пароходстве или в министерстве. Но мне было стыдно за свой поступок. Хотя при этом я сказал, что лошадей на переправе не меняют.

Еще стыдно было за тех людей, академиков, которые поддержали эту женщину. Академик Еляков тоже сказал «нет». Получилось какое-то стадное поведение людей.

Этот инцидент мог произойти и вот еще по какой причине. Это был 1987 год. Как раз Горбачев издал указ о борьбе с пьянством. Капитан перед рейсом заявил, что если заметит спиртное, то сразу отстранит нарушителей от плавания, хотя на флоте во все времена давали по сто грамм водки. Я все равно пронес бутылку в своей аппаратуре. А спирт я официально выписывал в каждую командировку на море по десять литров для промывки аппаратуры от соленой воды. В это время на студии заместителем директора по хозяйственной части был Василий Иванович Юдин, а Хазова занималась снабжением. Она мне подписывала заявку, а Зайков наливал спирт.

В первом рейсе нам на каждый день выдавали по двести грамм вина. Но чтобы не разливать по стаканам, давали каждому по бутылке вина на 2–3 дня. Вот мы вечерком соберемся, выпьем несколько бутылок, еще и на потом остается. Я считаю, что это было правильно. Жара, тропики, нагрузка огромная и физическая и эмоциональная. Соберемся, выпьем, все острые углы сглаживаются. А во втором рейсе вышел приказ и вместо вина стали выдавать соки. И мне стало заметно, что что-то созревает. После несколь-

ких месяцев одиночного плавания отношения постепенно становились все более напряженными. И это вылилось в конфликт с капитаном. Вот вам одно из следствий действия горбачевского указа.

Еще один случай. Животный и подводный мир снимать сложно. Поэтому коэффициент расхода пленки при подводных съемках самый высокий – 1 : 10 – 1 : 12. По пути мы заходили в порты двенадцати государств, и таможня нас нигде не досматривала. Только заходил таможенник на корабль, что-то подписывал и уходил. В некоторых портах это даже делалось по рации. А во Владивостоке, конечном пункте нашего пути, нас встретили вооруженные таможенники. Один на носу корабля, другой в коридоре. И команда: всем оставаться на своих местах, из кают не выходить. А снятая пленка мной была упакована и помещена в яуфы, которые хранилась в холодной комнате. Я предупредил замполита таможенников, что в яуфах пленка и ее нельзя смотреть. А это, видимо, еще больше заинтересовало таможенников, почему это нельзя смотреть. После того, как они ушли, я побежал в холодную комнату и нашел там свои раскрытые яуфы. Они их открыли, достали три коробки, размотали пленку и посмотрели ее на свету. Получилось 900 метров брака. Весь край пленки оказался засвечен. Перерыли также всю мою аппаратуру, видимо искали наркотики.

Потом эту пленку я сдал на проявку, и она оказалась бракованной. Может, это произошло еще и потому, что пленка была высокочувствительной (под водой света маловато), а она долго оставалась на свету.

И еще один случай, печальный. В 1982 году мы со Стремяковым снимали фильм на Дальнем Востоке, жили на водолазной базе. Среди водолазов оказался мой хороший знакомый, Валерий Киселев, с которым мы начинали обучение подводному плаванию в 1960-е годы в Свердловске в клубе «Искатель». Он был старшим среди водолазов. В нашем фильме Киселев был главным героем, у него был богатейший опыт погружений. И вот сняли мы последние кадры фильма

«Из глубин океана», сняли, как мой товарищ проплывал под водой в гроте, держа в руке горящий фэйер. Все сняли, уехали во Владивосток, на следующий день должны были улетать. И вдруг нам приходит сообщение, что Валера утонул. Там были москвичи, которые попросили подстраховать их при погружении на 90 метров. Страхующий рассказывал, что выныривают два москвича сами не свои, а с Валерой связи уже нет. Дергает страхующий за фал, а ответа нет. Тогда он вытащил Валерия, а он уже никакой. Маска снята, сорвана. Загубник вырван...

Я никуда не улетел, присутствовал на похоронах. Поговорил с москвичами. Валера – человек, испытанный глубиной, наркоз на него не действует. А вот на москвичей, я думаю, подействовал азотный наркоз. В этом случае человек теряет ориентировку, не понимает, что он делает и зачем. Москвичи говорят, что они ничего не помнят. Видимо, на них подействовал наркоз, они в панике инстинктивно стали хвататься за Валеру, и сорвали с него маску и трубку. Тогда мы под водой

дышали обыкновенным воздухом. Сейчас для дыхания используют специальные смеси, из которых удаляют азот.

Спустя двадцать лет в музее на моей выставке раковин я встретил женщину, которая рассказала мне о своем сыне. Он тоже плавал под водой и тоже любил собирать раковины, но утонул. И, как оказалось, это был тот самый Валерий, который снимался у нас, и который погиб под водой. Я все рассказал этой женщине о ее сыне, и о его работе во Владивостоке.

Максимально я погружался на глубину 66 метров, а в барокамере – на 75 метров. Снимал камерой на глубине до 20 метров. В «Конвас» заряжал 60 метров, снять которые можно было за две минуты. Снимал короткими планами секунд по десять.

В 1990 году я был включен в состав экспедиции для съемки фильма по заказу института. Сценарий написан, деньги переведены на студию. Режиссер Юра Дубровин. Я готовил аппаратуру для подводных съемок. В Москве попросил директора института Елякова включить

в состав экипажа и Дубровина, но поскольку все уже было сформировано и расписано, он предложил поехать нам на следующий год. А следующий год – 1991. Все рухнуло! Научно-исследовательские судна стояли у причалов и ржавели. А фильм мы все же сняли в Японском море, используя стоящий у причала корабль и ранее снятые мной кадры на коралловых рифах.

Участвовал я и в игровом кино, тоже делал подводные съемки. Для фильма «Мафия бессмертна» снял хорошие планы. Там герой и две девушки в бане прыгают в бассейн, а я снимаю их снизу, со дна бассейна. Сначала снимаю, как они кружатся в воде. Потом с одной девушки медленно сползает накидочка и плавно-плавно опускается на дно. Я ее панорамирую. Девушки, которые там плавали, были обнаженные. Я подплываю с камерой ближе к ним и вижу – у одной девушки ягодицы в синяках. Мне хорошо все видно. Позднее узнал, кто это, кто у нее муж и откуда у нее синяки. Такой вот был кадр.

Делал подводные съемки и для других игровых фильмов. На-

Слева направо: В.А.Загородских, В.Е.Волянская, М.О.Рыбалко (начальник планового отдела киностудии).

пример, на Черном море снимал для Валентины Хижняковой. Для фильма «Двенадцатое лето» Паши Фаттахутдинова тоже снимал под водой. Там ребята ныряли в воду за часами.

Теперь есть камера «GoPro», одеваешь на голову и снимаешь. Раньше про плохих операторов говорили: «Что вижу, то снимаю». А сейчас про нынешних можно сказать: «Все снимаю, но ничего не вижу». Сейчас молодежь снимет на «GoPro» и приносит на монтаж, а там выбрать нечего.

Больше всего фильмов, мне кажется, я сделал с Морозовым и Дубровиным. С Морозовым мы сняли хорошую картину про жизнь зэков, называется «На караул». Охранниками там были женщины. Еще фильм про манси сделали и много других.

***

В то время, когда я был директором объединения научно-популярного кино, Асловский назначил

меня председателем комиссии по борьбе с пьянством. Наибольшее количество извещений из вытрезвителя в отдел кадров поступало на сантехников, на водителей, на режиссеров и операторов. Когда приходили такие извещения, мы вешали на доске фамилии нарушителей, собирали комиссию и обсуждали каждого человека. Мы обязаны были провести соответствующую работу и отчитаться. Все же, по сравнению с режиссерами и с операторами, сантехники чаще попадали в вытрезвитель. Водители некоторые тоже. С сантехниками проще было разговаривать – они чувствовали, что виноваты. Но попробуй сказать это режиссеру. Мы вели работу, а сантехники как пили, так и продолжали пить. С режиссерами тоже было непросто.

И вот однажды на студии партийное собрание – отчет комиссии по борьбе с пьянством. Я был членом партии, Асловский заставил. Когда пришел на студию, он мне сказал, что у тебя такая долж-

ность, что обязан быть коммунистом. Ну, понятно, чтобы можно было меня на подобные собрания вызывать... В те годы партийными, в основном, были люди в возрасте, ветераны, участники войны. И вот я докладываю: столько поступило сообщений, такая проведена работа. Говорю о сантехниках. А из зала кричат, а где ваши режиссеры, где операторы, они же тоже пьют. Вы почему о них молчите? И это было не один раз. Это неприятная для меня история, но я вынужден был назвать фамилию одного режиссера, который не раз попадал в вытрезвитель.

И что тут началось! Под влиянием этого режиссера и поддержавших его некоторых других режиссеров, Асловский собрал собрание с такой повесткой: Загородских на партийном собрании назвал фамилию режиссера. А до собрания та компания приходила ко мне и с кровожадной улыбкой говорила, ну что, доработался, заказал сам себя.

На собрании Асловский спрашивает у Балабанова (главного редактора Объединения), что же будем делать в этой ситуации? Балабанов отвечает: «Что делать? Пусть работает». Дело в том, что я шесть лет работал директором объединения научно-популярных фильмов и ни разу не сорвал план выпуска фильмов. А тогда было так: не сделал хотя бы один фильм – вся студия лишается премии. Видимо, учитывая это, Асловский и согласился с Балабановым – пусть работает.

Продолжаю по поводу пьянства. Однажды меня вызвали в райком партии. Это у них была такая плановая работа – вызывать с разных предприятий руководителей комиссий. Захожу в кабинет, там сидят человек десять мужчин солидного возраста. Директора предприятий, начальники цехов. Заслушивали двоих – милиционера, который боролся с пьянством в Кировском районе, и меня. Начали с милиционера. Милиционер, молодой мужчина, встает и начинает читать с бумажки: «За текущий период поставлено на учет столько-то пьяниц, столько то оштрафовано, столько то осуждено,

Съемка белых кувшинок для фильма «Природы милое творенье», 1997 г.
С камерой – В.Загородских.

РЕЖИССЕР А. СТРЕМЯКОВ
ОПЕРАТОРЫ Ю. ДУРИНОВ, А. СТРЕМЯКОВ, А. ТРИФОНОВ
ПОДВОДНЫЕ СЪЕМКИ В. ЗАГОРОДСКИХ
МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ Н. ФРОЛОВА
ПРОИЗВОДСТВО СВЕРДЛОВСКОЙ КИНОСТУДИИ

ЛАБОРАТОРИЯ-ОКЕАН

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ФИЛЬМ

Рекламный плакат кинофильма «Лаборатория – океан».
Режиссер – А.Стремяков, оператор – В.Загородских.

столько то уволено с работы». Все поплодировали милиционеру: молодец. Дали мне слово. Я говорю, что комиссия работает, проводим воспитательную работу. У меня спрашивают:

– Сколько вы осудили?

– Никого не осудили, – отвечаю. – Это не входит в компетенцию нашей комиссии.

Далее спрашивают:

– Сколько отправили на лечение? Сколько вылечили?

– Никого, – отвечаю. – У нас нет таких, чтобы им нужно было лечение.

Слышу, недовольны. Тогда у меня спрашивают:

– Сколько уволили?

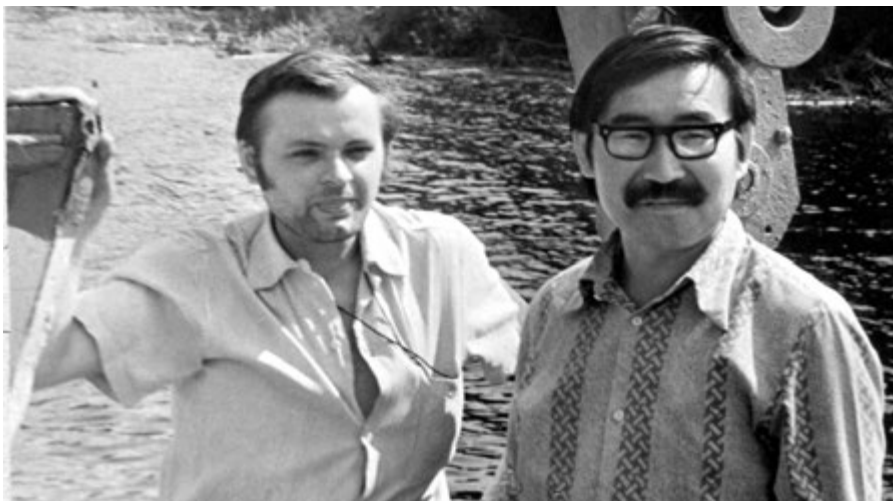
– Мы никого не уволили, – отвечаю. – Потому что у нас нет заменимых режиссеров и операторов. Их просто нечем заменить. Если кого-то из вас можно заменить, то режиссера, когда он снимает фильм, заменить невозможно.

Тут такое началось в отношении меня. Кричат, тыкают... Я подождал минут пять, встал и вышел. После этого начались звонки Асловскому. А я вернулся на студию и написал заявление с просьбой освободить меня от должности председателя комиссии по борьбе с пьянством. И больше я этим не занимался. Мне было очень скверно от того, как повели со мной эти чинуши. После меня председателем комиссии по борьбе с пьянством стал мой заместитель Владимир Бамбуров. Я ему предложил и он согласился. Но я в это уже больше не вникал.

В 2009 году я как оператор-постановщик снял 4-х серийный детский фильм «Седьмое королевство». Снимали его около аквапарка.

***

Время было сложное. Случились и всякие казусы. В том числе и такие например, в 1996 году, были «Ночные новости». Середина 1990-х – самое время разгула бандитизма в Екатеринбурге. Кирилл Котельников нашел заказчика, который финансировал съемки. Котельников договорился с телевидением, и мы для них каждую ночь с 6 вечера до 6 утра снима-

Оператор Ю.Дуринов (справа) и ассистент оператора Ю.Мазин.

ли всё, что происходило в городе ночью. Кроме меня, как оператор, работал Юра Дуринов. Снимали на видео. Каждую ночь что-нибудь происходило – убийство, поджог, пьяные водители и ДТП. Гаишники ловят пьяного водителя, а он оказывается большим начальником. Мы начинаем его снимать, а он милиционерам грозит, что завтра вы все будете уволены.

Изнасилования были. Грабежей было много. Тогда частенько бывали разборки между бандами. У парка Маяковского был какой-то Окунь. Не поделили что-то, ранили его. А у нас была связь, из милиции сразу сообщали, или еще откуда-то. Котельников организовал такую связь. Поэтому мы зачастую приезжали раньше милиции. И вот приехали, лежит этот Окунь раненый. Я начинаю снимать, следователь хлопочет, что-то собирает. Банда стоит кругом и смотрит на меня. А потом они начинают потихонечку меня обступать.

– Зачем ты снимаешь? Давай камеру, или мы тебя положим рядом.

Я им отвечаю:

– Ребята, я выполняю свою работу, если хотите, позвоните руководителю «Ночных новостей» и договоритесь с ним. Договоритесь, значит, не буду снимать. А пока я делаю свое дело.

И тут следователь говорит, что ничего, он мне не мешает, пусть работает. Но Окунь все-таки не выжил. Когда приехала «Скорая», он уже умер. Такие были ситуации. Пожары были...

А однажды две фуры откуда-то из Чехословакии, или из Молдавии везли фрукты – груши и яблоки. На мосту шофер не справился с управлением, и фура перевернулась. Это было зимой. Яблоки и груши засыпали всю дорогу – получилась целая гора фруктов. Все это я снял, получился хороший сюжет «Яблоки на снегу». Даже привез ящик груш в офис Котельникова.

Много было всякого, но вот что мне очень не нравится, так это то, что за рубежом любят кино, в котором Россия показана пьющей...

***

Я доволен тем, что мои детские фантазии и мечты сбылись. Я подружился с морями и океанами. Первый в России снял фильм в тропиках на коралловых рифах под названием «Таинственный мир кораллов». И этот фильм имел огромную аудиторию. А еще за сорок лет плавания по морям я собрал уникальную коллекцию морских раковин, более пятидесяти видов кораллов, в том числе редчайший голубой коралл, морских ежей и звезд. Было много выставок в разных регионах России. Сейчас эта коллекция хранится в Свердловском краеведческом музее. Я прожил интересную жизнь в кино, много увидел и много познал, у меня много друзей...

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ

Светлана КРЫСАНОВА.

Внештатный
научный сотрудник музея
декабристов г. Турина.

«Забыты, забыты, всеми забыты! Потеряны могилы родных, умрем мы и умрет память о нас. Мы не должны быть забыты, воскресите нас в памяти наших потомков, ведь прожита тяжелая жизнь, остался же какой-то след на земле. Такие мы, Иваны непомнящие, и не у кого спросить. Все ушли из жизни. Или было такое время, что боялись ворошить прошлое, вернее – боялись его! Мой дед по маме – Александр Семенович Лаптев и вся его семья были репрессированы. И хотя моя мама была слишком молода и никакого вреда никому не причинила, ее тоже всю жизнь преследовала мысль, что ее могут лишить всех прав. Это страх перед властью мама передала и мне. И я всю жизнь боялась за маму, боялась, что ее заберут и мы останемся одни. Всю жизнь мы знали только обязанности».

Тамара Александровна Мингалёва.

Волею судьбы мне посчастливилось вжиться в историю этой семьи. И чем больше я узнаю об этих людях, тем больше я понимаю, насколько тяжелы и порой невыносимы были те испытания, которые выпали на долю этих замечательных людей. Даже люди с небогатым воображением дрогнули бы, представив себе хотя бы месяц жизни одного из членов этой семьи после наступления советской власти.

70 лет страха и молчания. Впервые в 1993 г. одна из дочерей Александра Семеновича Лаптева отважилась рассказать в письмах своей племяннице весь ужас пережитого ими. Любая революция приводит к гибели нации, несмотря на ее благие намерения. То, что мы получили – сотни тысяч искалеченных российских судеб.

Мне хотелось рассказать о судьбе этой семьи. В нашей семье, как и во многих других, тоже много тайн и секретов. Недавно я узнала, что фамилия моего деда, к которой мы привыкли за всю жизнь, девичья фамилия его матери. Семья деда была раскулачена, и, повзрослев, он взял ее фамилию. Я узнала об этом случайно, получив допуск к фондам ГАСО. Но это другая история. А сейчас о Лаптевых.

Мне хочется подарить г. Туринску достойные имена земляков, принадлежащие одному роду, одной династии.

Лаптев Александр Семенович (1876–1944) – помощник Туринского уездного исправника, коллежский секретарь, сотрудник Туринского казначейства.

Ситников Александр Федорович (1909–1953) – родился в Жуковской волости Туринского уезда, полный кавалер ордена Славы. Муж одной из дочерей А.С.Лаптева.

Виктор Александрович Акулов – правнук А.С.Лаптева. Родился 17 января 1959 г. в г. Туринске Свердловской области. Военный пенсионер. Участник ликвидации последствий на Чернобыльской АЭС. Экс-депутат Калининградской областной Думы. Член Союза журналистов.

Выписки из послужного списка¹:

«Секретарь Туринского Уездного Полицейского Управления (Приказ Тобольского Губернатора за № 48 от 01 мая 1907 г.)»

«Коллежский Регистратор со старшинством (Приказ по гражд-

¹ ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 18. Д. 154. Л. 1–5.

А.С.Лаптев до 1917 г.

А.С.Лаптев на рабочем месте, в полицейском управлении г. Туринска. Нач XX в.

данскому ведомству № 19 от 05 апреля 1908 г.»

«Пристав 1-го стана Туринского уезда (Приказ Губернатора за № 52 от 03 мая 1910 г.)»

«Губернский Секретарь со старшинством (Приказ по гражданскому ведомству за № 66 от 28 сентября 1910 г.)»

«Помощник Туринского Уездного Исправника (Приказ Губернатора за № 49 от 08 июня 1912 г.)»

«Коллежские Секретари со старшинством (Приказ по гражданскому ведомству за № 59 от 23 сентября 1913 г.)»

«Помощник Начальника Туринской Уездной милиции (В 1917 г. в виду сложившегося изменения Государственного строя России, оставлен в составе милиции)»

«Кассир 2 разряда Туринского Казначейства (Приказ Управляющего Тобольской Казенною Палатою за № 157 от 12 сентября 1917 г.)»

«Исключен из списков служащих ведомства Казенной Палаты (Приказ Управляющего Тобольской Казенною Палатою, за № 116 от 03 июля 1919 г.)»

«Объявлена благодарность начальника губернии, с выдачею в награду 35 руб. за умелые и энергичные действия при задержании скрывшегося с похищенными общественными суммами Табаринского волостного писаря Дорофеева, последствия каких действий Лаптева было предупреждение растраты 960 рублей, из числа

похищенных Дорофеевым сумм. 1909 г.»

«Объявлена благодарность Начальника губернии за умелые и энергичные действия, благодаря которым обнаружен и задержан убийца крестьянина Федора Степанюка переселенец Карп Яцкевич. 1911 г.»

«Объявлена благодарность Тобольского губернатора ввиду засвидетельствования Прокурорским надзором о выдающейся деятельности Лаптева по производству дознаний о преступлениях. 1912 г.»

«Имеет право ношения Высочайше учрежденной в память 300-летия Царствования Дома Романовых светло-бронзовой медали. На основании Высочайшего повеления, последовавшего в 21 день февраля 1913 г.»

«Предоставлено право ношения на груди на ленте ордена Белого Орла светло-бронзовой медали. На основании Высочайшего повеления, последовавшего в 12 день февраля 1915 г.»

«Объявлена благодарность начальника губернии за распорядительность и задержание бежавших 1 июля 1916 г. с работ по сооружению моста через реку Туру Северо-Восточной железной дороги 23 ссыльно-каторжных арестантов. 1916 г.»

В этих нескольких строчках – судьба человека. Умного, честно-го, преданного. Прекрасного отца,

сына и мужа. После того, как он был исключен из списков служащих ведомства Казенной Тобольской Палаты по приказу от 03.07.1919 г., Александр Семенович Лаптев был арестован.

По первой всеобщей переписи населения России в 1897 г. в городской части Ишима на участке № 3 по улице Большой Никольской в двухэтажном «доме Прасковьи Лаптевой» в кв. № 1 проживали трое: мать Прасковья Петровна Лаптева – 69 лет, вдова, ее сын – Александр Семенович Лаптев 20 лет, канцелярский служащий и надворный работник Брагин Андрей Васильевич 23 лет, бывший военнотружачий, урожденный деревни Лапушки Тобольской губернии. При доме имелись два строения¹

В формулярном списке о службе, составленном 20 сентября 1917 г., значится: «Коллежский Секретарь Александр Семенович Лаптев родился 15 ноября 1876 г. Происходит из мещан города Ишима. Окончил полный курс наук в Ишимском уездном училище. На службу поступил в штат Ишимского Окружного суда, с причислением к 3-му разряду канцелярских служителей. По случаю введения в Сибири новых судебных учреждений по уставам Императора Александра II, оставлен за штатом с 1 июля 1897 г. определен на службу в штат Ишимского Уездного Полицейского Управления.

Назначен журналистом того же Полицейского Управления. По постановлению Ишимского Уездного Исправника от 6 февраля 1907 года на него возложено исполнение обязанностей Полицейского Надзирателя 1 участка гор. Ишима, не слагая с него прямых его обязанностей...»²

К тому времени Александр Семенович Лаптев был женат уже второй раз.

Из воспоминаний Александра Семеновича

«Мой отец – Желтовский Симеон – был сыном богатой поляч-

¹ ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2 Д. 7. Л. 23, 32.

² ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 18. Д. 154. Л. 1–5.

ки и обедневшего дворянина. Горячая любовь их друг к другу не принесла счастья. Неугодный зять и упрямая дочь были прокляты и умерли в крайней бедности. Их мальчика, сына Симеона, усыновил Ишимский купец Лаптев. Скупая и перегоняя стада скота, Симеон встретил в степи и полюбил дочь калмыцкого воеводы. Она приняла христианство, и их обвенчали. Самобытная красота и свежесть степной девушки скоро увяли, любовь прошла, сменившись на боль и разочарование. Вино помогало Симеону заглушать обиды, скоро вошло в привычку и привело к его гибели. В семье было четверо детей: Иван, Софья, (третьего не помнил) и Александр. Всем детям было дано хорошее образование. Сестра Софья вышла замуж за человека с нерусской фамилией»

Личная жизнь Александра Семеновича не складывалась. Первая жена – Мария Ивановна Чернышева. Дочь Ивана Илларионовича Чернышева, гласного Городской Ишимской Думы. Она родила ему сына Николая в 1903 г. Но вскоре после родов молодая жена напросилась с мужем на охоту, на которой сильно простудилась, тяжело заболела скоротечной чахоткой и умерла.

Второй раз Александр Семенович женился в 1906 г. на дочери владельца крупной мельницы Худяковой Марии Павловны. Это была умная, образованная, гордая женщина, с мягким характером.

В Туринске семья Лаптевых жила в большом прекрасном доме на ул. Спасской, № 17, в котором было всё, что могли позволить себе состоятельные семьи. В семье родились две девочки Ангелина и Ольга. Сын Николай учился в Ирбитской гимназии. К несчастью, и этот брак был недолгим. 25 ноября 1912 г. в возрасте 24-х лет Мария Павловна умерла от родильной горячки. Она похоронена в Туринске, недалеко от старой кладбищенской церкви. О ней Александр Семенович вспоминал с большой теплотой.

Мать Марии Павловны, Александра Васильевна, еще долго жила в доме А.С.Лаптева, помогая воспитывать девочек, и очень теп-

А.С.Лаптев со второй женой Марией Павловной Худяковой в доме в Туринске.

Игра в шахматы. А.С.Лаптев с женой Марией Петровной.

ло относилась к его первому сыну Николаю.

3 февраля 1914 г. Александр Семенович Лаптев женится третьим браком на дочери псаломщика Петра Алексеевича Иорданского из села Коркинского. По иронии судьбы и третью его жену звали Мария.

Мария Петровна была женщиной образованной, волевой и очень красивой. До замужества она работала учительницей и, выходя замуж, она с душой приняла трех детей. Девочки не помнят, как вошла в дом их новая мать. Помнят только, что стояли на коленях перед иконой и она, благословляя их, говорила: «Зовите меня мамой».

Из воспоминаний дочери А.С.Лаптева Ольги

«Наша семья состояла из шести человек: папочки, мамочки, брата Николая, сестер Ангелины, Ольги и Елизаветы. Наш брат – Николай Александрович Лаптев (1903–1942) учился в Ирбитской мужской гимназии. Его приезды на каникулы домой были для нас настоящим праздником. Мы с сестрой Гелей играли с ним в городки, бабки, войну. Он рассказывал нам о свободной и богатой Америке, куда он собирался, обещая привезти нам кукол и золото.

На крыльце дома Лаптевых.
Дети Николай, Ангелина (слева)
и Ольга.

Золото нас не интересовало, а вот кукла была нужна очень, так как куклу Лизу со стеклянной головой он разбил в одном из сражений. В Америку он всё же собрался с другом. Взял у соседей лошадь (сухари и деньги были заготовлены заранее), и зимой мальчики поехали в Америку. Из Ирбита они доехали до Тюмени, где были задержаны и отправлены домой.

В 1942 г. Коля приехал ко мне, такой родной и дорогой! Он переболел тифом и направлялся на Сталинградский фронт. Потом

пришла похоронная. Я читала его дневники, в них видна безграничная любовь к отцу. В них он просил отца, если погибнет, поднять его мальчиков. Но в 1944 г. отца убили».

Из воспоминаний дочери А.С.Лаптева Лизы

«Папа обожал свою маму и, будучи уже совсем взрослым, плакал о ней. Как утверждал папа, она была красивая, кроткая и добрая женщина. При царе папа занимал высокий чин – был помощником исправника полиции. Раньше чин этот считался большим, и папа был «Ваше превосходительство». Мы были богаты, громадный дом в Туринске. У всех девочек были няни, а Коля учился в гимназии.

И вот – революция! Да здравствует Советская власть! Папу сразу арестовали и увезли куда-то. Остались – мама с тремя детьми и бабушка девочек, Александра Васильевна, мать Марии Павловны. Голод! Хлеб черный только для меня, годовалой. Потом вся семья лежала в сыпном тифе, кроме мамы. Правда, я – в брюшном. Никто не умер, слава Богу! Только я так ослабла, что начала ходить только к двум годам.

А папу (и всех полицейских и других врагов) увезли куда-то. На одной из ж/д станций открылась дверь вагона, и солдат кричит: «Полиция, выходи!», и какой-то догадливый арестант ответил, что всех полицейских расстреляли на прошлой остановке. Папа (уж не знаю, как и чем) выломал в полу доску и ночью бежал вместе с товарищем. Сбросили форму и пошли. Сапоги, белье – всё обменяли в деревне на бедняцкую одежду и пошли дальше, дальше... Дорога их – остановки в деревнях дальних, подальше от новой власти, работа по найму и так до Дальнего Востока. Там их арестовали как бродяг и заставили работать, делать скамьи для «советских заседаний». Папа хотел вырваться из этого плена и с наступлением тепла сбежал. Домой, домой!!! Путь был долгий и голодный. И вот – папа вернулся! Сама-то я ничего не помню, кроме слез родителей!

А.С.Лаптев с сыном Николаем, дочерьми Ангелиной и Ольгой
в саду собственного дома. Калитка на ул. Спасскую.

И сразу же отобрали наш прекрасный дом. Я помню, как я в чулках, в пыли, шла за возом с вещами. 3 года мы жили на квартире.

(В послужном списке Лаптева А.С. значится адрес проживания – ул. Революции, дом 43, видимо, это тот дом, где проживала в те годы семья Лаптевых).¹

Естественно, в те годы родителей нигде не принимали на работу, а детей четверо! И папа пошел с фотоаппаратом по деревням. Мы даже корову купили. (Ведь две коровы и две лошади забрали красные).

Я не представляю, какими усилиями папа собрал деньги на постройку нового дома. (Этот дом, по адресу ул. Партийная, 18, на площади Туринска). Оля с Гелей уехали в Ирбит, поступили в педтехникум, потом и я пошла в школу. А потом опять беда! Раскулачивание!

Девочек исключили из педтехникума, кто-то из учеников донес администрации техникума, что они дочки врага – белого офицера. Колю отправили в тюрьму, меня исключили из школы. Помню, как мама убеждала папу спешно уехать, бросить дом и всё. Но папа, видимо, надеялся, что беда пройдет мимо. Но нет, не прошла!

¹ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 18. Д. 167. Л. 1–29.

И вскоре у нас всё-всё отобрали. Маму с папой арестовали и увезли куда-то на север, на лесозаготовки. Все мы считали, что родителей больше не увидим. Тоски моей не было границ...

Так прошла зима. Наступил март 1931 г.

Мама пришла в Коркино. Это означало, что она бежала из плена, шла она ночами, так как днем ее опять могли схватить. Это было героизм матери!

А через месяц пришел в Коркино папа. Он тоже бежал из-под конвоя. Днем он лежал в снегу, а ночью шел, шел к свободе, к семье.

В ту же ночь, как он пришел в Коркино, мы уехали в Лысьву. Здесь мы и остались. Навсегда».

Мария Петровна Иорданская

Третья жена А.С.Лаптева. Из сословия духовных. В 1906 г. окончила Тобольское Епархиальное училище. Дочь псаломщика церкви с. Коркинского Петра Алексеевича Иорданского и Феоктисты Ивановны. Учительствовала. Занималась рукоделием, разведением цветов, воспитанием и образованием детей. Всю свою жизнь была рядом со своим мужем, разделила с ним горькую судьбу репрессированного, но морально не сломленного человека. Семья

Третья жена А.Лаптева
Мария Петровна Иорданская.

Иорданских, родителей Марии Петровны, на протяжении нескольких лет давала кров этой семье. После покупки дома в Лысьве Мария Петровна поступила на работу в типографию, где работала корректором. Умерла 17 августа 1943 г.

Из воспоминаний Тамары – дочери Анжелины Александровны

«Моя мама – Ангилина Александровна Ситникова (Лаптева в девичестве), родилась в Туринске 09.12.1907 г. Со слов ее сестры т. Оли, это была тихая девочка с широко открытыми голубыми глазами, светлыми прямыми волосами. Она всегда была грустная и молчаливая. Мама любила лошадей, умела запрягать и ходить за ними. Любила читать вслух, любила ходить в лес за грибами и ягодами. В молодости она была застенчивая, одевалась и вела себя скромно. Не пользовалась успехом у юношей, хотя была красивой.

После ареста родителей ее исключили из педагогического техникума. Мама уехала подальше от города в д. Неймышево Туринского района. И работала там учительницей.

В 1929 г. вышла замуж за оперуполномоченного Ситникова Александра Федоровича, 1909 г.р.

Мой отец – Ситников Александр Федорович (1909–1953). Полный кавалер орденов Славы. Родился 9 апреля 1909 г. в Жуковской волости Туринского

Александр Семенович Лаптев в своем кабинете дома.

Мария Павловна Худякова
с дочерью Ангелиной. Ишим. 1907 г.

района, в крестьянской семье кузнеца Ситникова Федора Елизаровича.¹ Русский. Член КПСС с 1944 г. Образование начальное. Мобилизован и отправлен на фронт в декабре 1942 г.

Помощник командира взвода роты автоматчиков 823-го стрелкового полка (302-я стрелковая дивизия, 60-я армия, 1-й Украинский фронт) старший сержант Ситников в апреле 1944 г. в боях за г. Тернополь (Украина) возглавлял штурмовую группу, захватил с бойцами дом, в котором засели враги, уничтожил 3 пулемета и до 20 гитлеровцев. Лично Ситников истребил 5 фашистов и расчет пулемета.

23.4.1944 г. награжден орденом Славы 3 степени. В августе 1944 г. в бою за г. Дембица (Польша) командир отделения автоматчиков того же полка Ситников, рискуя жизнью, вынес из-под огня и спас от захвата врагом боевое знамя полка. 16.10.1944 г. награжден орденом Славы 2 степени. 14.01.1945 г. в районе населенного пункта Кухары (20 км северо-западнее г. Тарнув, Польша) старшина Ситников спас полковое знамя

от прорвавшихся к КП автоматчиков. 27.6.1945 г. награжден орденом Славы 1 степени.² В 1945 г. демобилизован. Вернулся в родной город. Работал на сырьевом складе. Умер в 1953 г. в Сысерти, в госпитале инвалидов ВОВ, и похоронен на городском кладбище.

Наш отец – полный кавалер орденов Славы. Сегодня его имя есть на городском монументе памяти павших солдат на площади Восстания в г. Туринске. А в г. Тавде одна из улиц носит имя А.Ф.Ситникова.

Мамочка была очень доброй, порядочной и доверчивой.

Отец был полуграмотным, и мама обучила его грамоте, научила его писать так же красиво, как писала сама.

В 1934 г. мама уезжает из Туринского района поближе к своим родным, в Лысьву. Ее направили работать в с. Валюшино Лысьвинского района учителем начальной школы. К этому времени мама окончила заочно Ирбитский педтехникум. Из Валюшино мы переехали на ст. Кормовище. Это поближе к городу, и снабжение здесь получше. Нам дали квартиру недалеко от станции, напротив школы. Жизнь налаживалась. Мы часто ездили в Коркино к бабушке и дедушке. У них в Лысьве был свой небольшой дом, участок земли и очень много цветов в саду. Бабушка Мария Петровна была очень красивой, с пышными волосами. Она очень любила цветы. С ними в доме жила их дочь Лиза.

В 1939 г. отец уговорил маму переехать в с. Санкино, поближе к его родным. Мы переехали. Отец работал в лагерном пункте, мама работала в школе. Она была очень доброй и честной, и ученики ее очень любили. Жили мы в одной комнате на 1-м этаже школы. Жили очень бедно. Родители отца (они жили в с. Жуково) дали нам корову, но рядом со школой не было никаких хозяйственных построек, и нам пришлось оставлять корову очень далеко от дома. Каждый вечер мы с мамой ходили поить и доить ее.

² (Лит.: Созвездия Славы. Свердловск, 1975. с. 133–138; Солдатская слава. Свердловск, 1985. с. 133–138).

Война застала нас в Санкино. Я хорошо помню, как выступал В.М.Молотов по радио (радио висело только в клубе), а мы все слушали на улице его речь. Отец в то время работал уже в Тавде, и у него была другая семья. Жить стало очень трудно. Мама переехала в с. Жуково. Может быть, она считала, что поближе к родным отца нам будет легче жить. Помню, как мама привезла нас на весенние каникулы в Жуково к бабушке, а сама уехала в Санкино заканчивать учебный год. Бабушка Фекла Нифонтовна относилась к нам очень хорошо. У них было небольшое хозяйство, своя семья: две дочери Мария и Анна (моему отцу и т. Гуте бабушка приходилась мачехой) и очень больной дед, который вскоре умер.

Ситников Федор Елизарович (род. 1879) – наш дед. Дед был мастеровой. Про таких говорят – у него золотые руки. Всю жизнь он работал кузнецом. Долго болел чахоткой. Его первая жена Дарья Филипповна умерла в возрасте 34 лет. Она тоже болела чахоткой.

Бабушка Фекла Нифонтовна была очень набожной, соблюдала все религиозные посты и праздники. Дочери Мария и Анна – красавицы-блондинки. Мария вышла замуж, родила сына и очень рано, в возрасте 24 лет умерла. Анна, веселая, неунывающая красавица, вышла замуж, родила шестерых детей, муж оставил ее и детей, семья жила в страшной нищете. Она тоже рано умерла. Были они (родные отца) хорошие, добрые люди.

Так вот. Шла война. Весной, кажется в 1942 г. мама приехала в Санкино после окончания учебного года. Нам опять дали комнатку при школе. Маленькая кухонька была через коридор, где жила техничка. Как мы пережили годы войны, страшно вспомнить. Совершенно нечего было есть. Паек нам давали зерном 1,8 кг на человека на месяц. Мы сами зерно мололи на жерновах и съедали всё за 3–4 дня. Мама опухла от голода и совершенно обессиленная попала в больницу. Там ее откормили, и она пошла на поправку. Выручала нас корова, которую мы держали, но ее нечем было кормить,

¹ ГАСО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 142. Л. 69 об., 70.

поэтому молока было совсем мало. Сено мы с мамой ставили вдвоем. Она была очень слабая и больная. Зимой сено мы возили на санях за несколько километров. А зимы были страшно холодные и снежные. Ждали весны, чтобы выпустить корову на выпас. А мы весной жили одной зеленью. Ходили в поле, собирали полевой лук и кислицу (щавель). Вот только так и выжили. Жили мы дружно. Я подросла, стала помогать маме. Летом работали в колхозе на покосе, осенью на уборке. Жали и молотили по ночам снопы.

Родные наши по-прежнему жили в Лысьве. Лиза, мамина сестра, работала фармацевтом, у нее уже была семья, родился первый сын Володя. В 1943 г. умирает бабушка от тяжелого заболевания печени. Не прошли даром горести судьбы. В 1944 г., через год после смерти бабушки, за год до окончания войны, в своем доме был ограблен и убит наш дедушка Лаптев Александр Семенович. Лиза первая вошла в дом и увидела отца мертвым в петле. После пережитого она уже никогда больше не смогла войти в этот дом, от ужаса. Грабители забрали всё, что было у отца, даже одежду. Деньги лежали в верхнем ящике его стола. Хоронить отца было не на что. Грабителей не нашли. Дом продали. Это было всё, что осталось от трудов нашего дорогого деда.

В 1945 г. маму перевели в Мингали, деревеньку в одну улицу. Я, после окончания семилетки пошла работать, помогать маме. Училась я хорошо, и меня назначили учителем в начальную школу. Заочно я окончила педтехникум и сразу поступила в пединститут на заочное отделение. В это время я уже работала в Ленском РК ВЛКСМ, сначала инструктором по работе со школьниками, а затем была избрана Первым секретарем РК ВЛКСМ. В 1952 г. вышла замуж за Мингалёва Пантелеймона Дмитриевича. В 1953 г. мы уехали в Приморский край, бухта Ольга, по месту службы мужа. Там же, 17.10.1954 г. у нас родился сын Юрий. После демобилизации мужа мы вернулись в Ленск Туринского района Свердловской об-

ласти. За это время сестра Нина окончила политехнический техникум, а младшая сестра Лида окончила среднюю школу. Мама жила уже в дер. Комарово. После замужества младшей дочери Лидии и рождения внука Виктора мама вместе с семьей младшей дочери переехала в Свердловск.

Мой муж Мингалёв Пантелеймон Дмитриевич был первым секретарем обкома партии в г. Слобода Туринская. В 1987 г. мы получили квартиру в Екатеринбурге.

Моя мама Ангелина Александровна Ситникова (Лаптева) посвятила свою жизнь воспитанию любимого внука Виктора. Умерла в возрасте 60 лет.

Там же, в Свердловске, жила со своей семьей и ее сестра Ольга. Много было еще в жизни моих близких всевозможных радостных и горестных событий, но жизнь продолжается.

Сегодня живы две внучки Александра Семеновича Лаптева, старшая Тамара и младшая Лидия. Они вырастили прекрасных детей, достойных продолжателей рода. Среди них есть военные и врачи, которые работают и служат на благо России».

Виктор Александрович Акулов

Правнук А.С.Лаптева рос ребенком любознательным и смысленным. Был одним из лучших учеников в классе и в музыкальной школе. Серьезно занимался фотографией, был чемпионом школы и района по бегу и лыжам. В пятом классе поступил в суворовское училище. За годы учебы стал одним из лучших его спортсменов, будучи уже курсантом Высшего военно-политического училища, защищал честь родного училища на первенствах Уральского военного округа и Вооруженных Сил СССР по бегу.

Дальнейшая служба в Среднеазиатском военном округе, высокогорной мотострелковой роте, затем Перевод в Южную группу войск, служба в Прибалтийском военном округе и ликвидация аварии на Чернобыльской АЭС. Умело организуя работы, лично прини-

мал участие в работах в Чернобыле и Припяти. В 1997 г. в звании капитана Виктор Александрович Акулов едет по распределению в г. Гвардейск Калининградской области в Учебный центр подготовки специалистов спецсвязи на должность зам. командира учебного батальона, где и остается жить после выхода на пенсию.

Общественник и политик. Член Союза журналистов. Экс-депутат Областной Думы Калининградской области. Председатель общественного Совета г. Гвардейска Калининградской области. Ликвидатор Чернобыльской аварии. Председатель Гвардейского райкома политической партии «Российская партия пенсионеров» (с 1998 г.).

Награжден множеством орденов и медалей.

Он – ветеран Вооруженных сил. Награжден многими государственными наградами за службу в армии.

Лидия Александровна Акулова (Ситникова)

Внучка А.С.Лаптева. Писательница. Имеет родственные связи с известным уральским писателем И.И.Акуловым.

Первый зам. председателя Гвардейского райкома Партии пенсионеров. Заведующая Общественной приемной, председатель клуба «В кругу друзей» общественной организации «Старшее поколение». Руководитель и режиссер театральной студии. Ветеран труда. Стояла у истоков создания Партии пенсионеров.

Имеет правительственные награды и Почетные грамоты.

Сыну Виктору она стала настоящей опорой в жизни. Несмотря на почтенный возраст, Лидия Александровна Акулова принимает активное участие в его судьбе, всегда скорая помощница в любых вопросах, житейских и профессиональных.¹

¹ В Екатеринбургe мы жили на одной улице. С Виктором учились в одной школе, занимались в одном музыкальном салоне. С разговора о его туринских корнях и началась моя исследовательская работа, которая за десять лет привела нас к удивительным находкам.

Михаил Михайлович Полевичек

Внук А.С.Лаптева в детстве с большим интересом смотрел на увлечения старших братьев фотографией. Ему всегда нравились фотоаппараты. В семье Ольги Александровны бережно хранили старинный фотоаппарат деда Александра Семеновича Лаптева. Михаил даже знал, где хранятся фотографические пластинки, но трогать их было запрещено. Вероятно, Ольга Александровна, старшая дочь А.С.Лаптева получила их в Лысьве от младшей сестры Лизы после трагической гибели отца в 1944 г. Так, в отдельной коробке они неприкосновенно хранились в доме в укромном уголке. Это были не только любительские фотоснимки, это был компромат. На пластинках был снят сам Александр Семенович Лаптев в форме, его семья с чадами и домочадцами, в доме, в саду, на службе, во дворе своего дома в Туринске. Ведь он был помощником уездного исправника. Пластинки были почти тайной для маленького Михаила.

По роду своей деятельности и образованию Михаил Михайлович – технарь. В семье Михаила и Елены Полевичек четверо детей и шестеро внуков. Вместе они вырастили прекрасных дочерей, которые проявили себя как талантливые, уникальные личности. Все дочери окончили

Уральский государственный университет им. Горького, где когда-то преподавал их дед, известный уральский писатель Константин Васильевич Боголюбов. Семья и работа отнимали много времени и сил. У Михаила не всегда была возможность заняться спортом, его любимым увлечением. Только в начале 2000-х гг. он впервые обратил внимание на эти «неотпечатанные» кадры. Захотелось их внимательно рассмотреть, попробовал сделать это через современную технику, через цифровую печать.

Чтобы перенести изображение с пластинки современным фотоаппаратом, Михаил Михайлович придумал и создал особое приспособление, которое позволило сделать качественную съемку. Когда изображение появилось на экране монитора, стало возможным убрать все дефекты, пятна и утраты. И тогда перед глазами предстал красивый город, чистый и благообразный, благолепный, как назвал его в своих воспоминаниях известный путешественник Словцов.

Большую помощь в этой работе Михаилу оказала любимая жена – Елена Константиновна Полевичек (Боголюбова), которая всю жизнь проработала в Объединенном музее писателей Урала в должности главного хранителя. Она как никто другой понимала всю ценность этих находок. В 2018 г. Ми-

А.С.Лаптев. 21 апреля 1913 г.

хаил Михайлович принял участие в краеведческой конференции в г. Туринске, где впервые рассказал о своих находках и бесценной проделанной работе. Участники конференции впервые увидели фотографии Туринска начала XX в., удивительно красивого города того периода.

Изучая семейный архив, оставленный Михаилу Михайловичу мамой Ольгой Александровной Лаптевой (Зверевой-Полевичек) и отцом Михаилом Ефимовичем, семье удалось многое узнать из жизни своих родных. Изучая семейный архив и родословную деда А.С.Лаптева, выяснили удивительный факт, бывший директор Объединенного музея писателей Урала Лидия Александровна Худякова оказалась родной тетушкой Михаилу Михайловичу по линии бабушки.

В январе 2021 г. Туринский музей декабристов, имея предоставленные Михаилом Михайловичем Полевичек фотоснимки Туринска начала XX в., организовал фотовыставку и приурочил ее к 420-летию со дня образования г. Туринска. Выставка основана на видах Туринска нач. XX в. из коллекции фотоснимков А.С.Лаптева и современных фоторабот жителя Туринска Федора Зайцева. Он совместил современные виды Туринска и ретроснимки Лаптева в один коллаж. Фотоэкспозиция стала удивительно интересной для жителей города.

Туринский мастер-художник Александр Меновщиков, руководитель студии авторских работ «Туринский сувенир», сегодня возрождает местные художественные ремесла в городе. Он в цвете расписал первый поднос с

А.С.Лаптев.

А.С.Лаптев на охоте.

Вид Туринска с противоположного берега р. Туры 1916 г.

фотографии А.С.Лаптева. Получилось здорово!

Туринск – один из старейших городов Западной Сибири в середине XIX в. был прекрасен. Главным его украшением были величественные каменные храмы. Туринск переживал частые пожары, и местные власти позаботились о строительстве каменных сооружений. Величественная Тура в те годы была полноводной, белоснежные пароходы стояли у пристани. Базарная площадь, на которой шла бойкая торговля местных ремесленников, ничем не уступала Никольской ярмарке Ишима, да и название имела то же. Здесь можно было заказать местным мастерам живописные картины, подносы и иконы, расписные сундуки и шкатулки и прочую местную утварь.

В Туринске в ту пору проживало много всякого люда, для верующих он стал убежищем, временным пристанищем для каторжных и ссыльных. Город населяли ямщики и посадские, отставные военные и служивые. Через Туринск по пути в Сибирь проезжали купцы и промышленники. В метрических книгах местных церквей можно встретить фамилии граждан современной Европы, австрийцев и поляков, латышей, белорусов и украинцев. Город на рубеже XIX и XX вв. был купеческим. Ярким и самобытным, с развитой инфраструктурой, судебны-

ми и исполнительными органами, со множеством образовательных и религиозных учреждений. Уездный город Туринск, второй после Тобольска в губернии, с высокой культурой. Именно таким видел его помощник уездного исправника Александр Семенович Лаптев. Туринск стал любимым городом семьи Лаптевых на всю жизнь. На его фотографических пластинках запечатлен Туринск в разное время года, в дневные часы и ночью. Им сделаны архитектурные видовые снимки любимого города с пожарной вышки и монастырской колокольни, семейные фотографии в своем кабинете дома, во дворе и на охоте. Александр Семенович делал и репортажные снимки, запечатлев разлив реки Туры и проводы ратников на фронт. Туринские торговые будни на Базарной площади и Полицейское управление, где он служил. Благодаря его фотографиям мы узнали, что Полицейское управление в 1907–1919 гг. располагалось в доме декабриста Ивашева, а благодаря его внуку, Михаилу Михайловичу Полевичек, мы получили бесценный дар, который стал достоянием для всех нас. Михаил Михайлович отредактировал и передал г. Туринску настоящий клад в виде оригинальных фотоснимков, сделанных его дедом А.С.Лаптевым в начале XX в.

Возвращение с охоты А.С.Лаптева.

А.С.Лаптев. 1944 г.

А.С.Лаптев.

ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ФОТОГРАФИЙ А.С.ЛАПТЕВА

Базарная площадь Туринска и ул. Спасская.
Справа – часть Крестовоздвиженского собора.
Нач. XX в.

Базарная площадь Туринска нач. XX в.

Вид на Сретенскую церковь и Городскую Управу.
Туринск нач. XX в.

Вид на Сретенскую церковь, Покровскую церковь
и Крестовоздвиженский собор г. Туринска.

Вид на Туринск и разлив р. Туры с колокольни Вознесенской монастырской церкви.

Вид на Туринск с колокольни Сретенской церкви Туринска. Нач. XX в.

Вид на Туринск и Вознесенскую церковь Свято-Николаевского монастыря. Нач. XX в.

Вид на Туринск с противоположного берега Туры.

Вид на ул. Спасскую. Справа – каменное здание Народного дома. Туринск нач. XX в.

Дом А.С.Лаптева, напротив дома декабриста Ивашего, Полицейской Управы.

Здание начальной школы в Туринске нач XX в.

Набережная р. Туры. Пристань. Туринск нач. XX в.

Крестовоздвиженский собор г. Туринска. Нач XX в.

Отправка запасных на Первую мировую войну. Набережная р. Туры 1914 г.

Отправка ратников на войну. 1916 г. Туринск.

Проводы ратников на войну. 17 апреля 1915 г.

Разлив р. Туры. Туринск нач. XX в.

Сотрудники Полицейского управления г. Туринска нач. XX в.

Туринский Свято-Николаевский монастырь. Нач. XX в.

Туринская тюрьма нач. XX в.

Туринская женская прогимназия. Нач. XX в.

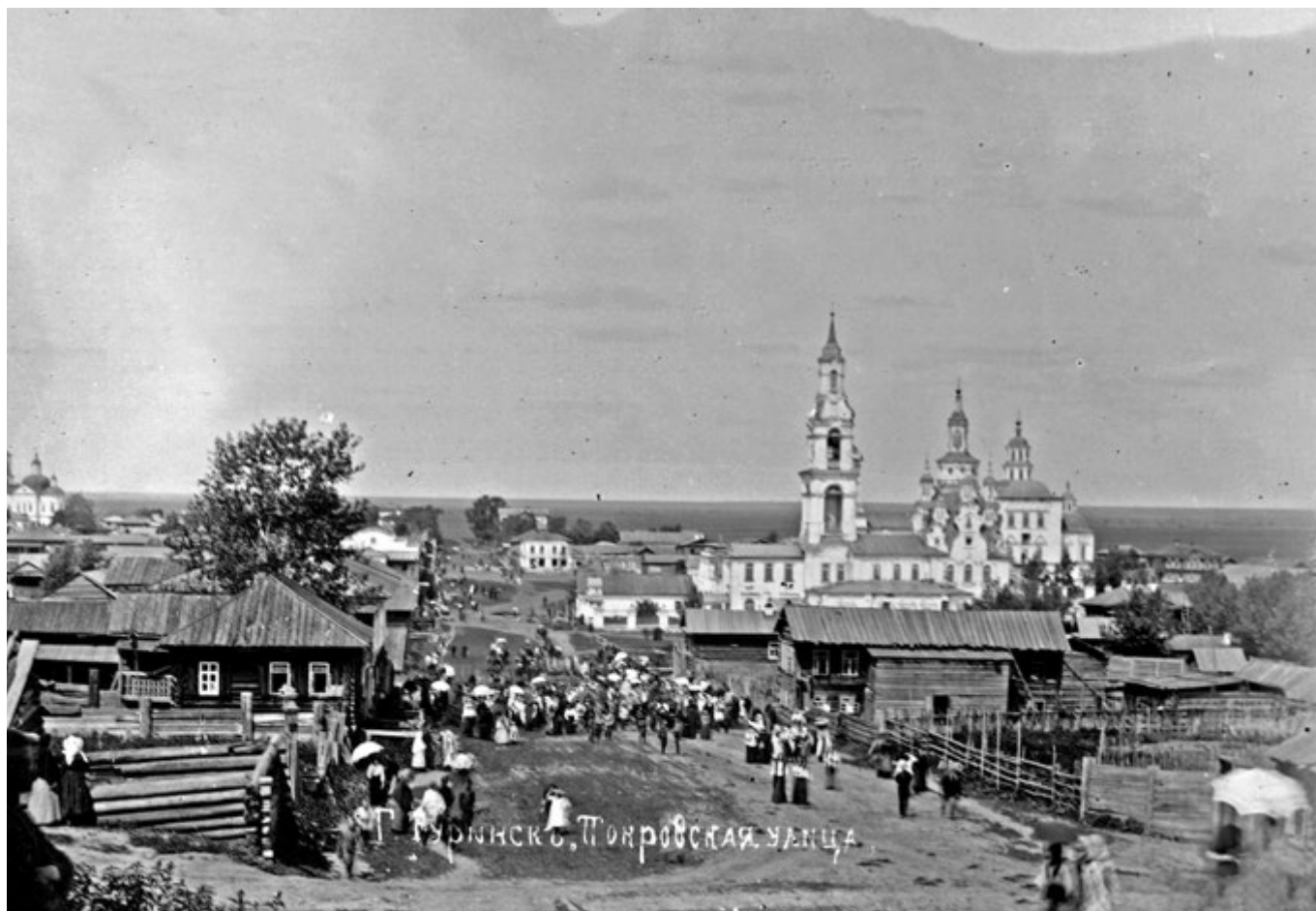

Туринский тракт на Тюмень нач. XX в.

Туринское Полицейское управление в доме декабриста Ивашева. 1914 г.

Ул. Покровская, г. Туринск. Нач. XX в.

Ул. Котельниковская, г. Туринск. Нач. XX в.

Ул. Спасская, вид на Базарную площадь и Крестовоздвиженский собор в подгорной части Туринска.

Ул. Спасская, вид на Спасскую церковь Туринска. Нач. XX в.

Ул. Спасская, Спасская церковь Туринска нач. XX в.

Усадьба Хомченко в Туринске. Нач. XX в.

ЯРОПОЛЕЦ

ПЯТЬ ДНЕЙ С ПУШКИНЫМ

ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

Владимир СУТЫРИН

Бывают странные сближенья... Действительно бывают: едучи в декабре 2005 года со своим фильмом на кинофестиваль «Волоколамский рубеж», я и думать не мог, что фестивальнй автобус завезет нас еще дальше означенного места – на базу отдыха Московского авиационного института – в неведомый мне дотоле Ярополец.

Уже было сумеречно, но лежал первый выпавший снег и оттого, когда мы прибыли на место и автобус въехал во двор, нашему взору во всей сказочной красе предстала старинная подмосковная усадьба – с главным двухэтажным домом под классическим фронтоном, флигелями различных служб по периметру двора и даже с усадебной церковью рядом с боковыми воротами. Перед фасадом главного дома лежал покрытый снегом круглый газон, а посреди него, словно бы организуя пространство, росло хвойное дерево. На заснеженном газоне лежали светлые прямоугольники от светящихся окон, и это недвусмысленно говорило о том, что нас ждет и сытный ужин, и теплый ночлег, и первые знакомства с незнакомыми прежде коллегами по профессии. Словом, полный ах! Более приятного места для проживания в период фестиваля и придумать было трудно.

Но главный «ах» оказался в другом.

У любой усадьбы всегда имеется исторический хозяин: у Кусково – это граф Шереметев, у Кузьминок – князя Голицыны, у Покровского-Стрешнева – княгиня Шаховская и так далее. Этим же удаленным от старой столицы дворцом и окрестностями владела Наталья Ивановна Гончарова, теща нашего Пушкина. Сам Алек-

сандр Сергеевич бывал тут не однажды, и, значит, мы совершенно неожиданно попали в орбиту истории его жизни, хотя ехали в Волоколамск за другим – показывать местному населению и друг другу свои фильмы, надеясь в глубине души на призы, дипломы и просто приятное времяпрепровождение в кругу равных себе и приглашенных звезд и звездюлек.

Место это, как уже сказано, называлось Ярополец. Сопровождавшие нас девчушки из Союза кинематографистов, «по-маасковски» редуцируя гласную во втором слогe и растягивая звук «а» в третьем, произносили это слово как Ярпаалец, и я поначалу, услышав незнакомое название, не понял, что к чему. И только добравшись до места, сойдя с автобуса и увидев, куда нас привезли, включил разум и получил правильное название: Яропо́лец. Так было изначально, поскольку происходит оно от древнерусского имени Ярополк. Зная традицию старых наименований, сразу задумался: суффикс -ец говорит о том, что это поселение – маленький клон от большого, которое должно было называться типа Ярополч, то есть Ярополков. Но о таком я никогда не слышал. Неужели ход моей мысли оказался неверен?..

Ан нет! Отыскался в глубинах Интернета такой Ярополк Владимирович, сын самого Владимира Мономаха и брат не менее «самого» Юрия Долгорукого, который был последним правителем так называемой историками Киевской Руси, при котором и начался закат и дробление единого древнерусского государства начала XII века, когда отложились от стольного Киева и Новгород, и Туров, и

Чернигов с землями, но еще оставалась верной великому князю Ростово-Суздальская «залесская» земля. Вот на ней-то сидевший на великокняжеском троне всего семь лет – с 1132-го по 1139 год, когда и «умре», Ярополк Владимирович и успел основать город своего имени – Ярополч. Располагался он в пяти километрах от нынешнего города Вязники Владимирской области, на берегу речки Клязьмы, где в междуречье более серьезных рек Оки и Волги и сформировалась в силу исторических обстоятельств Русь новая – Залесская, позже Владимиро-Суздальская, а затем Московская.

Временем основания этого Ярополча считаются 1135–1138 годы, когда выдающийся в реку мыс с напольной стороны был ограничен оборонным валом и рвом и таким образом стал основой непреступной для неприятеля крепости.

Место же на реке Ламе, при известном волоке Ламском, позволявшем перетаскивать посуху речные суда из вод Ламы в воды реки Волошни и далее к реке Рузе, считалось тогда местом стратегическим в условиях конкуренции с отложившимся Новгородом и требовало присутствия здесь определенной воинской силы, для чего, надо полагать, и был разбит новый населенный пункт, меньший, чем Ярополч на Клязьме, потому и – Ярополец (по принципу: Ярославль – Малоярославец, Юрьев – Юрьеvec и т.д.). Временем создания этого населенного пункта считается 1135 год. Следовательно, Ярополч и Ярополец – сверстники, а то, что малый Ярополец оказался западнее большего Ярополча, говорит о том, что он был основан на обратном пути великого князя из Залесья в свой стольный град Киев и является как бы вторичным его деянием по отношению к городу на Клязьме.

Возвращаясь к правильному произношению названия этого ныне села, в подтверждение своей правоты приведу его написания в документах в последующие после основания Яропольца века и годы: Яропольцы, Ярополе, Яропол, Ярополиц... Просматривается яв-

ное ударение на второе -о-, но это при том, что первое -о- не редуцируется, что стало в послевоенные годы из-за массового привлечения из сопредельных областей в столицу лимиты «ма-асковским». В новые времена в связи со свободным перемещением населения России из многих регионов в Москву этот речевой феномен почти испарился, оставшись в речи разве что только коренных (?) «ма-асквичек».

Кинофестиваль «Волоколамский рубеж» имел совершенно четкую тематическую и идейную направленность – военную патриотику. Мой документальный фильм «Взвод Макарова» о семейном детском доме, где воспитывались будущие десантники, вполне соответствовал заданной тематике. Поскольку фильм был снят «по-взрослому» – на киноплёнке, я помимо сумки с личными вещами вез еще и коробки с тремя частями своего «Взвода Макарова». Кто не таскал такой груз – не знает, насколько он тяжел. Но, как говорится, своя ноша не тянет. Тем не менее, я с облегчением сдал эти три коробки в проекционную и с удовольствием расправил плечи: теперь можно было с легкостью наслаждаться пребыванием на этом престижном мероприятии...

С определенным волнением, нужно сказать, я ступил под своды Ярополецкой усадьбы, где когда-то бывал Пушкин. Понятно, немецкие фашисты, которые побывали здесь в 1941–1942 годах, изрядно попортили интерьер дворца, но даже восстановленный, он внушал неподдельное благоговение, поскольку дух – категория неизбывная, и как ни закрашивай стены, ни меняй половицы и перила лестниц, всё одно скрип деревянных ступеней эхом рождает отзвук тех далеких лет, когда фигура поэта в черной дорожной шинели скользила в вечернем полумраке в сторону комнаты, отведенной ему тещей для ночлега.

Боковые флигеля усадьбы со временем были органично соединены с главным зданием переходами. Следуя одним из них, приехавшие кинематографисты попали в

сектор жилых помещений. Мне с коллегой из Минска достался номер в тупике, состоявший из двух смежных комнат. Белорусскому режиссеру Анатолию Алаю я предложил вторую комнату, а сам расположился на диване в проходной. Мотивировал для себя это тем, что сосед может оказаться храпуном, а это будет стоить мне пять ночей без сна (имел прежде подобный опыт!)

Конечно, первое – визуальное – знакомство с коллегами состоялось в автобусе, который вез нас из Москвы в Волоколамск. Это был всего лишь второй мой кинофестиваль и, конечно, никого из ранее знакомых я не встретил. Хотя известные лица мелькали. Из них самым ярким был, пожалуй, ставший широко известным после «Брата» и «Брата-2» Виктор Сухо руков. Он на пол-автобуса рассказывал кому-то о том, что в последнее время снялся там-то и там-то. Теперь ему предлагают попробовать себя в режиссуре, и он озабочен поиском сценария. Его монолог о себе был «гвоздем программы», пока мы ехали. По ходу пути актер в азарте перемещался по салону туда-обратно (близко знавших его оказалось в автобусе не мало). Я изловчился и остановил его стремительное движение, когда он возвращался в конец салона. «Виктор, – сказал я. – А у меня как раз есть игровой сценарий, который по темпераменту мог бы вам подойти. Хотите посмотреть?» И он тут же сбавил свои режиссерские обороты и отказался знакомиться с моим текстом по причине очень уж сильной занятости. Я сразу понял, что речь о постановке он вел, как говорится, больше для фасону, и утратил к нему интерес. Похоже, и он, споткнувшись, словно о кочку, о мое не чайнное им предложение, потерял «горение свечи» и, сев где-то сзади, больше «в кадре» не появлялся...

Но главное знакомство, конечно, происходило за ужином, когда мы, расселившись, собрались в столовой дома отдыха, расположенной в одном из отдельно стоявших флигелей дворца. Первым из узанных мною был легендар-

ный Семен Семенович Школьников – на тот момент, наверное, единственный из живущих фронтových кинооператоров. Самому мне прежде встречаться с ним не приходилось, но мой сын, студент-первокурсник ВГИКа, снял о нем свою первую десятиминутку на черно-белой киноплёнке, которую показал мне в просмотровом зале операторского факультета в том же году, весной, когда я сам был на съемках в Москве. Импозантный и киногеничный образ этого уже очень немолодого человека не мог не запомниться, и я подсел к нему за стол, как к старому знакомому, объяснив кто я и откуда его знаю. Не проявив никаких особых эмоций по поводу работы моего сына, поскольку сам конечного результата не видел, он, тем не менее, охотно вступил в беседу и рассказал кроме прочего, что у старого деревянного двухэтажного дома в Кадриорге в Таллине, где он, родом москвич, будучи собкором по Эстонии в послевоенное время, осел насовсем, теперь есть хозяин, который с объявлением реституции в этой незалежной республике приехал из-за границы. Но жильцов пока не трогает. Тем более, что Школьников за заслуги перед республикой удостоен звания почетного гражданина Таллина и, следовательно, имеет некоторый иммунитет от посягательств на свое бытие...

Запомнился и исполнитель роли молодого Петра в дилогии Сергея Герасимова «Юность Петра» и «В начале славных дел» высококи и гордый Дмитрий Золотухин, который, как мне показалось, за прошедшую со времени выхода фильмов четверть века так и не вышел из своей царской роли и ни с кем из собравшихся особо не контактировал. Как выяснилось позже, у него болело горло. И действительно что-то вроде белого шарфика было намотано у него вокруг шеи все дни фестиваля...

Наталья Ивановна Гончарова (урожденная Загряжская), о которой мы знаем гораздо меньше, чем о ее дочери Наталии Николаевне Гончаровой (в замужестве Пуш-

киной), родилась в стенах Яропольского дворца. История ее жизни – это ненаписанная драма. Как знать, переживи Наталью Ивановну ее зять-литератор, может быть он и взялся бы за такое сочинение в прозе. Тем более, что этот род литературы в «гончаровский» период его жизни становился ему всё ближе. Но коль скоро оно не случилось, попробую это сделать я, не ставя себе задачу приблизиться к уровню Александра Сергеевича, но и не лишая читателя возможности познакомиться с перипетиями жизни бывшей хозяйки места, где я оказался волею судеб в самом начале XXI века.

«Загряжским» это имя стало вследствие женитьбы деда не родившейся еще Натальи Ивановны – Александра Артемьевича Загряжского на дочери тогдашнего владельца Яропольца Александра Петровича Дорошенки Екатерины. Он и стал в конце XVIII века строителем дворца в кирпиче на месте, надо полагать, обветшавших деревянных тестевых строений, который (дворец) и приютил нас, приехавших на фестиваль. От этого брака произошел на свет отец Натальи Ивановны – Иван Александрович Загряжский. Вот он-то и стал прямым виновником (в прямом и переносном смысле) рождения будущей тещи Пушкина.

История вот такая.

И.А.Загряжский был гвардейским офицером и, служа в столице, вел веселый образ жизни. Когда его полк стоял в Дерпте (который Тарту), он соблазнил местную красавицу – баронессу Ульрику Поссе, и после того, как она забеременела, не захотел с ней расставаться и привез домой – в Ярополец, где у него уже была законная жена Александра Степановна. Можно представить немую сцену, которая возникла в поместном дворце при их появлении и объяснении кто есть кто. У законной жены И.А.Загряжского уже было от него трое детей. У остзейской красавицы Ульрики, урожденной Липхарт, от ее мужа барона Поссе тоже была дочь, которую она оставила в Дерпте. И если с мужем Ульрика была разведена, то

ее второй брак с уже состоявшим в супружестве Загряжским, если и был в действительности оформлен, считаться законным не мог.

Обманутая Ульрика оказалась в подвешенном состоянии. Видя результат своих художеств, Иван Александрович оставляет обеих жен в Яропольце и сбегает в Москву, где поселяется в собственном доме...

И тут его законная жена проявляет женскую солидарность в адрес несчастной немки и оставляет ее подле себя, нисколько не третирруя как внезапную соперницу.

Вот в такой обстановке в 1785 году появляется на свет и обретает русское имя будущая теща Пушкина. Более того, сердобольная Александра Степановна добьется, чтобы рожденное дитя, нареченное Натальей, было признано законным и получило как фамилию биологического отца, так и наследственные права наравне с ее собственными детьми!

Но это случится после того, как не вынесшая двусмысленности своего положения Ульрика скончается в 1791 году после шестилетнего бесперспективного пребывания в России. Отец, судя по всему, к оставшейся без матери своей немецкой дочери большого интереса не проявлял...

Зато мачеха (А.С.Загряжская) увозит своих дочерей и Наталью в столицу и пристраивает фрейлинами к самой императрице. Вот так повернулась судьба к дитяти вольной любви!..

Но эта самая любовь без границ видимо имеет свойство родового вируса и творит с молодой Натальей Ивановной (тоже красавицей, как и мать) злую шутку: в нее влюбляется фаворит той, чьей фрейлиной она является, кавалергард А.Я.Охотников. Скандал на самом высоком уровне! Выйти из него можно только через кровь... И в октябре 1806 года на Охотникова совершается покушение, в результате которого спустя несколько месяцев кавалергард умирает. Так разрешались тогда любовные противоречия!..

Но остается фрейлина Наталья Ивановна Загряжская, кото-

рую как явный намек на недавний конфликт амурных интересов в Зимнем дворце видеть больше не хотят и для того, чтобы удаление девушки из числа приближенных выглядело внешне обоснованным, находят ей достойного жениха – Николая Афанасьевича Гончарова, помещика Калужской губернии, наследника большого и богатого хозяйства с центром в усадьбе Полотняный Завод.

Разумеется, в ее зыбком положении – ни матери, ни отца и вроде как виновница гибели очень близкого императрице человека – другого выхода искать не приходится...

Между тем жених и впоследствии муж Натальи Ивановны был весьма примечательной личностью – и собою хорош, и образован, и музыкант не последний. Поскольку отец его – владелица всех гончаровских богатств – Афанасий Николаевич был какое-то время в заграничном путешествии, Николай Афанасьевич как единственный сын и потенциальный наследник всего выступил в качестве управляющего имениями и делал это весьма справно.

Однако хорошо долго не бывает. Отец вернулся и стал вести в своем хозяйстве, как и прежде, достаточно расточительный образ жизни. К этому времени в семье Николая Афанасьевича и Натальи Ивановны Гончаровых было уже двое сыновей и три дочери, что требовало немалых средств. Плюс к этому наследник Полотняного Завода в результате падения с лошади получает травму головы, это оборачивается прогрессирующим слабоумием... По другой версии, отстраненный от дел по управлению Полотняного Завода разгульным отцом, Николай Афанасьевич стал регулярно запивать и в дни запоев становился совершенно невменяемым, что и породило версию о его умопомешательстве.

Бывали всё же периоды, когда в семье наступал мир и покой, и Наталья Ивановна еще дважды рожала – сына Сергея и дочь Софью, умершую в младенчестве. А потом снова наступали запои и беснования мужа...

В силу сложившихся обстоятельств функции первого лица в семье берет на себя его жена. В это время, покинув Полотняный Завод, они живут в Москве, в собственном доме, в городской усадьбе в промежутке между Большой и Малой Никитскими улицами. Поначалу экономика семейства Гончаровых была беспроblemной: и свекор помогал, и сама Наталья Ивановна ввиду получения наследства после смерти брата и дяди Загряжских была не бедна. Деньги в немалой степени шли на воспитание и обучение шестерых детей. К этому привлекаются гувернантки – русские и заграничные. Сыновья обучаются в частных пансионах. При этом не сказать, что Наталья Ивановна приучает детей к сибаритству. Наоборот: строгость и еще раз строгость. За неподчинение можно схлопотать и пощечину. Помня о своем не вполне законном происхождении, она словно готовит себя к жизни в условиях далеко не праздных, к тому же приучает и детей. Так, соболья шубка – подарок деда А.Н.Гончарова любимой внучке Таше (будущей Н.Н.Пушкиной) бескомпромиссно делится ею на всех дочерей, перешитая в три комплекта муфт и палантинов...

Излишняя жесткость Натальи Ивановны в семье, думается, объяснялась, в том числе, и тем, что по матери она была немкой, а протестанты – люди прагматичные, гораздо менее, чем русские, склонные к проявлению слабостей. Возможно, изначальное воспитание родной матерью в первые шесть лет ее жизни и заложило в Н.И.Гончаровой ту излишнюю с нашей точки зрения расчетливость, которая, впрочем, и помогла выжить ее семье в последующие, менее хлебные годы.

А они случились вскоре. Свекровы закрома со временем оскудели, деньги от него на содержание семьи заболевшего сына стали поступать реже и в меньшей сумме. А сродные сестры Натальи – Загряжские Софья и Екатерина – в результате раздела наследства от двух умерших родственников, сумели всё же как-то свою немецкую

сестру обделить. Но в результате этого раздела Наталье Ивановне достался Ярополец... Впрочем, были в семье Гончаровых и отдушины, когда свекор позволял им провести лето в его селе в Рязанской губернии, что называется, на полном пансионе. Кроме того, приглашал внуков погостить к себе в Полотняный Завод, поддерживал деньгами их интересы.

Но отношение к нему со стороны Натальи Ивановны всё же оставалось сдержанным, ибо она, надо полагать, рассчитывала на более системное участие богатого свекра в делах семьи его единственного сына, тем более, что нездоровье Николая Афанасьевича, по ее мнению, было вызвано именно им, отцом, лишившим его, законного наследника, права управлять всем родовым имуществом, спускаемым Гончаровым-старшим на личные причуды и фантазии...

И всё же, невзирая на характер родившей и воспитавшей их матери, дети Гончаровы выросли совсем иными. Об этом можно судить по альбому, где они делали надписи друг другу. Вот что написала десятилетняя Таша брату Ивану:

Пусть дружба украсят дни твои,
И помни о чистосердечной привязанности,
Что я всегда питала к тебе.
На память от искренне
тебе преданной сестры
Наталии Гончаровой.

Написано было по-французски, надо полагать, без ошибок. Впрочем, у автора была гувернантка, которая если что могла и поправить.

Известно, что Таша, а следовательно, и другие дети Натальи Ивановны, к девичьим годам кроме этого хорошо знала по-немецки и английски. Кроме того, сестер, как и других дворянских барышень, обучали танцам и музицированию. Так что нельзя сказать, что дочери Гончаровы были дикарками из терема, коих и в обществе показать стыдно...

Но денежные проблемы давали знать о себе, и особенно когда Екатерина, Александра и Наталия вышли из подросткового возраста.

(Дореволюционный, а затем эмигрантский пушкинист М.Гофман различает написание имен Гончаровых: матери – Наталья, и дочери – Наталия. Возможно, это вызвано тем, как писались их имена в личных документах, а возможно, это просто придумка литератора, решившего не путать читателя, чтобы тот знал, в какой момент о ком идет речь. Я в своем рассказе решил последовать его примеру).

Но вернемся на фестиваль. Главной его площадкой стал городской Дом культуры. В фойе зрительного зала фотограф Микола Гнисюк развешивал выставку своих портретов актеров кино. Участники и гости, отмеченные бейджами, слонялись в ожидании церемонии открытия. Мое внимание обратил на себя некий человек, одетый в порядком поношенный мужицкий овчинный полушубок. Такие были в моде в середине 1970-х. Помню в подобном популярного тогда польского актера Даниеля Ольбрыхского в одном из культовых фильмов А.Вайды. Но в XXI веке это выглядело уже эпатажно... К нему подходили, о чем-то разговаривали с ним, а я стоял в сторонке и всё думал, кто же это и почему он в таком, не приличествующем сегодняшнему дню, виде. Позже выяснилось, что это... режиссер! Из Кишинева, по фамилии Гибу. Возможно, время на берегах Днестра течет медленнее, чем в Москве-реке, а то и вообще вспять...

Зрительный зал был заполнен до отказа. Еще бы, Волоколамск хоть и в ста километрах от Москвы, а всё не пуп земли. И если именитые рок- и поп-гастролеры сюда заглядывают, то культурное мероприятие такого рода, как международный кинофестиваль, где есть предложение для публики любого возраста и вкуса – дело исключительное.

Все фестивали открываются одинаково. Бравурная музыка – когда живьем, а когда из динамиков, выход и благословение начальства – где областного, а где и всероссийского уровня, представление жюри, призов – вот, пожа-

луй, и вся официальная часть... А затем в бой идут приглашенные артисты. Из открытия-2005 конечно запомнился Василий Лановой, он едва ли не единственный из любимцев кинопублики, кто с падением СССР не отрекся от идеалов советской власти и продолжал публично славить наше героическое прошлое. При этом он работал в архи-либеральном театре им. Вахтангова, но, насколько мне известно, проблем с руководством насчет своего патриотизма не имел. У него была крепкая «крыша» в биографии: в 1941-м он мальцом оказался в селе у своих деда с бабушкой, попал под оккупацию, видел живых агрессоров и то, что они творили на занятой территории. Таким бекграундом в год 60-летия Победы уже мало кто из первых лиц искусства мог похвастаться. Хотя ветеранов было еще не мало, но одно дело воевать в рядах таких же, как сам, с оружием в руках, а другое – жить в одном пространстве с теми, кто пришел убить твою страну и твой народ, а ты в силу малолетства не можешь им помешать... Василий Лановой к этому времени уже сам превратился в символ нашего кино, сыграв героических Павку Корчагина, Ивана Варавву в «Офицерах», романтических капитана Грэя в «Алых парусах» и Алексея Вронского в «Анне Карениной». Его считали нужным приглашать на многие форумы, где требовался позитивный патриотический пафос, и он действительно способен был даже в свои преклонные годы заражать сидящих в зале позитивом и уверенностью в том, что всё в нашей стране будет хорошо.

Столь же оптимистично выглядело и выступление народной артистки РСФСР Зинаиды Кириенко. Сыгравшая в кино многожды образы женщин драматической судьбы – то вдов, то брошенных жен (такой уж у нее был типаж), она запомнилась зрительницам всей страны, души коих отзывались сочувствием к судьбам ее персонажей... Хочу уточнить, что пик востребованности и популярности обоих актеров пришелся на 1950-е – 1960-е годы, а дальше

уже работала на них приобретенная на съемочных площадках слава. Как я убедился, не померкла она и в 2000-е.

А эмоциональным гвоздем программы стало выступление «золотой балалайки России», народного артиста РФ Михаила Федотовича Рожкова – подлинного виртуоза игры на этом инструменте. Перемежая игру рассказами из своей творческой биографии, он, должно быть, максимально приблизил всех нас, сидящих в зале, к внутренней мелодике русского этноса. Не случайно так органично ложатся на струнные инструменты опусы, написанные композиторами-народниками, и любая современная мелодия в народном стиле органично оркеструется главным образом именно в расчете на струнную группу оркестра, а не на медную или клавишную...

В заключение собравшимся в зале был показан один из конкурсных фильмов фестиваля. Какой – не помню. Видимо по причине того, что гостей, участников и членов жюри ждал положенный по протоколу банкет, на который мы плавно и перетекли.

Самого банкета тоже не помню – значит, был организован на должном уровне. После него нас отвезли обратно в Ярополец и, подогретые выпитым и новыми знакомствами, все разбрелись по своим спальным местам. Помнится, я еще постоял перед входом во дворец, полюбовался падающими снежинками, освежавшими круглый газон с одиноким хвойным деревом посередине, и, надышавшись прохладой, вошел внутрь. Захотелось еще раз подняться по лестнице в фойе второго этажа, где, должно быть, в лучшие годы владельцев танцевали под собственный или приглашенный оркестр, дамы и барышни обмахивались веерами после мазурки или кутались в палантины после степного полонеза, по углам стояли лакеи в ливреях, держа подносы с фужерами и фруктами, дожидаясь, пока кончится танец и можно будет подойти и предложить освежиться...

Где-то, кажется, на первом этаже, были представлены планше-

ты с рассказом о прошлом дворца – чтобы новые постояльцы, в том числе и мы, знали, в каком месте очутились. Там же, чуть вглубь и налево, если не ошибаюсь, нам показали комнату, в которой оставался Пушкин. Комната пустая – никакой музейной экспозиции. Подумалось: понятно, что до него и после него здесь жили разные люди, но при желании, наверное, это помещение можно было бы как-то музеефицировать и более того, возить сюда туристов. Возможно, сейчас это и имеет место, но тогда, в 2005-м, такого не было. Один лишь камин украшал пустое помещение. В комнате пахло сравнительно недавним ремонтом, и камин, полагаю, был новодельным и нерабочим – восстановленным в повоенные годы после хозяйничанья здесь гитлеровцев.

Я снова вышел в фойе. Здесь было тихо и сумеречно, и ничто не мешало моему воображению блуждать по временным закоулкам этого здания.

«Стены нижнего этажа, – вспоминала бывавшая здесь одна из родственниц семьи Гончаровых М.П.Карцова-Огарева (в современном написании – Карцева-Огарёва), – были художественно расписаны в тонах жженой сепии; у дверей шли вертикальные орнаменты в кобальтовых тонах на белом фоне, удивительно гармонизировавшие со стеной живописью, изображавшей уголки парка. Эта живопись была однородна в столовой и прилегающей к ней гостиной. Потолки в тех же тонах были скромно украшены. В гостиной летящий аист нес в клюве люстру из стеклянных подвесок и кобальтовой фарфоровой середины. Двери были резные, прекрасного рисунка, выполненные местным мастером-крестьянином, славившимся тогда на всю Россию... Во всем ничего кричащего, а величие и гармония размеров, соединенные с удобством и уютом. Ни за границей, ни в других стародворянских усадьбах я этого не наблюдала».

Ну, «величие» – это заслуга не Натальи Ивановны, а ее деда Александра Артемьевича За-

гряжского, который, как гласила семейная легенда уже Гончаровых, заказал проект усадебного дворца не кому-нибудь, а самому Б.Растрелли-младшему, работавшему тогда неподалеку – в Новом Иерусалиме. Мэтр стиля барокко, сказывают, перепоручил это своему сыну, но якобы всё же поправил его чертеж, по коему под надзором сына усадьба-дворец и была возведена.

Красивая легенда. Так ли было на самом деле?.. Сегодня это уже не важно. По ходу лет многое утрачено, что-то доделано, но в целом Ярополец Гончаровых и в XXI веке оставляет очень гармоничное впечатление, несмотря на внешнее отсутствие архитектурных излишеств, характерных для предыдущего стиля барокко и почти начисто исчезнувших в строгости наследовавшего ему стиля классицизма.

Став в результате получения наследства полновластной хозяйкой Ярополецкого поместья, Наталья Ивановна Гончарова, тем не менее, продолжала жить в Москве. Как писала она свекру А.Н.Гончарову, «хотя, конечно, обхождение мужа моего со мною не отвечает ни в чем его прежней ко мне любви, но могу ли я когда-нибудь переменить свои намерения и оставить его одного, верно, никогда не в состоянии сделать». Полагаю, будь ее воля, она бы это сделала тогда же, как только вступила в права наследования помещением, но надежда на финансовую благосклонность свекра в деле воспитания и дальнейшего устройства детей вынуждали ее соблюдать политес.

...Время бежит быстро. Уже и дочери заневестились и, следовательно, их надо было показывать на брачном рынке, коим были балы, дававшиеся в различных благородных домах Москвы. Даже при рачительном хозяйствовании Наталье Ивановне сделать это было непросто. И если средств на бальные платья хватало, брильянты были родовые, то на более мелкие, хотя и не менее важны атрибуты – уже, увы. И вот сестры

Гончаровы появляются на балу в старых перчатках и поношенных бальных туфлях, которые, возможно, взяты взаймы у соседней...

Но на балах оценивают не ряды, а тех, кто в них. Новые лица становятся объектом рассмотрения через лорнеты старческого «жюри» – тех, чьи мазурки давно уже оттанцованы, но чье мнение следует впереди впечатлений молодых кавалеров и потенциальных женихов. Однако и женихи в первую голову верят своим очам, а не старухиным речам и на первый тур стремятся, опередив иных оmundиренных и офраченных соперников, выбрать ту, что первой сверкнула им в глаза своей молодостью и красотой.

По сохранившимся сведениям известно, что Наталия Гончарова в самом конце декабря 1828 года танцевала в доме Кологривовых на Тверском бульваре на «детском балу», который устраивал танцмейстер Иогель. «Детский», надо полагать, потому, что это был как бы выпускной вечер для тех юношей и девушек, которые обучались танцам у маэстро. Одновременно это был и экзамен, и смотрины, потому там могли присутствовать и «старшие». В числе последних оказался Пушкин, который, если верить его более позднему письму, сразу отметил взглядом юную Наталию...

Второй (?) раз он мог видеть ее 19 марта 1829 года на концерте в Благородном собрании, затем 26 марта на музыкальном вечере там же. И, наконец, 16 апреля Пушкин присутствует на балу в Колонном зале на Охотном ряду, где были сестры Гончаровы, и наверняка (?) имел возможность пригласить на танец ту, которую впервые заметил его зоркий глаз в доме Кологривовых три с половиной месяца назад...

А ведь в этом временном промежутке (январь – половина марта 1829 года) Александр далеко не скучал. Покинув Москву вскоре после Нового года, он успел произвести впечатление на провинциальном балу в Тверской губернии у местного исправника Вельяшева; затем заехал в гости к близкому

ему семейству Осиповых; в Павловском оказывает знаки внимания Евпраксии Вульф; переехав в Петербург, опять же на балу, знакомится с А.Смирновой-Россет; по субботам посещает дневные концерты Филармонического общества; дразня отвергнувшую его А.Оленину, танцует на очередном балу с юной дочерью поэта Ивана Козлова и, наконец, исчерпав все свои намерения, берет подорожную на проезд от Петербурга до Тифлиса и через несколько дней снова оказывается в Москве, где чуть ли не ежедневно бывает у сестер Ушаковых. Узнав, что к старшей – Екатерине – сватается А.Долгоруков, коварнейшим образом расстраивает эту помолвку. Для чего же? Наверное, для того, чтобы освободить это место для себя...

И тут эти концерты и бал в Колонном зале... Можно предположить, что к тому времени поэт начисто забыл об увиденной на предрождественском «детском балу» незнакомой ему красивой девушке с золотым обручем на лбу, но новая встреча вмиг оживила его память и уже не выпускала этот образ из головы, плавно опускающая его поближе к сердцу. А ведь, надо полагать, и общения-то полноценного у него с оной барышней еще не было – ну о чем серьезном можно успеть поговорить во время танца? Тем более, как утверждают знавшие младшую Гончарову в те дни, на все обращенные к ней вопросы она сдержанно отвечала либо «да-с», либо «нет-с» – вот и весь разговор...

Но Пушкин при всей пылкости и непредсказуемости характера, еще и прозорливец. В этой едва знакомой ему барышне из дома на Большой Никитской он предчувствует то, к чему после вынужденного уединения в Михайловском неосознанно стремился все два с половиной последующих – свободных для него года. Он просит своего приятеля Ф.Толстого-Американца представить его матери семейства Гончаровых и получает от нее желанное приглашение «бывать у них»...

Наталья Ивановна вполне обоснованно рассматривает всех свободных мужчин, проявляющих интерес к ее дочерям, как потенциальных женихов. Но вот когда именно Александр Пушкин делает шаг навстречу этим ее устремлениям, Наталья Ивановна жмет на стопор...

Тот же Ф.Толстой-Американец, явившийся к ней 30 апреля 1829 года от Пушкина уже в качестве свата, отнюдь ее не обрадовал... Сват вернулся к поэту с непривычным для того ответом: и не то, чтобы «да», и не то, чтобы «нет». Мотивация такая: Наталия слишком молода для замужества. Иными словами, вопрос с выходом замуж младшей дочери не так актуален, ведь у нее есть еще две сестры постарше...

Фокус в том, что ссылка на молодость сватуемой – есть, по понятиям того времени, вежливая форма отказа, даже если объявленная его причина действительна. Пушкин как светский человек просто не мог не знать этого!.. Но и Александр был не совсем стандартным претендентом на руку одной из дочерей Н.И.Гончаровой. Во всех предыдущих случаях, когда он заявлял о претензии на руку и сердце барышень на выданье и получал отказ, повторной попытки матримониального характера с его стороны уже не было. (Типа: нет – ну и не больно хотелось...) Здесь же Пушкин поступает совсем иначе. В день, когда его уже ждет дорожная кибитка, чтобы тронуться в дальний путь на Тифлис, поэт пишет Н.И.Гончаровой – матери его избранницы... «благодарственное письмо». В нем он благодарит Наталью Ивановну за полученное им ни «да», ни «нет», позволяющее надеяться со временем всё же добиться благосклонности ее младшей дочери и согласия от матери...

Полученный de facto отказ Пушкин пытается интерпретировать как завершение лишь первого акта их отношений, тем самым намекая «теще», чтобы не сбрасывала его окончательно со счетов – грядет и второй, хотя догадывался, что пока он в отъезде, его избраннице будут представляться

и другие претенденты, в репутационном и имущественном плане более выигрышные, чем он сам. Вот посмотрите, как это выглядело, выйдя из-под пера лукавца в бакенбардах – первейшего на тот момент российского сочинителя (это не гипербола – так считали многие):

«...На коленях, проливая слезы благодарности, должен был бы я писать Вам теперь, после того как граф Толстой передал мне Ваш ответ: этот ответ – не отказ, Вы позволяете мне надеяться. Не обвиняйте меня в неблагодарности, если я всё еще ропщу, если к чувству счастья примешиваются еще печаль и горечь; мне понятна осторожность и нежная заботливость матери! – Но извините нетерпение сердца большого и опьяненного счастьем. Я сейчас уезжаю и в глубине своей души увожу образ небесного существа, обязанного Вам жизнью...»

Каков льстец! – подумалось вам по прочтению этого письма. Но, похоже, Пушкин знал, за что боролся, и пустил в ход всё свое умение обаивать даже отторгавших его. Вот как оценивала его избранницу Наталию Николаевну «незаинтересованная» современница Н.М.Еропкина:

«...Натали еще девочкой-подростком отличалась редкой красотой. Вывозить ее стали очень рано, и она всегда была окружена роем поклонников и воздыхателей (Вот они, конкуренты, коих предвидел Пушкин! – В. С.)... Место первой красавицы Москвы осталось за нею.

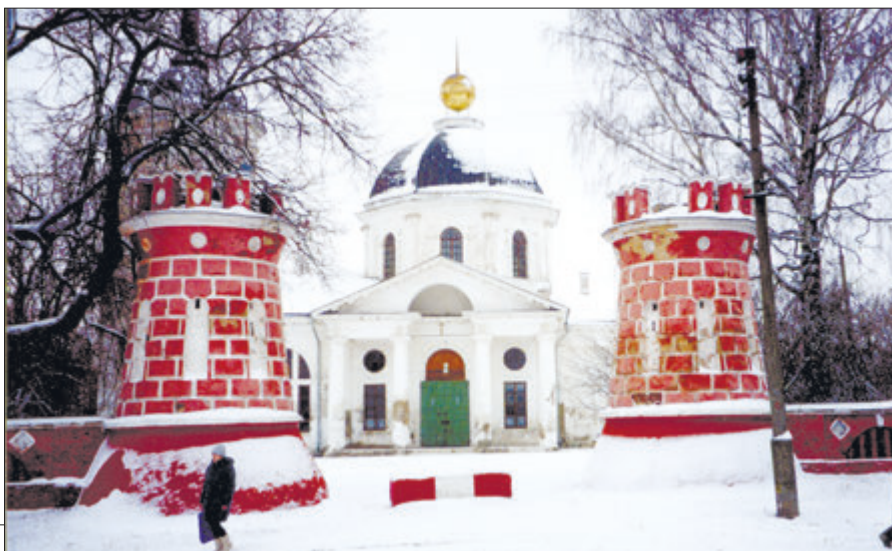
Наташа была действительно прекрасна, и я всегда восхищалась ею. Воспитание в деревне на чистом воздухе оставило ей в наследство цветущее здоровье. Сильная, ловкая, она была необыкновенно пропорционально сложена, отчего и каждое движение ее было преисполнено грации. Глаза добрые, веселые, с подзадоривающим огоньком из-под длинных бархатных ресниц. Но покров стыдливой скромности всегда вовремя останавливал слишком резкие порывы. Но главную прелесть Натали составляли отсутствие

ЯРОПОЛЕЦ ГОНЧАРОВЫХ

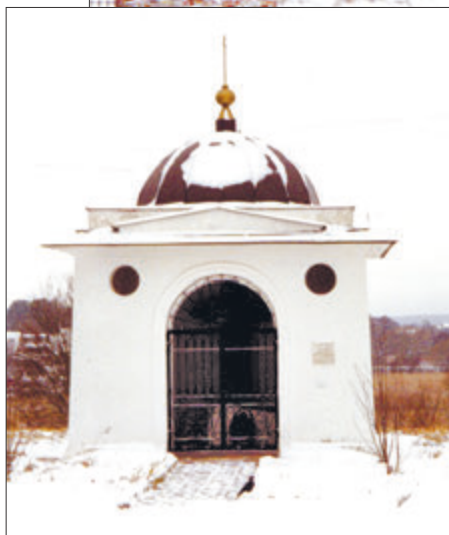

Наталья Ивановна
Гончарова в молодые годы

ЯРОПОЛЕЦ ЧЕРНЫШЕВЫХ

Часовня на могиле
Петра Дорофеевича
Дорошенко

ВОЛОКОЛАМСК

**Кузнечная башня
Иосифо-Волоцкого
монастыря**

**Колокольня
Воскресенского собора
Волоколамского кремля**

**Наталья
Ивановна
Гончарова,
1840 г.**

**Никольский собор
и фигурная ограда
в Волоколамском кремле**

ФЕСТИВАЛЬ «ВОЛОКОЛАМСКИЙ РУБЕЖ»

Режиссер
Анатолий Алай

Актер Борис Невзоров (слева)

Режиссер Владимир Сутырин

Режиссер
Абдула Бечедов

Взвод Макарова

2004. Россия, 35 мин
Автор сценария Владимир Сутырин
Режиссер Владимир Сутырин
Оператор Николай Банько
Продюсер Валерий Могилатов
Производство кинокомпания «ЗОВ», Свердловской киностудии

... вот уже 20 лет бывший рабочий, ныне пенсионер, на свой страх и риск воспитывает брошенных подростков, ориентируя их на службу в армию. И штаб ВДВ – единственный его союзник

Фильмография

2001 «Кому нужен Прометей?»
2002 «Гости из прошлого»
2005 «Волков. Хованов и другие»

всякого жеманства и естественность. Большинство считало ее кокеткой, но обвинение это несправедливо.

Необыкновенно выразительные глаза, очаровательная улыбка и притягивающая всех простота в обращении, помимо ее воли, покорила всех...

Не ее вина, что всё в ней было так удивительно хорошо. Но для меня так и осталось загадкой, откуда обрела Наталия Николаевна такт и умение держать себя? Всё в ней самой и манера держать себя было проникнуто глубокой порядочностью. Всё было «comme il faut» без всякой фальши. И это тем более удивительно, что того же нельзя было сказать о ее родственниках. Сестры были красивы, но изысканного изящества Наташи напрасно было бы искать в них. Отец слабохарактерный, а под конец и не в своем уме, никакого значения в семье не имел. Мать далеко не отличалась хорошим тоном и была частенько неприятна. Впрочем, винить ее за это не приходится. Гончаровы были полуразорены, и все заботы по содержанию семьи и спасению остатков состояния падали на нее...»

Остается согласиться, что наш ценитель прекрасного, перебравший немалое количество «каллипсо» и «пулхерий» (см. его «Дон-Жуанский список»), понимал толк в соотношении внешнего и внутреннего образа представительниц «евиного племени» и если уж решил не отступаться от намеченного, то игра в действительности стоила свеч...

И пока Наталия Николаевна принимает положенные истеблишментом ухаживания других кавалеров и движется «тенью в танце» на очередном балу, а поэт стремится в сторону Кавказа, попробуем разобраться, что же объясняет не эмоциональную, а смысловую сторону его столь стремительного решения свататься к дочери владелицы Яропольца...

Каждый вечер после завершения конкурсных просмотров и ужина, мы, участники фестива-

ля, исключая тех, кто шел спать или предаваться «зеленому змию» (каждому свое), собирались в большой комнате на втором этаже основного корпуса усадьбы, где происходили встречи с именитыми гостями. До сих пор помню, насколько были интересны их рассказы о том, как они пришли в искусство, какими дорогами и перепахотками шло их творчество. Актер Борис Невзоров, внешне всегда угрюмый и насупленный, вдруг открылся нам совсем другим – веселым и компанейским человеком... В другой вечер столь же интересным был рассказ и фотомастера Миколы Гнисюка, чьи художественные фотопортреты украшали обложки многих номеров популярнейшего журнала «Советский экран». Он говорил сиплым голосом и был обрит наголо, что говорило о его недуге, но рассказ о детстве в украинском селе на Винничине и затем приход в профессиональную фотографию был весьма увлекателен. Жаль, что всё это не записывалось на диктофон. Устный рассказ – это тоже творчество, не каждый сможет увлечь аудиторию своей биографией, а у выступавших это получилось здорово... Столь же интересным в жизни оказался и киевлянин Владимир Талашко, которого я как зритель никогда не любил. Всё же кино, как это верно отмечено – великая иллюзия: из симпатичных может сделать уродов, а тривиальных по своей внешности – исключительными...

Из новых коллег я познакомился с режиссером из Дагестана Абдулом Бечедовым. Опять же, ну какое такое кино может быть в Дагестане, где его прежде никогда не было? Но время идет, меняются поколения, упрощается технология кинопроизводства, и вот уже в XXI веке кино снимают повсюду – даже в горных аулах Кавказа и в заснеженной тайге Якутии. Абдул, по-кавказски компанейский человек, приехал на фестиваль с двумя бутылками местного коньяка. Объема бутылей и вкуса напитка я не знаю, поскольку обе емкости он распил с другими коллегами в первый вечер, когда я с

Бечедовым еще не был знаком. Да и поселились мы в разных крыльях усадьбы, так что шум и запах кавказского застолья до нас с моим соседом минчанином А.Алаем, утомленных первым днем фестиваля, не докатился.

Интересно, что дагестанский коллега всем представлялся как Абдул, но его тут же стали звать Абдулой, как известного киноперсонажа, на что он не обижался. Кстати, и в фестивальной буклете, где представлялись фильмы-участники, Бечедов значился именно как Абдула.

Из общения с дагестанцем я узнал, что систематическое производство документальных фильмов там только начинается, и Абдула как один из пионеров этого искусства там нуждался в сценариях. Я навскидку назвал ему две исторические темы, над которыми готов был бы потрудиться в случае достижения должной договоренности со студией-заказчиком. Абдула обещал это дело продвинуть...

Окна моей угловой комнаты выходили на реку и в парк, но в этот поздний час за стеклом ничего не было видно – только невнятное шевеление темной массы голых деревьев.

А на завтра был назначен конкурсный показ моего фильма...

Период с апреля 1824-го по начало сентября 1826 года – одновременно и пик, и переломный момент в жизни поэта и человека Александра Пушкина. Судьбе словно было угодно загнать его в деревню на два года с запретом покидать пределы Псковской губернии, чтобы он... попридержал свой ретивый бег по жизни и осмыслил уготованное ему место в отечественной словесности.

Романтические «южные» поэмы создали ему в читающей среде реноме «русского Байрона» (а Байрон у поклонников поэзии в России и у самого Пушкина был несомненным авторитетом). Работа поэта в «деревенской лаборатории», оторвавшая от свойственных его времяпрепровождению «тусовок» на балах, за ломберным столом и в дружеских попойках,

дала обильный творческий урожай – от знакомого всем нам сызмала «Буря мглою небо кроет...» до вершины любовной лирики «Я помню чудное мгновенье...»; в Михайловском родились 4, 5 и 6 главы самого титульного его произведения – романа в стихах «Евгений Онегин»; и, наконец, здесь он сочинил самое глубокое свое художественное творение на историческую тему – стихотворную драму «Борис Годунов». Сублимация его природной энергии в творчество стала результатом именно заточения. Останься Пушкин на свободе, многое из написанного в Михайловском в 1824–1826 годах могло бы просто не родиться или бы родилось в другой форме, с меньшим внутренним пафосом и соответственно – меньшим успехом у читателя.

Здесь же Пушкин познал муки безответной любви к А.П.Керн, которой, прощаясь, вручил автограф ставшего впоследствии знаменитым стихотворения «Я помню чудное мгновенье...» и дальнейшие отношения с которой свелись к переписке, в коей он молил ее вернуться в Тригорское, откуда она отбыла с семьей Осиповых в Ригу на морские купания...

В этот период он едва не стал участником событий 14 декабря 1825 года (Спасибо зайцу, дважды отпугнувшему его от этого поступка – ну, как тут не сказать похвальное слово в адрес «суеверий»!) Но каково ему было слышать о неудачных результатах выступления друзей в Санкт-Петербурге, а затем и о горькой, но, увы, заслуженной участи отважившихся на эту противоправную затею.

Помимо безымянного зайца нам следует сказать спасибо и графу М.С.Воронцову, с чьей подачи Александр I отправил поэта в ссылку – и не в Вилуйск или Минусинск, а всего лишь в отцовское имение в Псковской губернии и, не чая того, сохранил этого «шалопая» (выражение самого Александра I) для русской культуры.

Два года в Михайловском – это помимо творческого угара и амурных вздыханий еще и время, достаточное для серьезных размыс-

лов о том, что прожито и сделано, и что еще предстоит. Конечно, джинн африканского темперамента, запертый в сосуде ссылки и не могущий оттуда выбраться, работал на холостых оборотах. Ощущение своего бессилия в плане освобождения от вынужденных уз не шло Пушкину на пользу, но вынудило его перестроить взгляд на жизненные ценности. Он словно прозрел и увидел, что к 27-и годам, покинув когда-то родительский дом, так и не обзавелся собственным. Встретив на своем пути множество «пулхерий», так и не познал счастья взаимной любви и душевного согласия. И, освободив его из ссылки новый царь, Пушкину-то и возвращаться некуда – разве что в номера трактира «Демут», где он всегда останавливался, приезжая в столицу...

Всё это мысли далеко не повесы и бретёра, а взрослого человека, очнувшегося от летаргии не проходящей молодости...

Пребывая в этом конфликте жизненного отрезвления и не унявшегося в душе мальчишества, в сентябре 1826 года «первый поэт России» и вернулся из лесного заточения в стремнину светской жизни.

В Москве он нанес визит хворающему дяде Василию Львовичу. Именно в разговоре с дядей – не только родственником, но и коллегой-стихотворцем, Александр Пушкин впервые признался, что чувствует себя постаревшим. По-настоящему, это всё хандра от долгого уединения и, может быть, ощущения, что за те два года, что его не было на просторах свободной жизни, многое изменилось. Места друзей – казненных и сосланных – заняли другие, моложе и по-другому смотрящие на жизнь. Знакомцы женского пола повыходили замуж или сосватаны, а сам он – словно бы отстал от стремящегося мимо него поезда жизни. Отсюда и метания, спонтанность поступков, которые современники принимали за несерьезное поведение поэта.

Встретив впервые в свете свою однофамилицу или очень дальнюю родственницу Софью Пушкину, он собирается на ней же-

ниться («Вижу ее раз в ложе, в другой на бале, а в третий сватуюсь»). Увы, Софья уже сговорена за В.А.Панина и вскоре становится его женой. Не беда!.. Пушкин летит в Петербург и тут находит утешение сердцу, ухаживая за Анной Олениной. Анне мы обязаны рядом известных стихотворений, рожденных ее именитым ухажером. Пушкин готов предложить руку и сердце этой барышне, но и тут его ждет неудача. Тогда он возвращается в Москву и близко (чуть не ежедневно) общается с сестрами Ушаковыми, что дает почву для слухов о его скором сватовстве к старшей – Екатерине. Но сам поэт, обжегшись в предыдущих случаях, действием этого не подтверждает...

Вот что предшествовало его визиту в декабре 1828 года на «детский» бал к Иогелю. И, как уже говорилось, эта случайная встреча могла бы и не иметь важных последствий, не будучи подтвержденной последующими – тоже случайными, а затем и более близким знакомством с семейством Гончаровых, после чего Пушкин в спешке шлет к «первой красавице Москвы» свата.

Рассуждая о непреднамеренности выбора нашим героем объекта для очередного сватовства, заметим, что и ответ он получил вполне закономерный. Но если уехав к южным границам империи, он уже не исключал образ Наталии Гончаровой из сердца и памяти, то мать его избранницы – Наталья Ивановна, и сама избранница Наталия Николаевна, скорее всего, и думать о нем забыли в эти весенние и летние четыре месяца, которые наверняка провели вне Москвы – скорее всего, в селе дедушки Афанасия Николаевича Гончарова в Рязанской губернии или, может, прямо у него в Полотняном Заводе...

Воротившись в сентябре 1829 года в Москву из поездки в Арзрум, Пушкин в тот же день наносит визит Гончаровым и... убеждается, что его не ждали, и, следовательно, ответ, данный ему в конце апреля – по-прежнему действителен...

«Сколько мучений ждало меня при моем возвращении! Ваше молчание, ваш холодный вид, прием mademoiselle N., такой равнодушный, такой невнимательный... У меня не хватило смелости объясниться, я уехал в Петербург со смертью в душе...» – напишет он Наталье Ивановне из северной столицы, куда отбыл к тем, кто в отличие от живущих в Москве на Большой Никитской будет рад встрече с ним – к родителям, друзьям, литературным соратникам...

Документальную программу кинофестиваля показывали в детском кинотеатре. Было это днем, и соответственно зрителей почти не наблюдалось. Привели то ли группу школьников, то ли лицеистов (!!! – по-старому ПТУшников), которые сидели в конце зала и развлекались в темноте. Несколько взрослых сидело в первом ряду. Ну и плюс я, автор, который должен был представить фильм... почти пустому залу.

Кино, как и футбол, требует непосредственной сопричастности зрителей, поскольку изначально и задумано как зрелище. Нет зрителя – нет результата. Это всё равно, что стрелять не в цель, а в белый свет – для того, чтобы потратить боеприпас. Какой в этом прок? Чтобы отчитаться, что, мол, действие выполнено...

Я вспомнил показ своей другой картины – «Кому нужен Прометей?» – на фестивале фильмов и телепрограмм о науке в Томске несколькими годами ранее. Там обсуждение фильма после показа вызвало немалый ажиотаж среди гостей фестиваля и простых зрителей. Одни обвиняли меня в апологии сумасшедшего – самодеятельного ученого, решившего осчастливить мир дешевым способом производства питьевой воды; другие наоборот приняли мою позицию, а она заключалась в том, что изобретение героя требовало не огульного отрицания, а серьезной научной экспертизы, которая бы и решила, прав он или заблуждается... Я, как тигр, защищал свое кинодетище перед именитыми московскими гостями (даже

не членами жюри), что в конце концов стоило мне неполученного Гран-при фестиваля. Но домой я уехал всё же с двумя спецпризами – за режиссуру и операторское мастерство, что для съемочной группы было престижней...

Здесь же, в районном городке Волоколамске, не было по определению ни соответствующего уровня зрителя, ни практически вообще публики на дневных показах. Кто из членов жюри присутствовал на просмотре, я тоже не понял. Если таковой и был, то вел себя сугубо инкогнито – полагаю, опять же для галочки: мол, просмотрено. А между тем, мой фильм «Взвод Макарова», как уже говорилось, был представлен на киноленте, и по-другому, кроме как в зале, его посмотреть было нельзя. Значит, допускаю, его просто не увидели...

Я нашел в своем архиве буклет с регламентом того давнего фестиваля 2005 года и посмотрел, кто же входил в жюри «Волоколамского рубежа». И вот что обнаружилось: возглавлял жюри конкурса документальных фильмов тот самый Семен Семенович Школьников, оператор, которому было уже под девяносто и который выполнял на этом мероприятии, как говорится, функцию свадебного генерала, чье мнение было не определяющим; следующий – актер игрового кино Дмитрий Золотухин, сыгравший в дилогии Сергея Герасимова Петра Первого, вследствие чего, надо полагать, стал большим специалистом и в кино документальном; затем литературный критик Лариса Баранова-Гонченко – помнится, встречал ее в Союзе писателей, но не видел ни одной ее критической статьи по документальному кино (впрочем, ее, заболевшую, заменил сотрудник «Литературки» С.Луконин, чьих статей о документалистике я тоже не встречал); следом – заместитель редактора районной газеты Владимир Якубенко, этот – как бы представитель от местных; и, наконец, заслуженный деятель искусств Таджикистана, но работающая в Белоруссии и при этом российская гражданка (такой симбиоз – знак того времени!) кинорежис-

сер Маргарита Касимова, которая первым делом присутствовала на оном фестивале как участница конкурса игровых картин, ну и по совместительству (оптимизация?) оказавшаяся в жюри конкурса фильмов документальных...

Понятно, что такой подбор судей имел, скорее, формально-карнавалый характер, нежели рабочий, компетентный и неравнодушный.

...Когда я сегодня просматриваю буклет с программой того фестиваля, то с удивлением вижу, что большинство документальных фильмов носило чисто исторический характер – было посвящено бывшим победам и основано на монтажном переваривании старой хроники. Проблеме действительного воспитания в новом поколении военного патриотизма в тогдашние далеко не патристические годы был посвящен всего один фильм – мой... Понятно, что он оказался на этом празднике всеобщего благоденствия как бы не к месту. Никому ни в зале, ни в жюри, ни в оргкомитете не хотелось царапающих душу тем – гораздо спокойнее с холодным умилением взирать старую кинохронику, зная, что, несмотря на все давние трудности, мы всё же победили. А то, что спустя 60 лет всё завоеванное пущено потомками победителей псу под хвост и беспризорных детей в начале нового века в России больше, чем после гражданской войны, и государство в лице органов опеки и образования не больно справляется с этой проблемой, раз берется за оное дело волонтер из народа – бывший рабочий Вениамин Петрович Макаров, в одиночку спасающий прячущихся в теплотрассах пацанят, заставляет их учиться, готовит к службе в армии и затем возвращает безалаберным родителям готовыми к самостоятельной жизни – это не в тему кинопраздника... Сразу вспомнилось, что первоначально мой фильм «Взвод Макарова» был отвергнут московскими дамочками, что заседали на четвертом этаже Центрального дома кино и выполняли функцию отборочной комиссии. Фильм был

включен в программу волею президента кинофестиваля Ирины Скобцевой. Наверное, потому, что она смотрела его не в общем ряду фильмов-претендентов, а отдельно – у себя дома, на Тверской, с переданной мной кассеты.

...Но прежде, чем Пушкин в разоренных чувствах уедет из старой столицы в новую, в альбоме младшей из сестер Ушаковых появится столбец имен, названный позже исследователями его «Дон-Жуанским списком», в котором последним именем из тех, в кого поэт, по его признанию, был влюблен, значится Наталия. Сомнений нет: писавший имел в виду ту, что встретила его в доме на Большой Никитской «так равнодушно, так невнимательно», и этой последней неистовым сочинителем будет присвоен пароль: «Карс», в честь неприступной турецкой крепости на Кавказе, которая всё же была взята. Ну, а перед «Карсом» – не менее важный объект для воздействия: предкрепостной редут в лице «маменьки Карса»...

На пути из Москвы в Петербург лежала Тверская губерния, и стояла осень – сезон, который он как творческий человек не мог пропустить походя. В имени своих друзей, борясь с дурным настроением, Пушкин работает над продолжением «Странствий» Евгения Онегина, пишет стихи одной из барышень Вульф, сочиняет со множеством вариантов длинное стихотворение «Бесы», в котором сквозь изображаемую пургу, видится состояние отвергнутого жениха, что заплутал в ночи жизни и не знает, куда ему двигаться дальше... Но в нем нет ожесточенности – это видно из прозаического отрывка в жанре «романа в письмах», где Пушкин опосредованно в лице героини Лизы изображает свою избранницу, обогатив ее прошлое фактами из биографии «маменьки Карса». Пробыв несколько месяцев на Кавказе и не получив возможности полноценного общения с той, ради которой он спешил назад, Пушкин в этом произведении словно бы погружается во внутренний мир своей героини и

пытается взглянуть на мир – ее глазами. На листе бумаги он выстраивает воображаемый образ своей будущей жены – каким хотел бы ее видеть: и умной, и расчетливой, и тонко чувствующей, и близкой к природе, и приверженной дому...

А устами Владимира **, в которого в одной рукописи влюблена Лиза, Пушкин излагает свои мысли о том, что в нынешние времена родовитость ничего не стоит в сравнении с богатством. Эта заковыка имеет место в жизни самого Пушкина на пути к «взятию Карса», и он честно обозначит ее спустя время в письме к Наталье Ивановне, когда начнет второй приступ крепости Гончаровых.

Бегство Владимира в деревню – это уезд самого Пушкина из Москвы в Тверскую губернию, где наедине с природой и с листом бумаги есть возможность прийти в себя после, фигурально выражаясь, ведра холодной воды, которым его окатили на Большой Никитской. И вот к какой мысли он приходит: «Не лучше ли... привыкнуть к строгости зрелого возраста и добровольно отказаться от увядающей молодости?» Иными словами, сватовство Пушкина – это осознанное подведение итога первого периода его жизни. В том же ключе можно толковать и его бегство на Кавказ как последнее безумствование этого первого периода (Устами Евгения Онегина: «Ужель мне скоро тридцать лет?») Кстати, свое тридцатилетие Пушкин встретит именно на Кавказе, в дороге, и никаких заметок на этот счет в своей тетради не оставит...

Душевное равновесие придет к нему в тверской деревне с первым снегом. Глянув после пробуждения в окно, он увидит:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачно лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит...

И вот уже он велит закладывать свою кибитку и устремляется туда, куда намеревался – в Пе-

тербург, где его ждут радостные встречи, объяснения с властями, рогатки противников и то, чем он жил все последние годы – воздух литературы...

Он встречается с ближайшим своим лицейским другом литератором Антоном Дельвигом, издающим альманах «Северные цветы», и они обсуждают состав нового выпуска. Этот альманах выходил один раз в двенадцать месяцев и потому не мог оперативно отмечать книжные новинки, которые появлялись в течение года, в то время как литературные оппоненты Дельвига и Пушкина – Ф.Булгарин и Н.Греч выпускали свою газету «Северная пчела» трижды в неделю! Понятно, что в таких неравных условиях в случае полемики первые проигрывали в свежести подачи материалов. И вот в недрах редакции альманаха рождается идея более оперативного издания – «Литературной газеты», которую планируют выпускать раз в пять дней. Пушкин наряду с Дельвигом становится соредктором одной. Цензура дает разрешение на публикацию первого номера...

А вот на печать «Бориса Годунова» дозволения всё еще не получено. Раз за разом сверху (от царя) приходят требования поправок... Это нервирует Пушкина еще и потому, что Булгарин своим прозаическим романом «Дмитрий Самозванец» как бы «надкусил» тему и более того, чуть ли не позаимствовал сюжетный фрагмент из его «Бориса», который в авторском изустном прочтении был уже хорошо известен в столице.

Неудача со «штурмом Карса» снова наводит Пушкина на мысль о дальнем путешествии. Он подает на верха прошение о позволении ему отправиться в Европу – Париж или Италию, а нет – так в Китай с экспедицией И.Бичурина. «Консервативный» царь не дает разрешения. Что им двигало – недоверие к благонадежности поэта или... Как бы то ни было, но это «или» опять же сохранило «первейшего поэта России» от импульсивных шагов, кое он мог предпринять, находясь вдали от

надзорного ока. Кстати, и Байрон, а позже и Мицкевич пали именно за границей в результате действий, мало связанных с литературной работой. Опять же недооцененный историками поступок «тирана»...

А тем временем из письма москвича П.Вяземского Пушкину становится известным, что «маленькая Гончарова» блещет на рождественских балах в первопрестольной и «восхитительна» в роли сестры Дидоны в живой картине, данной в доме генерал-губернатора князя Д.Голицына.

Доходили и другие известия... Как бы между прочим Пушкин спрашивает в письме того же П.Вяземского:

«Правда ли, что моя Гончарова выходит замуж за архивного Мещерского?.. Я собираюсь в Москву».

Для него эти опасения посерьезней намерений поехать в Европу – вот так уедешь на полгода, а потом и возвращаться будет незачем...

Но прежде, чем его дорожная кибитка снова будет запряжена, Пушкин подводит итог своим прежним привязанностям. В альманахе «Северные цветы на 1830 год» он среди прочего публикует стихотворение «Я вас любил: любовь еще, быть может, в моей душе угасла не совсем; Но пусть она вас больше не тревожит; я не хочу печалить вас ничем...» без посвящения, что заставило последующих пушкинистов гадать, кому оно было адресовано – А.Керн или А.Олениной? Спор был разрешен, когда много лет спустя эти стихи были обнаружены в альбоме второй... Гораздо сложнее поэту было порвать с давней южной его привязанностью – Каролиной Адамовной Собаньской, жившей эту зиму в Петербурге. Ей тоже посвящено «прощальное» стихотворение поэта – «Что в имени тебе моем? Оно умрет, как шум печальный...», которое он записал так же в альбоме. Видимо эта женщина обладала природным магнетизмом, способным привязывать к себе и не отпускать. Казалось бы, девять лет прошло с их первой встречи

в Одессе и тем не менее старые чувства вдруг взыграли в поэте с новой силой, и он пишет ей в неотправленном (?) письме: «Рано или поздно мне придется всё бросить и пасть к вашим ногам...» Но тут же на черновике письма, внизу листа рисует профиль «Карса» как трезвое самоупреждение необузданным страстям: чувствую одно, но делать буду другое...

И дальше события развивались следующим образом: П.Вяземский, у коего Пушкин интересовался «Карсом», просит И.Лужина, который на очередном балу будет танцевать с Наталией Гончаровой, спросить ее мнение о Пушкине, что тот и делает. И обе – Наталья Ивановна и Наталия Николаевна отзываются о нем благоприятно и просят передать ему поклон.

Значит в Москву! В Москву!..

Снова забыв или намеренно не пожелав получить разрешение у царя как поднадзорный на перемещение из одной столицы в другую, поэт по мартовскому снегу устремляется на новый штурм крепости на Большой Никитской...

12 марта 1830 года он «прямо из кибитки» попадает на бал в Благородном собрании и встречает как ту, к которой стремился, так и того, о коем не чаял – царя, успешного в Москву раньше него.

Спустя неделю Пушкин снова встречается с Гончаровыми «в концерте», где «Карс» присутствует вместе со своим младшим братом Сергеем.

Следом «агентом» влюбленного поэта становится средний брат «первой красавицы Москвы» – Иван. Отправляясь в Питер по своим делам, он везет П.Вяземскому, сменившему на время Александра Сергеевича у руля «Литературной газеты», письмо, в котором Пушкин между прочим сообщает, что не спешит вернуться в столицу, поскольку его «не выпускает Гончарова» (Читай: нерешенный вопрос со сватовством.)

И, наконец, чтобы чаще видеться с «Карсом», поэт становится едва ли не завсегдаем вечером в доме хорошего знакомого его родителей А.Ф.Малиновского,

управляющего архивом Коллегии иностранных дел, поскольку там регулярно бывают и сестры Гончаровы. Он просит хозяйку дома А.П.Малиновскую расположить «маменьку Карса» в его пользу...

Таким образом, Пушкин как бы сублимирует, нагнетает ситуацию, которая вот-вот должна разрешиться активным его действием в означенном направлении и (это непременно) достижением успеха...

Но видимо доведя себя в определенной степени до экзальтации, он вдруг ощутил весь драматизм своей предстоящей победы, которая принесет ему не столько удовлетворение, сколько преумножит уже имеющиеся проблемы, и 5 апреля он пишет письмо «маменьке Карса» – Наталье Ивановне Гончаровой...

В регламенте кинофестиваля «Волоколамский рубеж» для участников и гостей были предусмотрены и вечерние посиделки за чайным столом. Разумеется, при наличии и спиртных напитков, дабы снять дневную скованность и более расположить участников оных друг к другу. В этот раз бенефициаром этого мероприятия был уже упомянутый Михаил Федотович Рожков, балалаечник-виртуоз, народный артист Российской Федерации. В свои восемьдесят семь лет он был достаточно бодр, коммуникабелен и не без чувства юмора. Помнится, он рассказывал о своем участии в создании фильма «Война и мир» С.Ф.Бондарчука – в сцене после охоты, где «графинечка» Наташа Ростова, услышав игру на балалайке, вдохновляется и вдруг неожиданно начинает танцевать под одобрительные взгляды господ и дворни. Сцена эта и в книге, и в фильме имеет если не ключевой, то весьма важный момент в плане душевной характеристики героини. Так вот, звучащая за кадром игра на музыкальном инструменте – дело рук Михаила Федотовича... А всего его балалайка озвучивала более пятидесяти советских фильмов, в том числе «Течет Волга», «Простая история», «А зори здесь тихие...»,

«Тени исчезают в полдень». Судя по фильмографии, Рожков действительно был у нас балалаечником № 1, хотя оставался всё время за кадром. И вот благодаря кинофестивалю вышел, что называется, на люди...

Помнится, присутствовавший на встрече признанный классиком отечественного телевизионного документального кино Игорь Беляев спросил его:

– Михаил Федотович, я вот с восхищением смотрю на вашу благородную статью, которую вы не утратили с годами. Откуда в вас эта породистость, кто ваши родители?..

И Рожков рассказал, что он никакой не дворянин, а обыкновенный деревенский паренек из многодетной семьи, родившийся в глубине России (кажется, на севере Московской области, тогда еще губернии). Его отец был представителем власти в селе – полицейским урядником. Как важную должностную персону отца не взяли на фронт в Первую мировую, а после революции в знак уважения к его честной службе односельчане не дали расправиться с ним «перестройщикам» образца февраля 1917 г.

Задавали Рожкову вопросы и другие присутствующие. Спросил что-то и я, переврав при этом экзотическое по нынешним временам его отчество. Меня тут же привычно поправила жена и аккомпаниатор артиста Надежда Калмыкова, рыжеватая полная женщина, сопровождавшая его выступления на сцене игрой на гитаре...

Словом, встреча носила душевный характер, на что и была рассчитана.

Выступали и другие участники культурной программы фестиваля. В частности, девушка, певшая на открытии фестиваля акапельно русские песни. Тогда в зале ее выступление прошло в общем ряду и не особо запомнилось. А здесь, в тесной компании, ее рассмотрели и засыпали вопросами. Оказалось, что она из Самары, учится в тамошнем учебном заведении, связанном с искусством. Кто-то поинтересовался ее семейным по-

ложением, и она призналась, что у нее есть жених...

Вышло так, что мы оказались рядом: я устроился в торце длинного стола, а она – через угол от меня. И вот я, отягощенный выпитым и съеденным, забыв должное приличие, сидел и смотрел на нее во все глаза. Спрашивать ее мне было не о чем и незачем, тем более, что общий разговор продолжался и она слушала то, что говорили во главе стола. Просто меня поразила ее, я бы сказал, исключительная красота, какой мне, как тогда показалось, не приходилось встречать прежде. Это было поразительно и... заразительно. Я понимал, что неприлично так пялиться на женщину, но ничего с собой поделать не мог... В таком созерцании есть, должно быть, какой-то вампирический момент, когда ты глазами вбираешь идеальное – то, чего тебе не достает, и сам как бы наполняешься, напитываешься этим.

Помните из прежней жизни старушек на скамеечке у подъезда, что провожали беззащитным взглядом всех, что проходили мимо? Это почти то же самое: у кого уже в прошлом и легкий ход, и стройная стать, и модные наряды, ловят взглядом проходящую молодежь в подсознательной надежде пусть и виртуально ощутить себя прежними, какими сами уже не будут никогда...

Позже в переписке Пушкина с невестой я нашел такое его признание: «...Петербург мне кажется уже довольно скучным, и я рассчитываю сократить мое пребывание здесь, насколько могу... Я утешаю себя, проводя целые часы перед белокурой мадонной, похожей на вас, как две капли воды; я купил бы ее, если бы она не стоила 40.000 рублей (речь о произведении искусства. – В.С.)» Иными словами, в моем случае это было то же опьянение красотой, а созерцание красивого, как известно, лучшее средство от всех душевных недугов...

Сегодня я думаю, не исключено, что мы сидели в тот вечер в комнате Ярополецкого дворца, где некогда жила несчастная остзей-

ская красавица Ульрика Поссе, привезенная и брошенная здесь коварным возлюбленным Иваном Загряжским и у которой ничего, кроме этой природной красоты, не осталось.

С красотой Ульрики Поссе, которой самой уже к тому времени не было в живых, связана одна вполне правдивая история.

Когда ее дочь, Наталья Ивановна Загряжская (еще не Гончарова), служила фрейлиной императрицы, в Зимнем дворце случился пожар. Один из гвардейцев, охранявших дворец, следуя по коридорам той части, где жили фрейлины, в проверке, чтобы никто не остался во власти наступающего огня, забежал в комнату Загряжской, стремясь спасти что-нибудь ценное, и... увидел на камине портрет красавицы. Его и прихватил, и ничего больше. И когда его спросили, почему он взял это, а не что-нибудь более стоящее, он ответил: «Как же я мог оставить такую красоту огню?»

Говорили, что в молодости дочь Ульрики Наталья Ивановна многое взяла от внешности матери.

...Вот оно, то странное вроде письмо, которое А.С.Пушкин написал 5 апреля 1830 года «маменьке Карса» – Наталье Ивановне Гончаровой:

«Одни из моих друзей привозит мне из Москвы благосклонное слово, которое возвращает мне жизнь, и теперь, когда несколько ласковых слов, которыми вы удостоили меня, должны бы меня наполнить радостью, – я более несчастлив, чем когда-либо. Постараюсь объяснить. Только привычка и продолжительная близость могут доставить мне привязанность вашей дочери; я могу надеяться со временем привязать ее к себе, но во мне нет ничего, что могло бы ей нравиться; если она согласится отдать мне свою руку, то я буду видеть в этом только свидетельство спокойного равнодушия ее сердца. Но сохранит ли она это спокойствие среди окружающего ее удивления, поклонения, искушений? Ей станут говорить, что только несчастная случайность помешала

ей вступить в другой союз, более ровный, более блестящий, более достойный ее, – может быть, эти речи искренни, и во всяком случае она сочтет их такими. Не явится ли у нее сожаление? Не будет ли она смотреть на меня, как на препятствие, как на человека, обманом ее захватившего? Не почувствует ли она отвращения ко мне? Бог свидетель, – я готов умереть ради нее, но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, свободной хоть завтра выбрать себе нового мужа, – эта мысль – адское мучение! – Поговорим о средствах; я этому не придаю особенного значения. Моего состояния мне было достаточно. Хватит ли мне его, когда я женюсь? Я ни за что не потерплю, чтобы моя жена чувствовала какие-либо лишения, чтобы она не бывала там, куда она призвана блистать и развлекаться. Она имеет право этого требовать. В угоду ей я готов пожертвовать всеми своими привычками и страстями, всем своим вольным существованием. Но, все-таки, – не станет ли она роптать, если ее положение в свете окажется не столь блестящим, как она заслуживает и как я желал бы этого?.. Таковы, отчасти, мои сомнения, – я трепещу, как бы вы не нашли их слишком основательными. Есть еще одно – я не могу решиться доверить его бумаге...»

Как же понимать эту эпистолию – тот, на кого семейством Гончаровых уже почти решено сделать ставку, вдруг натягивает поводья и готов выйти из игры?..

В оных строках, мне кажется, можно усмотреть опять же хитрый тактический ход претендента. С одной стороны, он словно бы дразнит свою возлюбленную, обвиняя ее в холодности по отношению к себе (то есть переносит «вину» несостоявшегося сватовства – если оно не состоится и в этот раз – на нее, тем самым провоцируя «первую красавицу Москвы» активной выразить свою позицию в его адрес, опровергнуть это «обвинение» или... подтвердить. То есть, как говорится, проставить все точки над *i*. А с другой, уже обращаясь собственно к маменьке, он как

бы честно обозначает имеющее место проблемы в его текущем бытии, могущие ухудшить качество дальнейшей жизни дочери адресатки, предоставляя ей право на основании представленных фактов сделать осмысленный и конкретный выбор: таки да или нет...

Некоторые исследователи вопроса прямолинейно трактуют эту перипетию в истории сватовства Пушкина как то, что поэт вдруг передумал (или испугался) свататься. Полагаю, это ошибочно.

Если бы Пушкин передумал, он мог бы и несылать свата – ведь не сделал же он этого в адрес Екатерины Ушаковой, с которой был близко дружен, в доме которой бывал едва ли не чаще, чем у Гончаровых, и которая, надо полагать, ждала сватовства поэта. По крайней мере, до Петербурга доходили слухи, что Пушкин женится именно на ней... Ему ничего не стоило в случае отказа от претензии на руку Н.Н.Гончаровой сесть в свою дорожную кибитку и, не прощаясь ни с кем, покинуть вдруг старую столицу, отписав с дороги, что его позвали дела. Но он этого не сделал...

Вышецитированное письмо Пушкин послал Наталье Ивановне 5 апреля, накануне Пасхи, зная, что назавтра придет в дом на Большой Никитской христосоваться со всеми его обитателями и, следовательно, поставит «маменьку Карса» перед необходимостью дать ему ответ. И ответ этот будет не иначе как положительным, поскольку никто не захочет портить праздник Светлого Христова Воскресения: отрицательный ответ сразу же станет достоянием светской молвы, и на языке будет не столько тот, кому отказали, а те – отец и мать избранницы – что отказали. Иными словами, Пушкин, как грамотный военачальник, выстроил тактику второго сватовства, можно сказать, идеально.

И получил результат, на какой рассчитывал!..

Косвенно, но с ясно читаемой аллюзией на конкретику своей жизни, описал он это событие в прозаическом наброске, «конспиративно» названном «С французского»:

«Участь моя решена. Я женюсь...»

Та, которую любил я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством – Боже мой – она... почти моя...

Я женюсь, т.е. я жертвую независимостию, моею беспечной прихотливой независимостию, моими роскошными привычками, странствиями без цели, уединением, непостоянством.

Я готов удвоить жизнь и без того неполную. Я никогда не хлопотал о счастье, я мог обойтись без него. Теперь мне нужно на двоих...

Подали мне записку: ответ на мое письмо. Отец невесты ласково звал меня к себе... Нет сомнения, предложение мое принято. Наденька, мой ангел – она моя!.. Брошаюсь в карету, скачу; вот их дом; вхожу в переднюю; уже по торопливому приему слуг вижу, что я жених...

Отец и мать сидели в гостиной. Первый встретил меня с отверстыми объятиями. Он вынул из кармана платок, он хотел заплакать, но не мог и решился высморкаться. У матери глаза были красны. Позвали Наденьку; она вошла бледная, неловкая. Отец вышел и вынес образа Николая Чудотворца и Казанской Богоматери. Нас благословили. Наденька подала мне холодную, безответную руку. Мать заговорила о приданом, отец о саратовской деревне – и я жених.

Итак, это уже не тайна двух сердец. Это сегодня новость домашняя, завтра – площадная...»

Ну, «площадной» она станет месяц спустя, когда родители Натальи Николаевны официально объявят о помолвке. А до 6 мая 1830 года, когда это случится, Пушкину придется постараться, чтобы положительно разрешить два заковыристых момента, о которых он сам упомянул в письме Наталье Ивановне накануне сватовства: 1) экономика будущей семейной жизни и 2) свидетельство благонадежности жениха у власти предержавших (об этом напрямую не писалось но, надо полагать,

«маменька Карса» была наслышана о непростом отношении к нему двора).

На удивление, ответы на оба вопроса были получены достаточно легко. Отец поэта Сергей Львович отдал старшему сыну в пожизненное владение село Кистенёво Сергачского уезда Нижегородской губернии, в котором половина крепостных душ была уже заложена, но двести остающихся можно было еще заложить. По второму пункту Пушкиным было отправлено письмо А.Бенкендорфу с просьбой прояснить отношение к нему верховной власти. При этом он не скрывал, с какой целью делает этот запрос. И тут шеф канцелярии его императорского величества, ссылаясь на царя, уверил, что в отношении Пушкина у власти нет никаких претензий, и он может показывать это письмо всякому в подтверждение своего мнения.

Казалось, будущая теща может быть удовлетворена. Но... существовала еще одна заусеница, которая не позволяла гладко двигаться вперед налаженному было процессу – приданое... И хотя жених готов был взять невесту вовсе без приданого, Наталья Ивановна не могла себе позволить отпустить дочь в самостоятельную жизнь, что называется, в том, что на ней... Вопрос для людей ее круга был принципиальный. Он изрядно портит настроение г-же Гончаровой, а та в свою очередь не давала покоя будущему зятю.

Вообще Наталья Ивановна по традиции надеялась, что приданое для дочери она сможет взять у дедушки Афанасия Николаевича, любящего Ташу более других внушек. Было известно, что, набаловавшись со своими наложницами, глава дома Гончаровых выдавал их замуж с приданым в 10000 рублей. Не мог же он отправить в новую жизнь свою любимую внучку без приданого!.. Но события показали, что... мог. Если верить изложенному Пушкиным в письме к Бенкендорфу, известие о замужестве Таши застало «милото дедушку» врасплох, поскольку с наличными у него в этот период было туго, но, не устраняясь от

обеспечения внучки приданым, А.Н.Гончаров удумал перевести в ассигнации имеющиеся у него и не больно нужные ему материальные ценности. Так, он поручил жениху добиться в столице высочайшего разрешения на переплавку в металл лежащей у него в подвале без употребления бронзовой статуи Екатерины II, заказанной когда-то его предком и отлитой в Пруссии. Установлена она в Полотняном Заводе по какой-то причине не была, и за продажу ее в переплавку Афанасию Николаевичу предлагали аж 40 тыс. рублей. Свершись сделка, часть вырученной суммы и пошла бы на приданое внучке. Пушкину ничего не оставалось, как заняться этим вопросом, и он-таки пробил разрешение на переплавку! Но... строптивый Афанасий Николаевич вдруг передумал продавать статую на лом, и надежды на ожидаемые деньги рухнули.

Была еще попытка получить дедушкой из казны субсидию на поправку дел в поместье. Увы, даже родство с министром финансов ходатая по этому вопросу – всё того же Александра Сергеевича Пушкина – успеха не принесло...

А Ярополец? Он-то ведь уже несколько лет был в полном владении Натальи Ивановны!.. Да, была у нее и такая мысль, чтобы часть этого поместья переписать на младшую дочь. Но... как это уже не впервой в нашей истории, и это поместье ввиду неграмотного хозяйствования оказалось в долгах.

Всё складывалось по русской пословице: куда ни кинь – всюду клин...

Понимая, что, следуя «гончаровской» тропой, к цели не дойти, жених пишет невесте: «...Я опасуюсь, что это задержит нашу свадьбу, если только Наталья Ивановна не согласится поручить мне заботы о вашем приданом. Ангел мой, постарайтесь, пожалуйста».

Это письмо от 30 июля 1830 года.

В августе Пушкин возвращается в Москву в надежде взять судьбу в свои руки, но тут грянул гром: его хворающий дядя Васи-

лий Львович Пушкин 20 августа скончался. Траур отодвинул ожидаемую свадьбу еще на полтора месяца, и плюс к тому племянник покойного, взяв на себя расходы на погребенье, влез в непредвиденные долги...

26 августа Александр был в доме Гончаровых на балу по случаю именин обеих Наталий. И уже на следующий день взвинченная неудачно складывающимися обстоятельствами Наталья Ивановна устраивает будущему зятю грандиозный скандал, после чего он покидает ее дом, оставив «двери широко открытыми».

Как рассказывала значительно позже Наталия Николаевна, «свадьба их беспрестанно была на волоске от ссор жениха с тещей (скорее, тещи с женихом. – В.С.), у которой от сумасшествия мужа и неприятностей семейных характер испортился. Пушкин ей не уступал...» О себе он говорил так: «Характер мой – неровный, ревнивый, подозрительный, резкий и слабый одновременно...» Слабость, вероятно, выражалась в том, что он легко отходил и, несмотря на несправедливости в свой адрес, готов был к примирению, если видел, что противная сторона готова к тому же... Но в конце августа 1830 года он этого не почувствовал и, уже собираясь на Нижегородчину, был почти уверен, что свадьба его расстроилась...

Неясность ситуации была в том, что сватался он к дочери, источником же негатива была мать, и если он разругался с матерью, то чью сторону приняла в этой ссоре дочь? Без нее до матери Пушкину не было никакого дела. Не имея возможности объясниться с невестой непосредственно тет-а-тет, он пишет ей письмо, в котором отражает свое тогдашнее настроение:

«Я отправляюсь в Нижний без уверенности в своей судьбе. Если ваша мать решила расторгнуть нашу свадьбу, и вы согласны повиноваться ей, я подпишусь подо всеми мотивами, какие ей будет угодно привести своему решению, даже и в том случае, если они будут настолько основательны, как

сцена, сделанная ею мне вчера, и оскорбления, которыми ей угодно было осыпать меня. Может быть, она права, и я был не прав, думая одну минуту, что я был создан для счастья. Во всяком случае, вы совершенно свободны; что же до меня, то я даю вам честное слово принадлежать только вам...»

Вероятно, и теща временами была склонна к отходчивости, и когда морок дурного расположения духа покидал ее, она трезво смотрела на ситуацию и готова была отыграть всё к началу. Непосредственно, глаза в глаза или письменно – нет, но через дочь-невесту вполне. И вот уже в нижегородские пределы летит письмо от Наталии Николаевны, где она своей нежной ручкой сглаживает все углы отношений между будущими родственниками и заверяет жениха (всё еще жениха!) в том, что ее отношения к нему, несмотря ни на что, остаются неизменны...

Много ли поэту надо? Растаяв от этих строк, он уже готов целовать руки и г-же Гончаровой, забыв все ее недавние эскапады в свой адрес.

Так бы и случилось, но, собираясь в Болдино недели на три, он задержался там на три месяца (эпидемия холеры), а когда вернулся, вступив в права владельца сельца Кистенёво, то «...нашел тещу озлобленною... и насилу с нею сладил – но, слава Богу – сладил...»

А как сладил? Из вырученных за заклад Кистенёва 38-и тыс. рублей 11 тыс. рублей одолжил ей на пресловутое приданое и свадебные траты. Сумма не маленькая, если учесть, что себе оставил на послесвадебное «обзаведение и житие годичное» всего 17 тыс. руб. Таким образом, камень преткновения был сдвинут с пути на обочину, и дата свадьбы назначена – 18 февраля (разумеется, старого стиля) 1831 года. Это был последний день перед Великим (предпасхальным) сорокавосемидневным постом, когда еще можно играть свадьбы. Отступать больше некуда...

Культурная программа фестивалю не замыкалась стенами

ярополецкого дворца. На разъезд Дубосеково, к мемориалу в честь подвига 28-и героев-панфиловцев, как я предполагал, нас не повезли. Причиной, скорее всего, стала декабрьская заснеженность территории. Предложили на выбор: усадьба Осташёво, где бывали декабристы, или Иосифо-Волоколамский монастырь, основанный св. преподобным Иосифом Волоцким. Про Осташёво я ничего не знал, декабристы меня не интересовали, а Иосиф Волоцкий был видной фигурой в церковной истории. Кроме того, монастырь послужил действительной декорацией для съемок эпизодов пожара Москвы в 1812 году в фильме Сергея Бондарчука «Война и мир». (Как видим, фестиваль патриотического кино был задуман в неслучайном месте.) И я выбрал монастырь. Остальные последовали моему примеру...

Назад в церковное ведомство этот памятник истории вернулся лет за пятнадцать до этого, но если б нам о том не сказали, мы бы и не подумали, что еще сравнительно недавно здесь размещались и детский дом, и школа, и краеведческий музей – настолько всё во круг было пропитано церковным духом. Иосиф Волоцкий основал монастырь на реке Струге более полутысячи лет назад. За это время монастырь строился, перестраивался, разрушался, снова восстанавливался. Его стены выдержали осаду народной армии Ивана Болотникова, но пали под натиском польских интервентов во времена смуты. В его подвалах содержался свергнутый и взятый врагами в плен царь Василий Шуйский...

Стены, которые мы увидели в 2005 году, были уже результатом восстановления обители во времена царя Алексея Михайловича...

А прежде, до всех этих исторических катаклизмов, Успенский монастырь (имя Иосифа он получил после его смерти) славился просветительской деятельностью – здесь действовал скрипторий, где занимались созданием рукописных копий церковных книг, которые потом распространялись по приходам. В самой обители

имелась богатая библиотека – по описи XVI века в ней числилось 930 рукописных томов. Она была одной из лучших на тогдашней Руси...

Здесь содержался опальный переписчик Максим Грек, которого обвинили в искажении священных текстов.

В Иосифо-Волоцком Успенском монастыре вместе со своей артелью работал знаменитый иконописец Дионисий. В обители в годы оны насчитывалось аж 87 изображений святых работы его со товарищи.

Сюжеты дионисиевых рисунков использовали в своих вышивках волоколамские золотошвеи, выполнявшие заказы монастыря. На выставке русских древностей в Париже уже в первой половине XX века их пелена «Похвала Богоматери» была удостоена Гранпри...

В пределах обители русскими мастерами во главе с Никитой Тимофеевым Дюженком был возведен столп-колокольня, подобный «Ивану Великому». По высоте он лишь на 5 метров уступал московскому чуду, зато в диаметре основания был более чем втрое уже творения итальянца Бона Фрязина!..

Внутренние стены собора расписывали художники из знаменитого Палеха под руководством Николая Сафонова...

Конечно, всего перечисленного мы с коллегами уже не увидели – прожорливое время поглотило эти артефакты.

А вот барабаны и стены Успенского собора, оформленные цветными изразцами мастером XVII века Степаном Полубесом, – и доселе радуют глаз даже в пасмурную погоду!

На память о посещении этой знаковой для нашей истории обители мы купили в церковной лавке иконки с изображением основателя ее Иосифа Волоцкого. Видя наш интерес, экскурсовод рассказала, как было обнаружено под стенами Успенского собора захоронение самого Иосифа. Когда решили расширить собор и стали копать землю у основания старой стены,

наткнулись на останки неизвестного. И только по следам железа на его скелете поняли, что это мощи преподобного Иосифа, поскольку было известно, что он в знак смирения носил на себе вериги – тяжёлые металлические цепи, след от которых и ввёлся при жизни в его кости на плечах...

Долгожданное бракосочетание чиновника 10 класса Александра Пушкина и девицы Наталии Гончаровой действительно состоялось 18 февраля. Было оно столь же хлопотливым и полным неурядиц, что и жениховский период поэта.

Ну, во-первых, Александр Сергеевич (видимо, опять же по банальной причине экономии) решил организовать венчание в домово́й церкви усадьбы знакомого ему московского вельможи князя С.М.Голицына в Знаменском переулке. Венчание в приватной обстановке обошлось бы жениху значительно дешевле... Однако московский митрополит Филарет не дал на это разрешение, должно быть, потому, что сии действия по чину не могли быть осуществлены в домовых церквях...

Пришлось срочно всё переинициализировать и заказывать обряд венчания в приходской церкви Гончаровых – Вознесения Господня «на Царицынской улице» (место нынешнего Столового переулка у Никитских ворот, где изначально находился двор царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной, будущей матери героя не одного произведения Пушкина – Петра I. Предзнаменование?..) Но это был не самый удобный выбор, поскольку старое здание Вознесения в конце 1830 года снесли, и венчаться пришлось в продуваемом ветрами недострое нового храма, в уже действующем приделе Николая Угодника.

С утра в этот день к жениху пожаловали от «маменьки Карса» с известием, что отложенных на свадьбу денег не хватило и требуется еще. Пушкин дал...

И во время самого обряда венчания сначала сквозняк задул свечу в руках жениха, затем сам он задел аналой и уронил стоявший

на нем крест и, наконец, в момент обмена кольцами венчающимися одно из них было уронено на пол. То ли пальцы от волнения задрожали, то ли просто замерзли в нотапливаемой полуцеркви... Ну, сколько еще предзнаменований нужно суеверному сочинителю, чтобы почувствовать, что всё происходящее закончится несчастливо?

Но Пушкин был игрок, и этот кон – женитьба на Н.Гончаровой – был им выигран. Здесь проявились сильные черты его характера: в сложные моменты жизни он переводил судьбу, что называется, на ручное управление и в будущем показал, что отступать от этого не собирается.

А что же контрагент Пушкина в этой истории – мать невесты/жены его Наталья Ивановна Гончарова? Ведь и она, надо полагать, выиграла этот кон – дочь выдана замуж с приданым, правда, не за богатого, как мечталось, зато знаменитого, к этому времени – действительно первого поэта России (в этом даже его оппоненты не сомневаются). Ей ли не удовлетвориться на этом промежуточном финише жизненных событий? Но видимо женская натура, если она с каверзой, неизбывна в любой ситуации...

И вот уже Пушкин, снявший для себя и молодой жены квартиру на Арбате на целых полгода, спустя месяц пишет в Петербург другу и издателю П.Плетнёву:

«...В Москве я остаться никак не намерен, причины тебе известны – и каждый день новые пребывают. После Святой (Пасхи. – В.С.) отправляюсь в Петербург...»

Чтобы прояснить эти «причины», заглянем в его более раннее письмо, посланное за месяц до венчания: «...Я не люблю московской жизни. Здесь живи не как хочешь – как тётки хотят. Теща моя та же тётка. То ли дело в Петербурге! Заживу себе мещанином припеваючи, независимо и не думая о том, что скажет Марья Алексевна (персонаж комедии А.Грибоедова «Горе от ума», читай: мнение свёкра. – В.С.)».

Считается, что Наталья Ивановна и после свадьбы пыталась оказывать довлеющее влияние на свою младшую дочь, словно бы забывая, что она отныне член другой семьи – не Гончарова, а Пушкина... Конечно, молодая жена, впервые оказавшаяся в новой для себя ситуации, нуждалась в моральной поддержке матери и сестер. Но когда эта поддержка оборачивалась не подспорьем, а тенетами, проку ждать не приходилось.

Пушкин постепенно приручал к себе молодую жену. И если в первый день после венчания он с утра до самого обеда (а обедали тогда часов в 18) «потерялся» с друзьями, и Наталия Николаевна, оставшись одна в незнакомом доме, весь день «заливалась слезами», то в последующие дни (надо полагать, получив выговор от тещи) он регулярно выводил жену на светские развлечения. 21 февраля они были на балу у А.Щербининой, 22-го – в Большом театре на маскараде в пользу бедных; 24-го – на маскараде в Благородном собрании; 27-го Пушкины сами давали бал у себя на Арбате; 1 марта, в последний день масленицы, катались в санях, а потом ели блины у Пашковых; вечером, должно быть, заехали к Гончаровым попрощаться со старшим братом Наталии Николаевны Дмитрием, который отбывал в Петербург, и т.д.

При этом молодой глава семьи не прекращает переговоров с родными жены о приданом, которое обещано было его невесте (теперь уже жене). Так, спустя неделю после венчания, он пишет письмо вежливости дедушке Гончарову, в коем извещает о состоявшейся свадьбе и обещает приехать с Наталией Николаевной к нему в Полотняный Завод, при этом просит не беспокоиться о приданом, поскольку «мы в состоянии ждать». То есть мягко намекает, что... не отказывается от обещанного дедушкой. Афанасий Николаевич соглашается принять поверенного Александра Сергеевича для оформления продажи своего нижегородского имения и передачи вырученных средств всем внукам на приданое.

В апреле, должно быть еще до Пасхи, которая в 1831 г. пришлась на 19 апреля (старый стиль), молодожжен интересуется у тещи на предмет возврата ею тех самых 11 тыс. рублей, что были даны ей в долг на приданое. Разумеется, Наталье Ивановне вернуть эту сумму было не из чего, и она в качестве погашения задолженности отдает дочери и ее мужу фамильные драгоценности, правда, уже заложенные в ломбарде: типа выкупите и они ваши. Пушкин их выкупает и... снова закладывает: деньги на нынешний момент важнее бриллиантов.

Спустя без малого месяц он снова заводит разговор о долге и об обещаниях дедушки, но Наталья Николаевна на контакт не пошла.

На следующий день Пушкины покинули Москву и направились в Петербург.

«О делах моей жены, – напишет Пушкин в июне П.В.Нащокину, – не имею никаких известий, и дедушка, и теща отмалчиваются, и рады, что Бог послал их Ташеньке муженька такого смиренного...»

Хотя смирным себя мог назвать Пушкин только в шутку. Экономические вопросы будущего существования семьи не давали ему покоя, и он, судя по всему, не собирался давать покой и тем, кто был ему (им) должен. Так, спустя неделю после вышепротитированного письма другу, он продолжает, уже эпистолярно, выяснять отношения с тещей. В письме к дочери Наталье Ивановне в который раз попиняла зятю за то, что он рассказал Афанасию Николаевичу о матримонильных планах его второй внучки Александры, к которой в начале апреля посватался калужский помещик А.Ю.Поливанов, отставной полковник и уездный предводитель дворянства, сосед Гончаровых по Полотняному Заводу. Почему мать захотела пока скрыть эту информацию, с точностью не ясно. Видимо, исходя из горького опыта первой свадьбы, затеивала какую-то свою игру в адрес неудобного дедушки. Сватовству соседа-помещика ею был дан отбой и, судя по всему – более решительный, чем в случае со

строптивым Пушкиным. По причине решительного вмешательства Натальи Ивановны (из добрых, разумеется, побуждений) в судьбу средней дочери та выйдет замуж лишь... 27 лет спустя, далеко не в цветущем возрасте, когда уже и матери не будет в живых...

Тогда же, в июне 1831 года, в ответ на инсинуации тещи, выраженные в письме к Наталии Николаевне, Пушкин выражает свои чувства по этому поводу не через жену, а непосредственно – обращаясь в письме к самой Наталье Ивановне:

«...Я был вынужден уехать из Москвы во избежание неприятностей, которые под конец могли лишит меня не только покоя; <вы> меня расписывали моей жене как человека гнусного, алчного, как презренного ростовщика, <вы> ей говорили: ты глупа, позволяя мужу и т.д. Согласитесь, что это значило проповедовать развод. Жена не может, сохраняя приличие, позволить говорить себе, что муж ее бесчестный человек, а обязанность моей жены – подчиняться тому, что я себе позволяю. Не восемнадцатилетней женщине управлять мужчиной, которому 32 года. Я проявил большое терпение и мягкость, но, по-видимому, и то, и другое было напрасно. Я ценю свой покой и сумею его себе обеспечить».

Когда я уезжал из Москвы, вы не сочли нужным поговорить со мной о делах; вы предпочли пошутить по поводу возможности развода, или что-то в этом роде. Между тем мне необходимо окончательно выяснить ваше решение относительно меня. Я не говорю о том, что предполагалось сделать для Натали, это меня не касается, и я никогда не думал об этом, несмотря на мою <как вы выразились> алчность. Я имею в виду 11 тысяч рублей, данные мною взаймы. Я не требую их <немедленного> возврата и никоим образом не тороплю вас. Я только хочу в точности знать, как вы намерены поступить, чтобы я мог сообразно этому действовать».

С глубочайшим уважением остаюсь, милостивая государыня,

вашим покорнейшим и послушным слугой. Александр Пушкин. 26 июня 1831 г. Царское Село».

Последняя фраза – не лицемерие, как может показаться в наши дни, а всего лишь политес того времени.

Проходит еще два (!) месяца, и в письме из Царского Села П.В.Нащокин читает продолжение темы:

«...Теща моя не унимается; ее не переменяет ничто, ни время, ни разлука, ни дальность расстояния; бранит меня, да и только... Дедушка ни гу-гу. До сих пор ничего не сделано для Наталии Николаевны...»

У кого-то сегодня может возникнуть мнение: что это наш великий поэт так сквалыжничает – всё за деньги «топит» вместо того, чтобы писать свои шедевры?

Но нужно понять, что тогда – не сейчас. 11 тысяч и в нынешнем измерении сумма для многих не плевая, а тогда и подавно. Ведь царь Николай I, узнав, что Пушкин интересуется историей Петра, разрешил ему пользоваться государственным архивом, для чего принял на службу с окладом в... 5 тысяч рублей в год, то есть чуть больше, чем 416 рублей в месяц, в то время как Н.М.Карамзину, работавшему в свое время над «Историей государства Российского», положил на порядок (!) больше... И как жить на эти деньги вдвоем, да еще платить за наем квартиры в столице, да содержать прислугу, которую тоже надо кормить и которой платить содержание. При этом еще регулярно появляться на придворных балах и приемах, для чего нужны платья жене, мундир и фрак мужу... Разумеется, Пушкин таки писал «свои шедевры» и публиковал их, получая неплохой гонорар, но в кои-то веки можно было жировать на писательские гонорары? Приходилось регулярно брать в долг у друзей и, следовательно, погашать эти долги. Да еще прежние карточные задолженности... Во-вторых, зная, как обошли сестры в плане наследования саму Наталью Ивановну, Пушкин не хотел, чтобы и дочь ее, Наталия Николаевна, оказалась

крайней в аналогичном вопросе... А ведь Пушкин был готов жениться на ней вовсе без приданого, и тогда эти пресловутые 11 тысяч не стояли бы между ним и Натальей Ивановной. Но теща всё одно чувствовала бы себя уязвленной и вряд ли бы была благорасположена к зятю, поскольку именно он дал бы ей почувствовать эту свою несостоятельность.

Иными словами, их взаимоотношения при любом раскладе были бы именно такими, какими сложились в действительности. И виною этому – он, Пушкин... Хотя, думается, окажись на его месте какой-нибудь Витушкин, и ему бы была уготована в глазах тещи та же судьба (если он, конечно, не являлся бы владельцем солидных активов).

Одного не понимала Наталья Ивановна, что владельцы активов женятся на дочерях таких же владельцев активов. А может, и понимала. И оттого сердилась еще больше – на неизбывность своей судьбы...

И уже зимой, на исходе того же 1831 года, Александр Сергеевич, оставив жену в Петербурге, отправился в Москву по делам и оттуда написал Наталии Николаевне:

«...У тебя, т.е. в нашем Никитском доме, я еще не был. Не хочу, чтобы холопья ваши знали о моем приезде; да не хочу от них узнать и о приезде Нат. Ив., иначе должен буду к ней явиться и иметь с нею необходимую сцену; она всё жалуется по Москве на мое корыстолюбие, да полно, я слушаться ее не намерен...»

Откуда же должна была приехать «Нат. Ив.» – из Полотняного Завода или уже отсюда – из Яропольца?

Известно, что после того, как Пушкины отбыли в столицу, Н.И.Гончарова отвезла старших дочерей к дедушке Афанасию Николаевичу, поскольку, надо полагать, продолжать светскую жизнь в Москве с ее балами, концертами и «машкерадами» была не в силах. Можно предположить, что, сыграв свадьбу младшей дочери целиком на жениховы деньги, она на даль-

ше была не в состоянии финансово поддерживать тот же стиль жизни, что прежде. Тогда что все-таки отвратило ее от сватовства к средней дочери провинциального помещика Поливанова? Ведь здесь, в деревне, свадебные дела можно было оформить скромнее, чем в Москве – и забота о второй дочери упала бы с ее плеч... Видимо, матери Гончаровой нужна была пауза, в том числе и психологического порядка, чтобы отойти от происшедшего 18 февраля и собрать внутренние (и, конечно, финансовые средства) для дальнейшей жизни...

Вот чтобы не отдавать пока зятю должок, она и продолжала облыжно порочить его – мол, это не она задерживает возврат долга, а он зело алчен и нетерпелив!

Имелась и еще одна существенная забота: наследственные права на хозяйство в Полотняном Заводе. Это поместье было майоратом – то есть в случае смерти владельца оно не делилось на всех родственников, а должно было перейти во владение старшему наследнику, коим был единственный сын Афанасия Николаевича – Николай Афанасьевич, муж Натальи Ивановны и отец всех шестерых ее детей. Но управлять этим хозяйством Н.А.Гончаров физически не мог, и пришлось приложить максимум усилий, чтобы мужа признали недееспособным, тогда право наследования переходило к старшему сыну Гончаровых Дмитрию Николаевичу. В конце концов удалось повернуть оное дело. И только после этого, надо полагать, теща Пушкина смогла сосредоточиться на устройстве дел своего наследного поместья Ярополец.

Не собираясь проводить все дни в просмотрном зале, мы с Алаем вышли ознакомиться с городом. Смотреть в Волоколамске собственно нечего – жизнь городка сосредоточена на центральной площади, вокруг которой выстроились все главные городские конторы и магазины. Понятно, торговля нас не интересовала, а вот высокий холм, на котором выселись

два старинных храма, – вполне. В одном из них располагался городской музей. Экспозиция, как и во всех подобных заведениях, была обычного плана – сначала археология с черепками и наконечниками стрел, потом фрагменты кольчуг и покусанные ржавчиной старые сабли, что-то из давнего быта местного населения... Были тут и чучела подмосковного зверья, карты с ареалом их обитания. Помню, меня поразил один экспонат в витрине – перстенок из почерневшего металла, на котором была четко видна... свастика.

Нигде еще я не видел, чтобы так явно демонстрировалась знаковая атрибутика сравнительно недавнего врага, что, надо полагать, хорошо похозяйничал в этом городе, который не мог миновать ни один агрессор с запада. Поскольку рядом с этим экспонатом не было никакого пояснения, я решил получить его от кого из смотрителей, которые в таких небольших музеях, наслушавшись экскурсоводов, и сами знают не меньше, если не больше штатных научных сотрудников.

– Откуда это у вас? – спросил я подошедшую на зов женщину, задав хитрый, на мой взгляд, вопрос и уже зная, что она ответит что-то типа: «У нас же здесь шли тяжелые бои в 1941 году, и полегло много не только наших, но и немцев. Вот экспедиция вела раскопки на месте бывших боев и нашла это немецкое колечко».

Ответ был совсем не таким, как я ожидал:

– Через наш город в далекие времена проходил торговый путь. Приезжали купцы и из Индии. Вот они и завезли это украшение, которое купил кто-то из местных. А потом оно уже попало в музей от кого-то из горожан...

«Хороша легенда, – подумал я, не поверив женщине. – Дурят нашего брата, посетителя. Наверняка штучка всё же немецкая...»

И лишь спустя годы, когда пришлось заняться историей символика всерьез, я узнал, что свастика – это ни что иное как солярный знак, схема движения солнца по кругу: с востока на юг, с юга на

запад, потом ночное передвижение светила снова на восток и так до бесконечности. Своего рода вечный двигатель, символ бесконечности жизни... А каким же образом этот символ сопрягается с идеологией германского нацизма? Да никаким. Они просто антиподы! Но поскольку Третий рейх вырос из оккультных учений, то подверстали до кучи и этот древнейший символ, который, как считают не-системные ученые (те, что не на зарплате в научных или учебных учреждениях), пришел не из Индии, а... в Индию с нашими предками ариями (перволюдьми на Земле), когда те вынуждены были под угрозой похолодания переместиться с «милого севера в сторону южную», принеся туда свою цивилизацию – духовную, языковую, земледельческую, орнаментальную – в том числе и коловрат или солнцеворот, что на индийском протоязыке языке санскрите стал именоваться свастикой и уже под этим именем попал в Германию и стал нацистским символом, хотя, повторюсь, по сути своей был полным антиподом нацистской идеологии расизма и геноцида.

Но всё это я узнал потом, много позже...

А тогда мы вышли из музея и увидели действительный артефакт – кованую, на фигурных кирпичных столбах, изгородь, что шла вдоль кромки холма, надо полагать, по следу бывших земляных валов или деревянных стен уже не существующего Волоколамского кремля, выполнившего в истории свою защитную миссию и ушедшего в прошлое. Это действительно было произведение искусства и, пожалуй, единственный объект в городе, который мне захотелось запечатлеть своим фотоаппаратом. Я поставил Алая на фон узорной решетки и щелкнул затвором объектива. Уже из дома, сделав фотографии, послал ему на адрес студии «Беларусь-фильм». Подумал, ему будет приятно вспомнить эти последние дни уходящего года...

С Яропольцем была связана еще одна интрига. Почему Ната-

лья Ивановна, решив изначально передать часть поместья (200 душ) младшей дочери, всё же не сделала этого? Оказывается, она опасалась, что Пушкины, получив часть Яропольца, ради выручки средств удумают ее продать, Наталья Ивановна обретет нежелательных соседей и покой, ради которого она переместилась в деревню, будет нарушен... Был вариант избежать такого хода вещей, оговорив условие передачи без права продажи земли. Но хозяйка им не воспользовалась...

А теперь давайте посмотрим, как же начала хозяйствовать госпожа Гончарова в своем имении.

До ее поселения в Яропольском дворце всем хозяйством командовал наемный управляющий Семен Федорович Душин. Она же должность имела среди определенной части тогдашнего общества немалый соблазн. Управляя чужим хозяйством, можно было не мало погреть руки. То есть, обирая крестьян, отсылать действительным хозяевам лишь часть материального и денежного дохода, а определенную толику оного класть себе в карман. (С этим столкнулся и сам Пушкин в истории с освоением Болдина. Да что там Пушкин – каждый из нас сегодня имеет дело с таким субъектом в лице управляющих компаний ЖКХ!)

С.Ф.Душин, похоже, был из того же ряда ловких дельцов. На это недвусмысленно намекали помещице и зять, и старший сын. Но... Наталья Ивановна не хотела об этом слышать. А между тем объективно в отношениях «управляющий-помещик» к этому времени выработался такой алгоритм: сначала наемный работник доводит хозяина до разорения, а потом, скажем, женится на его дочери и становится полноправным помещиком. Ну, выход не самый худший, поскольку владение из семьи всё же не уходит...

В нашем случае пошло не так. Должно быть, Наталья Ивановна нашла общий язык с управляющим, и либо он, оказавшись под хозяйским присмотром, перестал воровать, либо помещица позволила ему не тайно, но явно увели-

чивать свою прибыль в приемлемых для нее размерах.

А из чего же складывалось хозяйство Яропольца Гончаровых?

Известно, что прежние владельцы поместья (скорее всего, дед нашей героини) выстроили в ансамбле хозяйственных построек дворца двухэтажные здания – одно из них для оранжереи. Интересно, что рьяные садоводы средней полосы России умудрялись выращивать в своих оранжереях и персики, и ананасы. По крайней мере, из Полотняного Завода Наталья Ивановна получала такие экзотические посылки. Что-то подобное, надо полагать, произрастало и у нее.

Доподлинно известно, что в поместье был большой и плодоносящий фруктовый сад. Кроме этого, помещица занималась огородничеством, выращивая огурцы и прочие овощи. Эти огороды были раскинуты в юго-восточном от внешней изгороди усадьбы направлении.

Также в усадьбе работала ткацкая мастерская. Словом, это было не слабое хозяйство, которое при умелом и честном (!) управлении могло давать если не солидную, то вполне устойчивую прибыль. И она, думается, имела место, раз Пушкин все-таки надеялся получить с тещи должок...

Конечно, на кинофестивали едут не только показать свое, но и посмотреть чужое. О документальной программе я уже сказал – почти сплошь интерпретация архивных кадров. А вот в игровой помимо не интересных мне априори иранского и южно-корейского фильмов были заявлены тематически интересные картины из Франции, Германии, ну и отечественного «розлива». Что-то из них не удалось увидеть из-за экскурсий, с чего-то пришлось просто уйти по причине несогласия с художественной стороной фильмов (германский «Академия смерти» и российский «Первый после Бога»). Остался же до конца в зале на чешском «Источник жизни», который рассказывал о том, как в Третьем рейхе занимались ре-

альной биоселекцией – выведением образцовой германской расы. Красивых и чистокровных ариек помещали в некий закрытого типа санаторий, куда с фронта в отпуск приезжали доблестные немецкие герои, и скрещивали их между собой в надежде на то, что в результате получится идеальное расовое потомство...

Мне была интересна не только художественная сторона решения темы, но и отношение авторов к предмету рассказа. Конечно, в центре сюжета оказалась этническая чешка, которая каким-то образом оказалась среди «чистокровных ариек» и стала не по своей воле донором для германского народонаселения. И зритель вслед за сценаристом Владимиром Кернером и режиссером Миланом Циесларом должен был сочувствовать этой героине и ненавидеть главную в оном заведении безжалостную немку с концлагерными повадками. Всё было рассчитано верно и работало до самой последней сцены, в которой немка занималась уничтожением документации этого заведения в условиях его эвакуации из Чехии вглубь Германии. И тут в кадре появляется возмездие в лице франкештейна или терминатора, не иначе – это пришел ужасный своим обликом советский солдат-освободитель и прикончил эту немку. В итоге получилось так, что немцы-таки плохие, но красивые, а русские тоже плохие, но еще и подобны чудовищу. А в середине – бедные, но хорошие чехи, которых освободила непонятно какая сила (поскольку сами ввиду своей исключительной белизны и пушистости могли быть только мягкой подстилкой для доблестных немецких рыцарей). Вот такой идеологический продукт был включен отборочной комиссией в программу российского фестиваля военно-патриотического фильма «Волоколамский рубеж»...

Полагаю, и другие зарубежные игровые фильмы были отобраны московскими дамочками с Васильевской по тому же принципу: лишь бы в кадре были люди с оружием, а в кого они метят с экрана

– не существенно, каждый волен понимать по-своему – у нас ведь свобода мнений, а единой идеологии согласно 13 статье Основного закона в стране больше нет...

(Напомню, всё это происходило в 2005 году, в котором знаковыми стали следующие события:

- Джордж Буш-младший вступил в должность президента США на второй срок.

- Министр иностранных дел Южной Кореи объявил, что КНДР является ядерной державой.

- Начал вещать всероссийский военно-патриотический телеканал «Звезда».

- В ходе Второй чеченской войны ликвидирован «президент Ичкерии» Аслан Масхадов.

- «Тюльпановая революция» в Киргизии. Митингующие взяли штурмом здание правительства. Президент Аскар Акаев бежал из страны.

- Сенат США одобрил кандидатуру Майкла Гриффина на посту главы NASA, ранее участвовавшего в программе СОИ («звездные войны»).

- В эфир вышел первый выпуск Comedy Club на российском телеканале ТНТ.

- Конгресс США выделил средства «на поддержку демократии» на Украине (60 млн долл.) и в Белоруссии (5 млн долл.).

- Президент РФ В.В.Путин подписал закон, согласно которому выборы в Госдуму будут проходить только по пропорциональной системе, и места в парламенте получают партии, преодолевшие 7-процентный барьер.

- На референдуме во Франции большинство проголосовало против Европейской конституции.

- В Москве завершился самый громкий судебный процесс постсоветской истории России. Руководители и совладельцы нефтяной компании ЮКОС Михаил Ходорковский и Платон Лебедев осуждены на девять лет лишения свободы.

- Более 60% проголосовавших на референдуме в Нидерландах высказались против Европейской конституции.

- Швейцарцы в ходе референдума одобрили присоединение к Шенгенскому соглашению.

- Франция заявила о грядущем строительстве термоядерного реактора в устье Роны.

- В столице Великобритании Лондоне произошла серия взрывов в вагонах метро и городских автобусах. Жертвами террористического акта стали 56 человек.

- В курортном египетском городе Шарм-эш-Шейх произошло три взрыва в местах скопления туристов, в результате чего погибло более 80 и ранено около 200 человек. Ответственность за акцию взяла на себя исламистская группировка Аль-Каида, теракт признан крупнейшим в новейшей истории Египта.

- В Москве убит руководитель «Центра американского английского» 35-летний Вардан Кушнир. В рунете он был известен как самый крупный спамер.

- Начало вещания православного телеканала «Спас».

- Борис Березовский продал «Независимую газету».

- Израиль объявил о выводе своих поселений из сектора Газа для реализации плана «одностороннего размежевания» с палестинцами. Впоследствии, несмотря на ненавязчивое сопротивление поселенцев, они были эвакуированы, а поселения (за исключением синаяг) — уничтожены с помощью строительной техники.

- В Астраханской области произошли калмыцко-чеченские межэтнические столкновения, начавшиеся с осквернения чеченцами памятника, установленного погибшему в ходе Второй Чеченской войны военнослужащему.

- Ураган «Катрина», один из наиболее разрушительных ураганов в истории США. Особенно сильно пострадал Новый Орлеан и его окрестности, которые затоплены. Точное количество жертв на начало сентября неизвестно, но количество пропавших без вести оценивается в цифру около 30 тыс. человек.

- Включение в эфир новой радиостанции Юмор FM в Москве.

- Парламентские выборы в Германии, формирование «большой коалиции» во главе с Ангелой Меркель.

- Прошла первая всероссийская ежегодная благотворительная кампания «Сухая папа».

- Чеченские боевики совершили нападение на Нальчик. В результате боевых действий погибло 47 человек, в том числе 35 сотрудников правоохранительных органов.

- Антихристианский бунт в Египте.

- Начало массовых беспорядков во Франции, которые продолжались несколько недель.

- С полигона Капустин Яр в Астраханской области проведен успешный испытательный пуск ракеты «Тополь-М» с новой головной частью. Этот запуск стал шестым в рамках испытания системы, создаваемой для противоракетной обороны.

- В Москве прошел «Русский Марш».

- Центральная избирательная комиссия Украины зарегистрировала инициативные группы для проведения референдума по вопросам вступления страны в НАТО и ЕЭП.

- Американская национальная лаборатория им. Лоуренса в Ливерморе запатентовала беспилотный аппарат, приводимый в движение двигателем Стирлинга. Инженеры полагают, что силовая установка со стирлингом позволит разведывательному самолету находиться в воздухе неограниченно долго...)

Год шёл к завершению. На улице падал снег. После фестивальных просмотров в городском Доме культуры мы в темном автобусе возвращались в Ярополец...

Впервые после отъезда молодоженов в Петербург Александр Пушкин встретился с Натальей Ивановной летом 1833 года. Кажется бы, прошло всего два года, но обстановка в семье кардинально переменилась. К этому времени младшая дочь и зять дважды сделали неуступчивую тещу и мать

бабушкой, что значительно смягчило ее отношение лично к Александру Сергеевичу.

Находясь на службе, титулярный советник А.С.Пушкин, работающий над историей Пугачевского бунта, взял отпуск и отправился на места былых событий. При этом намеревался заехать к теще в Ярополец, что должно было стать своеобразной компенсацией ей за то, что этим летом посетить ее не смогла сама дочь с еще не виденными бабушкой внуками. То есть тональность встречи зятя и тещи не предполагала прежней конфронтации по долговому вопросу. Хотя еще в начале лета Пушкин писал старшему брату жены Дмитрию Николаевичу в Полотняный Завод: «Семья моя увеличивается, служба вынуждает меня жить в Петербурге, расходы идут своим чередом, и так как я не считал возможным ограничивать их в первый год своей женитьбы, долги также увеличились... Если бы Наталья Ивановна была так добра сделать что-либо для Наташи, как бы мало то ни было, это было бы для нас большой помощью. Вам известно, что, зная о ее постоянно стесненных обстоятельствах я никогда (? – В.С.) не докучал ей просьбами, но необходимость и даже долг (главы семьи – В.С.) меня к этому вынуждают, – так как, конечно, не ради себя, а только ради Наташи и наших детей я думаю о будущем... Мне чрезвычайно неприятно поднимать этот разговор, так как я же ведь не скряга и не ростовщик, хотя меня в этом и упрекали, но что поделаешь? Если вы полагаете, что в этом письме нет ничего такого, что могло бы огорчить Наталью Ивановну, покажите его ей, в противном случае поговорите с ней об этом, но оставьте разговор, как только увидите, что он ей неприятен».

Таким образом, финансовый вопрос в их отношениях снят не был, но решение его Пушкин переводил в мягкое русло: он собирался не требовать, а лишь просить, и то, встретив непонимание, снял оный на время.

Как же в действительности произошла эта встреча? О том мы

узнаем из письма поэта жене от 26 августа 1833 года:

«...В Ярополиц (здесь и далее местами так в тексте – В.С.) приехал я поздно. Наталья Ивановна встретила меня как нельзя лучше. Я нашел ее здоровою, хотя подле нее лежала палка, без которой далеко ходить не может. Четверг я провел у нее. Много говорили о тебе, о Машке (внучке – В.С.) и о Кат. Ив. (Екатерине, старшей сестре Натальи Ивановны, которая будучи не замужем и бездетной, оказывала всяческое внимание и поддержку своей племяннице Натальи Николаевне – В.С.) Мать, кажется, тебя к ней ревнует; но хотя она по своей привычке и жаловалась на прошедшее, однако с меньшей уже горечью (история с обделением ее наследством – В.С.). Ей очень хотелось бы, чтобы ты будущее лето провела у нее. Она живет очень уединенно и тихо в своем разоренном дворце и разводит огороды над прахом твоего прадедушки Дорошенки, к которому я ходил на поклонение. Семен Федорович (управляющий Душин – В.С.) водил меня на его гробницу и показывал мне прочие достопримечательности Ярополица. Я нашел в доме старую библиотеку, и Кат. Ив. позволила мне выбрать нужные книги. Я отобрал их десятка три, которые к нам и придут с вареньем и наливками. Таким образом, мой набег на Ярополец был вовсе не напрасен...»

Зять пробыл у тещи одни сутки, и конфликта по известному вопросу меж ними не возникло. Возможно потому, что Александр Сергеевич не стал будировать эту щекотливую тему, видя, что отношение к нему как зятю за эти два года женщина с неровным характером, коей была Наталья Ивановна, изменила, узнав из писем дочери, как гладко, вопреки прежним ее ожиданиям, идет жизнь новой семьи. Про подводные камни этого гладкого бытия, в которых отчасти была повинна и она сама, ей думать не хотелось. А Пушкин, зная, что на рождение внука очастливленная бабушка отправила роженице тысячу рублей, решил не портить установившиеся,

было, добрые отношения между тещей и ним...

Еще не зная пушкинского маршрута знакомства с Яропольцем Гончаровых, я отправился осматривать «достопримечательности» по наитию и, видимо, повторил движение интереса поэта более чем полуторавековой давности.

Кстати, помните, в начале своего повествования я учил вас правильно произносить название этого населенного пункта?.. С удивлением обнаружил, что и здесь, не ведая того, я пошел по пушкинским следам. В своем «Путешествии в Арзрум» Александр Сергеевич точно так же считает нужным наставить читателя на правильность произношения названия того места, куда он совершил свое путешествие летом 1829 года: Арзрум, а не Арзерум, Эрзрум, Эрзрон. Для него эта точность была почему-то важна. Для меня – тем более, поскольку в моем случае речь шла об искажении родного мне (и Пушкину тоже) русского языка.

...Выйдя из дворца, я свернул налево и вышел через калитку старой металлической изгороди в сад.

Разумеется, ни оранжереи, ни «банного дома» в парке я уже не увидел – всё это по доброй расейской традиции в первые годы советской власти разобрали на кирпичи местные сельчане и растащили по своим скудным подворьям по принципу: было ваше, стало наше...

Заснеженный парк выглядел пустым и безмолвным, как будто бы в нем ничего никогда не было – ни островка на пруду, ни самого пруда. Один голый рельеф местности... Впрочем, парк усадьбы Загряжских-Гончаровых изначально был пейзажным – свободно расположившимся на склоне высокого берега. Возможно, сохранились аллеи, но я их не заметил. Кроме одной – той, что шла от реки к бывшему некогда пруду – прямой и широкой. Вот ее-то нынешние местные и называют Пушкинской. Ходил ли по ней сам

Пушкин? Наверное, ведь у него был экскурсовод – управляющий помещьем С.Ф.Душин. Но о парковом променаде в своем письме в Петербург он не написал. А вот о посещении могилы перволадельца помещья Ярополец – отставного гетмана Дорошенки, сообщил...

Разумеется, и я знал об этой могиле и, направленный местными, пошел по дороге на Волоколамск к автобусной остановке. Мне сказали, что это там... Заглянув за типовой остановочный павильон, я увидел сзади еще один, почти такой же, забраный металлической решеткой. Никогда бы не подумал, что историческое место может быть оформлено подобным образом. Но это оказалось именно оно. Подойдя вплотную к решетке, я разглядел в сумерках небольшого помещения некий трудночитаемый объем, заваленный венками, щедро перевитыми желто-блakitными лентами. Всё стало ясно: это землячкИ оной исторической персоны постарались показать «москалям», как они сегодня «шануют» предтечу Мазепы (видимо за то, что он раз за разом предавал «москалей», а те, наивные, ему опять верили и верили – и даже на Вятчину воеводой посадили!) На момент моего посещения этого места едва больше года прошло с «оранжевого» майдана в Киеве, что вопреки выбору пришедших голосовать посадил на престол своего – «помаранчового прэзыдэнта», который одним из первых своих указов провозгласил всю былую бандеровскую головку национальными героями. Думаю, и эта акция в Яропольце стала частью начавшейся уже тогда политики тотальной русофобии, что полным цветом раскроется уже после второго майдана, будь он проклят. А власти Волоколамска и Яропольца, «обкуренные» совковой мантрой о том, что мы с ними один народ и братья по крови, спокойнехонько допустили их до порядком забытой старой могилы и позволили совершить этот акт «национальной гидности» под недреманным оком нынешнего «третьего отделения»... Вспомнилось, что надгробье над могилой

Петра Столыпина в Киево-Печерской лавре лежит на обочине торного пути к святыням, ничем российским не отмеченное – разве что следами от взрыва, который устроил один «свидомый», выразив свое отношение к «клятым москалям». А как же наша дипломатия в «самостийной державе» и «Россотрудничество» отреагировали на это? Похоже, прочертили в воздухе очередную красную линию... Последующий демонтаж памятника генералу Ватутину полностью подтвердил беззубость этих ведомств на означенной территории...

Думаю, события последнего времени протерли, наконец, очи некоторым поборникам такого «братства». Хотя... русского сколько ни учи, он всё равно останется русским. Этим и пользуются наши бывшие «братья». Впору надо бы вместо грозного скипетра на гербе всучить подслеповатому орлу грабли, на которых он привык топтаться из века в век...

«Из Яроп. выехал я ночью...» – писал Пушкин жене 26 августа 1833 года. Путь его лежал через Москву на юг – по Пугачевским местам. Естественно, с заездом в Болдино, забота о котором тяжелым камнем висела теперь на его шее. К тому же подкрадывалась и осень – самое работоспособное время для Александра Сергеевича... Назад он собирался месяца через два, о чем так же сообщил жене в Петербург. Об этом знала и Наталья Ивановна, поскольку зять обещал ей заехать в Ярополец и на обратном пути. Но эта встреча не состоялась...

Считается, что теща, помня о своих невыполненных обязательствах перед семьей Пушкиных, постаралась избежать возобновления не случившегося в первый приезд зятя разговора и написала ему упреждающее письмо:

«4 ноября 1833 г. Ярополец.

Дорогой Александр Сергеевич, при Вашем проезде через Ярополец, мне помнится, Вы сказали, что надеетесь на возвратном пути застать меня здесь; но Дмитрий, как хороший сын, настойчиво просит

меня вернуться в Завод; не зная в точности времени Вашего возвращения и опасаясь плохих дорог, я сегодня покидаю Ярополец. На случай, если Вы намеревались заехать сюда лишь с целью заставить меня, я считаю необходимым предупредить Вас о своем отъезде. Но если Вы предпочитаете следовать этой дорогой, то в этом случае я буду очень рада, если Ярополец послужит для Вас удобной станцией... Желая вам скорого и благополучного возвращения к семье и, присоединяя к этому самые искренние пожелания Вам счастья, я никогда не перестану быть Вашим другом. Н.Г.»

Конечно же, получив эту информацию, Александр Сергеевич в Ярополец тогда не заехал. Он вернулся домой, в очередной раз не решив поставленной перед собой финансовой задачи. Решение вопроса переносилось на следующий год...

А в конце весны 1834 года Наталия Николаевна Пушкина, оправившись от болезней и семейных дел, собралась, наконец, в гости к родным – отдохнуть и показать детей бабушке, племянников теткам и дядьке. Екатерина, Александра и Дмитрий Николаевичи приехали на встречу с ней в Москву, в дом на Большой Никитской. А мать, Наталья Ивановна, не приехала... Известно, что в этот период она была в ссоре со старшими дочерьми. Угадывается и причина: девицы третий год почти безвыездно жили сначала у деда, а потом у брата в Полотняном Заводе, и устройство их дальнейшей судьбы, казалось, мать не беспокоило. Наталья Ивановна уже не чувствовала в себе сил основательно заняться решением этой проблемы и будто бы сложила эту обязанность на главу семьи Гончаровых, коим по мужской линии после смерти деда в 1832 году стал старший ее сын Дмитрий. А у Дмитрия Николаевича было своих забот невпроворот – прежний владелец Заводов оставил потомкам полуторамилионный долг, коий надо было погашать из доходов поместья, бывших к тому времени далеко не обильными, да еще и давать содержание

двум сестрам, отцу и матери, и два брата, служившие по военной линии в Петербурге, были не прочь поиметь прибавку к своему жалованью. К тому же он сам был озабочен необходимостью жениться, и у него уже была намечена персона для засылки сватов, но тут тоже всё было не гладко...

Возможно, Наталия Николаевна и не собиралась заехать в Ярополец, надеясь увидеться с матерью в Москве, в отчем доме, и потом вместе отправиться в Полотняный Завод. Но вышло так, как вышло, и она вместе с маленькими детьми, няньками и другой обслугой двинулась по Волоколамскому тракту.

Впечатление, которое произвел на мать и бабушку приезд семьи Пушкиных, нам известно из благодарственного письма Натальи Ивановны от 14 мая 1834 года в Петербург:

«...Мой дорогой Александр Сергеевич, я начну с того, что поблагодарю вас от всего сердца за ту радость, которую вы мне доставили, отпустив ко мне вашу жену с детьми; из-за тех чувств, которые она ко мне питает, встреча со мной, после 3 лет разлуки, не могла не взволновать ее... Я тронута тем доверием, которое вы ко мне высказываете в вашем письме, и, принимая во внимание вашу любовь, которую я питаю к Наталии и которую вы к ней питаете, – вы оказываете мне это доверие не напрасно, я надеюсь оправдать его до конца моих дней. Дети ваши прелестны и начинают привыкать ко мне... Вы пишете, что рассчитываете осенью ко мне приехать; мне будет чрезвычайно приятно соединить всех вас в домашнем кругу... До свидания, от глубины души желаю вам ненарушимого счастья. Верьте, я навсегда ваш друг».

И тут же приписка от Наталии Николаевны: «...Мама едва не отложила свое письмо до следующей почты, но побоялась, что ты будешь несколько беспокоиться, оставаясь некоторое время без известий о нас...»

Да, в этом году Пушкин и сам планировал отдохнуть с семьей и Гончаровыми в Полотняном Заво-

де, потом съездить в пресловутое Болдино, а на обратном пути всей семьей заехать к Наталье Ивановне.

Но и в этот год всё получилось иначе...

Закончив дела с корректурой «Истории Пугачевского бунта», он вырвался в Полотняный Завод только в августе. К этому времени ему уже стало известно, что его жена сама решительно берется за устройство судеб своих сестер. Сначала она пытается найти им партию среди калужских помещиков, а потом и вовсе надумала везти их в Петербург и пристроить фрейлинами в царский дворец. На это Пушкин ей написал в письме от 11 июня:

«Охота тебе думать о помещении сестер во дворец. Во-первых, вероятно откажут; а во-вторых, коли и возьмут, то подумай, что за скверные толки пойдут по свинскому Петербургу. Ты слишком хороша, мой ангел, чтоб пускаться в просительницы... Мой совет тебе и сестрам быть подале от двора; в нем толку мало...»

В августе же, проехав сразу в Полотняный Завод, минуя, как хотел изначально, усадьбу тещи, он пишет ей извинительное письмо:

«Милостивая государыня матушка Наталья Ивановна! Как я жалею, что на пути моем из Петербурга не заехал я в Ярополец; я имел бы счастье с Вами свидеться, и сократил бы несколькими верстами дорогу, и миновал бы Москву, которую не очень люблю и в которой провел несколько лишних часов. Теперь о Заводах, где нашел всех моих, кроме Сашки, здоровых, – я оставляю их еще на несколько недель и еду по делам отца в его нижегородскую деревню, а жену отправляю к Вам, куда и сам явлюсь как можно скорее. Жена хандрит, что не с Вами проведет день Ваших именин; как быть! и мне жаль, да делать нечего. Покамест, поздравляю вас со днем 26 августа; и сердечно благодарю вас за 27-е (в этот день родилась Наталия Николаевна. – В.С.). Целую ручки ваши и поручаю себя и всю семью мою вашему благорасположению. А.Пушкин».

И вот, когда все дела в Болдино были закончены и Александр Сергеевич планировал исполнить обещанное, выяснилось, что все сестры Гончаровы, включая и его жену, уже снялись с места и двинулись в Москву. Наталия Николаевна с дочерью Машей съездила на короткое время к матери в Ярополец, чтобы проститься, после чего вся кавалькада двинулась из Москвы на Петербург...

Но Пушкин всё же исполнил свое обещание и заехал к теще.

Должно быть, в прежние времена граница между двумя усадьбами в Ярополеце – Загряжских-Гончаровых и Чернышёвых – четко разделялась изгородью. В начале века ХХI-го, когда я вознамерился совершить променад вдоль реки Ламы, ее уже не существовало.

Интересно, что обе усадьбы абсолютно не походили одна на другую. Если Ярополец Загряжских-Гончаровых был красив своим скромным, но величественным абрисом, имение Чернышёвых брало размахом и изыском. Оно даже заслужило прозвище «русского Версаля». Этому способствовал и ландшафт: разбитый позади тыльного фасада дворца парк носил характер регулярного, где все аллеи были устроены, что называется по линеечке, и, разбегаясь в разные стороны, обратно сходились на одной площадке, отмеченной эффектной доминантой в виде остроконечного обелиска – памятника в честь посещения усадьбы императрицей Екатериной Второй. Дореволюционные фотографии сохранили вид кустов, подстриженных в виде сплошной зеленой стены – боскетов.

Родоначальником этой усадьбы был весьма незаурядный человек – один из братьев Чернышёвых, приближенных к будущей Екатерине II – еще в пору, когда она была великой княгиней. Видимо, эта чрезмерная их близость не понравилась императрице Елизавете Петровне, и она отослала всех троих в войска. На воинском поприще генерал-поручик Захарий Григорьевич Чернышёв и сделал себе карьеру, став в период Семи-

летней войны одним из русских военачальников, вошедших со своими войсками в Берлин. Пробывли они там всего дня три, но исторического шума это событие наделало немало. Именно З.Г.Чернышёв привез на родину символический ключ от взятого города, который, надо полагать, ему поднесло руководство капитулировавшей прусской столицы. Ну, а дальше он становится военным министром. При нем был образован Генеральный штаб Российской армии. После разделов Польши, возглавляет вновь образованные Могилевскую и Полоцкую губернии, владеет белорусским местечком Чечерск (где уже в наши дни благодарные чечерчане установили его бюст). Затем, с образованием Московской губернии Екатерина делает его первым генерал-губернатором старой столицы, и на Тверской улице ее З.Г.Чернышёв воздвигает свою резиденцию, которая в ХХ веке известна сначала как Моссовет, а теперь мэрия Москвы. За это время знаки отличия на его мундире меняются сначала на генерал-аншефские, а потом – на генерал-фельдмаршальские...

Понятно, что, став таким *vir*ом Российской империи, он не мог иметь за городом рядовую усадьбу – только «русский Версаль», не меньше!..

Интересно, что Ярополец Чернышёвых стал памятником не Семилетней войне (которую позже У.Черчилль небезосновательно назовет Первой мировой), а победам в войнах с Османской империей, в коих сам Захарий Григорьевич непосредственно не участвовал. Но зная, какое значение для России имели оные виктории, он именно эти ратные события увековечивает в своей подмосковной усадьбе. Так, на одном из островов, образованных протоками реки Ламы, он строит памятный павильон в виде мусульманской мечети. И для антуража ему присылают из Крыма некоторое количество татарских надгробных памятников, испианных арабской вязью. Здесь, в ярополецкой усадьбе, Чернышёв устраивает для Екатерины спустя 15 месяцев после свершившегося

вторичное празднование заключения Кючук-Кайнарджийского победного мира с турками. Вот в память об этом событии на центральной площадке правобережной – регулярной – части парка и поставлен был мраморный обелиск, который – единственный из парковых сооружений чернышёвской усадьбы – мне удалось лицезреть в декабре 2005 года...

Больше ничего не напоминало о былом величии этого «русского Версаля». Острова за рекой, где кроме мечети были еще павильон в классическом греческом стиле с портиком в четыре колонны и статуей императрицы внутри и каменная прогулочная галерея, слились с материком левого берега, протоки заросли илом и заболотились, а постройки дружными усилиями освобожденного народа были сведены к нулю... И лишь обелиск не тронули ни свои, ни пришедшие спустя время немцы. Неужели потому, что Екатерина от роду была Ангальт-Цербстской принцессой?

Но немцы помнили не только это. В России о генерал-фельдмаршале З.Г.Чернышёве никто, кроме сугубых историков, не знает, а захватчики помнили, что именно он стал покорителем Берлина в 1760 году, и, получив сполна на подступах к Москве в 1941-м, откатываясь назад, выместили историческую злобу на... бывшем его загородном дворце...

Я поднялся по заснеженной тропе от обелиска к руинам Яропольца Чернышёвых. Стены, еще сохранявшие лепной декор второй половины ХVIII века, стояли без крыши, и снег был виден в пустом пространстве прежних залов и комнат. Обойдя руины с торца, я увидел некогда парадный фасад чернышёвского дворца. Поразило то, что крылья здания были достаточно целы, а середина просела и частью осыпалась. «Странно», – подумалось мне. Эта «странность» и была следствием мести неудовлетворенных агрессоров: не добравшись, как им очень хотелось, до башен московского Кремля, они... расстреляли из пушек бывшую усадьбу того, кому удалось

полтора века тому назад ступить на берлинскую мостовую. Так что о посланцах западной культуры в Яропольце хорошо помнят...

Второй раз Пушкин приехал в Ярополец на исходе первой декады октября 1834 года. Пробыл всего несколько часов – торопился к семье в Петербург, где Наталия Николаевна и сестры самостоятельно осваивали снятую им загодя новую квартиру.

Его вопросы к теще, как уже стало правилом, носили экономический характер. Речи о возврате долга не шло. Александр Сергеевич наверняка понял, что добрые отношения с новой родней дороже денег, которые имеют свойство быстро кончаться. Считается, что разговор между ними шел о попытке покупки Пушкиными сельца Никулина, бывшего в собственности Гончаровых, и от которого те желали избавиться. Поэт не оставлял мысли о том, чтобы выйти в отставку и поселиться «баринном» вдали от столицы. Но торги, в которых участвовал через посредника и Пушкин, не состоялись, поскольку Никулино входило в майорат Полотняного Завода и продаже не подлежало...

Второй вопрос был более решающим. Известно, что с ним сладили. Речь о содержании старших сестер Гончаровых, которые в Петербурге собирались жить в семье Пушкиных до тех пор, пока не решится их личная судьба. Проживание и питание во вновь снятой под это квартире обе стороны – Пушкины и Гончаровы – уговорились оплачивать паритетно. Средства на это свояченицы («бель-сёры», как называл их в переписке Александр Сергеевич), должны были получать по распоряжению старшего брата, согласованного с матерью, у П.Г.Носова, занимавшегося в Петербурге реализацией продукции усадебных производств Полотняного Завода.

Вот, собственно, и все дела.

Но имелся вопрос и у Натальи Ивановны. Пушкин был в курсе любовного увлечения Дмитрия Николаевича Гончарова одной из чернышёвских соседок – На-

деждой Григорьевной. Об этой его страсти поэт не без юмора писал жене в одном из писем:

«Теперь, жёнка, послушай, что делается с Дм. Ник. Он как владетельный принц влюбился в гр. Н. Черн. по портрету, услыша, что она девка плотная, чернобровая и румяная. Два раза ездил он в Ярополец в надежде ее увидеть, и в самом деле ему удалось застать ее в церкви. Вот он и полез на стены. Пишет из Заводов, что он без памяти от прелестной и божественной графини, что он ночи не спит и что ее прелестный образ и т.д. и непременно требует от Нат. Ив., чтобы она просватала за него прелестную и божественную графиню; Нат. Ив. поехала к Кругликовой (тогдашней хозяйке поместья, старшей сестре предполагаемой невесты. – В.С.) и выполнила комиссию. Позвали прелестную и божественную, которая отказала наотрез. Нат. Ив. беспокоится о том, какое действие произведет эта весть. Я полагаю, он не застрелится. Как ты думаешь?..»

Столь же с юмором рассуждала об этом и сама Наталия Николаевна, спрашивая в письме брата, действительно не застрелится ли он... Честно говоря, такое отношение к родственному человеку со стороны Пушкиных удивляет: оба словно забыли, что самим пришлось претерпеть в такой же ситуации всего лишь несколько лет тому...

Тем не менее, Пушкин поехал с Натальей Ивановной к Чернышёвым с означенной миссией. Итог известен из письма самой Н.И.Гончаровой сыну:

«При проезде Пушкина через Ярополец, мы с ним вместе были у Чернышёвых всё с тем же добрым намерением продвинуть твоё дело, но не решились ничего сказать по этому поводу».

Если действительно не решились, то вероятно потому, что почувствовали в общении с «прелестной и божественной графиней» прежнее ее неприятие предлагаемой кандидатуры в женихи. Надежда Григорьевна была барышня своенравная, что признавалось многими, ее знавшими...

Так закончилась эта встреча Натальи Ивановны Гончаровой с единственным на тот момент ее зятем Александром Сергеевичем Пушкиным. Расстались они, надо думать, в добрых чувствах, с взаимными уверениями в вечной дружбе и в надежде на обязательную встречу следующим летом здесь же, в Яропольце, где соберутся уже все вместе – бабушка, ее внуки и оба их родителя.

Но в 1835 году этого не случится, и тому будут весьма уважительные причины. В мае в Ярополец пришло письмо от зятя из Петербурга:

«Милостивая государыня матушка Наталья Ивановна!

Имею счастье поздравить Вас с <третьим> внуком Григорьем и поручить его вашему благополучию. Наталия Николаевна родила его благополучно, но мучилась долее обыкновенного – и теперь не совсем в хорошем положении – хотя, слава Богу, опасности нет никакой. Она родила в мое отсутствие, я принужден был по своим делам съездить во псковскую деревню, и возвратился на другой день ее родов...»

Счастливая бабушка ответила на это событие должным образом. И вот 14 июля 1835 года Александр Сергеевич шлет ей еще одно письмо:

«Милостивая государыня Наталья Ивановна, искренне благодарю Вас за подарок, который изволили Вы пожаловать моему новорожденному и который пришел очень кстати...»

(Надо полагать, это снова были деньги. – В.С.)

«...Мы живем теперь на даче, на Черной речке, а отселе думаем ехать в деревню и даже на несколько лет; того требуют обстоятельства...»

(Черная речка – это местность под Петербургом, где снимать дачу было в то время весьма престижно. Пушкин с радостью бы провел лето где попроще, но место в свете его жены не позволяло ему «продешевить» с местом отдыха. К тому же теперь на нем была не одна Наталия Николаевна, а еще две ее сестры – нужно

было заботиться и об их репутации. – В.С.)

«...Жена, дети и свояченицы – все, слава Богу, у меня здоровы – и целуют ваши ручки. Маша (старшая дочь. – В.С.) просится на бал, и говорит, что она танцевать выучилась у собачек. Видите, как у нас быстро спеют; того и гляди будет невеста.

С глубочайшим почтением и преданностью имею счастье быть, милостивая государыня матушка, вашим покорнейшим слугой и зятем. А.Пушкин» (курсив мой. – В.С.)

Это были последние строки, написанные Александром Сергеевичем Пушкиным Наталье Ивановне Гончаровой. Время (пусть и не долгое) сгладило острые углы противоречий между ним и тещей, и заключительные слова письма заставляют думать, что это не положенная дань вежливости, а благоприятный итог его родственного общения с семьей Гончаровых...

А ведь нужно иметь в виду, что невозвращенный ему долг в 11 тысяч рублей (12 с дополнительной тысячей рублей, посланной Пушкиным в день венчания) весьма скрасил бы существование его семьи в столичной карусели. К этому добавим и заботу о родителях, сестре и брате – всё это выливалось в общую сумму, которую заработать ему никак не удавалось... Вернемся к его последнему письму, где он говорит о планах отъезда семьи в деревню... на несколько лет. Что это? Почему?.. Да всё потому же – жизнь в Петербурге с его балами и иными развлечениями требует совершенно иных денег, нежели те, которые он мог добыть литературным трудом. Тем более что и собственно литературой ему заняться не удавалось. И вот он просит у царя денежную ссуду и отпуск на четыре месяца, чтобы можно было уехать от всех забот и уединиться в деревне – для литературной работы, ибо только она при интенсивной занятости ею могла помочь его семье свести концы с концами... Ну и, уехав из города, Пушкин на время освобождался от заботы о свояченицах, которые, надо полагать, тоже не способствовали

его уединению за письменным столом...

Апофеозом кинофестиваля «Волоколамский рубеж» в 2005 году стал показ недавно вышедшего и уже попавшего в прокат отечественного боевика «9 рота», посвященного одному из героических эпизодов Афганской кампании 1970–1980-х годов. Еще один Бондарчук: кроме президента фестиваля И.К.Скобцовой-Бондарчук и ее мужа кинорежиссера С.Ф.Бондарчука, в память о котором этот фестиваль и был создан – сын обоих. «9 рота» оказалась единственным игровым фильмом на фестивальном волоколамском экране, который не оставил равнодушным никого из тех, кто вместились в зал городского Дома культуры. Дело в том, что это был полнометражный дебют режиссера, снимавшего до того рекламные ролики и поднаторевшего в искусстве поймать интерес зрителя в нужной точке. Картина также напоминает о его прежнем занятии клиповостью монтажа планов, голливудским перелистыванием малозначащих событий сюжета и отвязностью некоторых сцен – прежде всего сценой в бане, которая, в общем, снята и смонтирована в хорошем темпо-ритме, но воспитанному традиционным кино зрителю вряд ли могла понравиться своим содержанием, поскольку показывала защитников Родины... в нештатном виде. Но заключительный эпизод фильма – оборона рубежа, на котором гибнут один за другим все герои (кроме последнего), не могла не задеть за живое весь зал без исключения...

Будь «9 рота» участником этого кинофестиваля, Гран-при безусловно достался бы ей. Но в том и дело, что картина Бондарчука-сына была показана вне конкурса и, думаю, по вполне этической причине: предвидя, какое впечатление она произведет на жюри и на зрителя, а также исходя из многолетнего опыта работы в кино, можно было представить, какие разговоры пошли бы за спиной президента этого киносмотря, что-де организовала семейный фести-

валь, чтобы наградить своего сына. Ирина Константиновна, к ее чести, избежала этого соблазна и не взяла «9 роту» в программу фестиваля...

Но Федор Бондарчук не проиграл. По итогам того года его фильм собрал целую корзину призов: одних только «Золотых овнов», которые присуждают киножурналисты, – аж 7 штук: и за лучший игровой фильм года, и за лучший режиссерский дебют, и за операторское мастерство, и за лучшую музыку, и за лучшую женскую роль второго плана (восхитилатаки рыцарей пера сцена в бане!), плюс приз зрительских симпатий... Следом картину отметили и национальной премией «Золотой орел» – за лучший фильм года, опять за лучшую музыку, за лучшую звукооператорскую работу. В тех же категориях отметила «9 роту» и альтернативная кинопремия «Ника». Кончилось тем, что работу выдвинули от России на премию «Оскар». Фильм удостоили своим вниманием и первые лица государства, собравшись в резиденции в Ново-Огареве. А Верховный главнокомандующий даже сравнил лучшие батальные сцены сына с таковыми же в фильмах его отца в плане идентичности уровня их показа...

При этом общественная оценка работы Ф.Бондарчука оказалась не однородной. Если официальное мнение и мнение коллег кинематографистов было практически единодушно, то участники Афганской кампании стали упрекать авторов в том, что на самом деле эти события происходили иначе. Их поддержал и известный блогер, ставший приводить конкретные факты исторического несоответствия событий и фактов в картине и в реальной действительности... Что тут скажешь? Это как раз тот случай, когда уже седоватые, а то и лысые оценщики не уразумели по ходу своей долгой жизни разницы между документальным кино и игровым – художественным, которое не копирует бывшее в действительности, а создает его образ, используя художественные приемы, и они не обязаны стопроцентно соответствовать бывшему

в действительности. Ведь и при-снопамятные «Ленин в Октябре» и «Чапаев» не восстанавливали реальные события, а рассказывали о них, исходя из авторского понимания бывшего когда-то (разумеется, пользуясь советами очевидцев).

Вместе с тем, в случае с «9 ротой» мы имеем подтверждение творческого феномена первого фильма, когда режиссер, желая показать степень своей талантливости, собирает все свои внутренние ресурсы и рождает произведение подобно взрыву бомбы. А потом... желая ехать на багаже достигнутого успеха, делает картины значительно спокойнее первой, что может порождать толки о случайности его былого триумфа, и нередко это оказывается правдой. Вся последующая кинодеятельность молодого режиссера показала, что сравнение результата его работы с таковым же отца оказалось несколько преждевременным... Большого успеха он достиг на продюсерском поприще, где, считаю, совершил профессиональный подвиг, поддержав сериал «Спящие», раскрывший многие закулисные манипуляции, характерные для сегодняшней жизни. Такая откровенность взбудоражила либеральные круги, которые готовы были слопать с потрохами виновников появления этой работы. Но... продюсер, имея крепкую репутацию в верхах, оказался им не по зубам...

Ярополец – место удивительное. Есть ли еще такое село (не город!) в России, где сошелся бы вектор жизни самых разнообразных исторических персонажей?..

И с приходом советской власти это место не затерялось. Так, именно на реке Ламе местные крестьяне построили одну из первых сельских электростанций. Почин этот был настолько значим, что сам вождь революции Владимир Ильич Ленин, захвативший по просьбе сельчан в Ярополец, не только одобрил его, но и поддержал начинание обеспечением необходимого оборудования. Пробыл он в селе вместе

с женой и соратницей Надеждой Константиновной Крупской, как и Пушкин в последний раз, всего ничего – несколько часов, но память о его визите и помощи яропольчанам со временем была отмечена памятником, установленным на площади перед бывшим народным домом, где обосновался местный музей на общественных началах.

А саму музейщицу Антонину Павловну Кожемяко, которой на момент нашей встречи было уже за восемьдесят – заслуженного работника культуры РСФСР, кавалера трех правительственных наград и серебряной медали ВДНХ – без всякого сомнения, можно было назвать духом места (*genius loci*) села Ярополец. Восемнадцатилетней комсомолкой она появилась здесь сразу после освобождения села от немцев и с тех лет жила интересами нового места жительства. Ее усилиями была возрождена сельская библиотека, ставшая действительным очагом культуры для местного населения, где не только знакомили с новыми книгами, но и читали лекции по различным вопросам, тут же работал и популярный у сельчанок кружок кройки и шитья, проходили репетиции драмкружка. Этот очаг знаний помог многим молодым яропольчанам выбрать будущую профессию, двадцать семь молодых людей и девушек училось в высших и средних специальных учебных заведениях на стипендию местного совхоза и потом вернулось в село специалистами разного профиля. Сегодня такое воспринимается как фантастика...

Именно усилиями Антонины Павловны в 1960-е годы и был создан народный музей, в котором удалось сохранить не только артефакты минувших столетий, но сведения о том, что было в Яропольце прежде. Она показала мне мраморный (или алебастровый?) картуш с именем фельдмаршала З.Г.Чернышёва с его захоронения в усадебной церкви «русского Версаля», который ей удалось сохранить до того, как там похозяйничали вандалы.

Кстати, о самой церкви – ее внешность: здание под двумя четырехскатными куполами, с двумя разносторонними апсидами и четырехколонным портиком по середине фасада – очень мало напоминает традиционный храм, хоть русский, хоть европейский. Поскольку сам фельдмаршал был одним из значимых масонов ложи «Девять муз», и во дворце проводились тайные собрания его «братьев», есть мнение, что оный храм был задуман именно с масонским умыслом – то есть для своих. Этим могло объясняться и отсутствие в первоначальном проекте колокольни – посторонних созывать колокольным звоном не собирались... Антонина Павловна высказала предположение, основанное на мнении старожилов, что первоначально это нецерковного вида здание предназначалось для... усадебного театра. Что ж, вполне возможно... Тем более, что закончено оно было и освящено по православному канону уже после смерти хозяина усадьбы... И еще: оный фельдмаршал был не из родовитого дворянства – его отец генерал-аншеф Г.П.Чернышёв начинал свою служебную карьеру... денщиком у Петра I. Но за безупречную службу был пожалован царем в графья, ну и затем дослужился до высоких чинов.

Также А.П.Кожемяко не забыла упомянуть, что и Пушкин, приехавший в Ярополец, был в очень дальнем родстве с Чернышёвыми, а через одну из потомств фельдмаршала – его внучатую племянницу Александру Григорьевну, вышедшую замуж за декабриста Никиту Муравьева и отправившуюся в Сибирь вслед за мужем, Александр Сергеевич передал стихи «Мой первый друг, мой друг бесценный...» и «Во глубине сибирских руд...» осужденным за участие в мятеже 14 декабря 1825 года друзьям. Но это произошло не в Яропольце, как может подуматься, а в Москве в 1826 году...

И поскольку кинофестиваль, на который мы приехали в Волоколамск и который привел нас сюда, был посвящен военно-патриотической тематике, не могу не упо-

мянуть, что шестеро уроженцев и воспитанников яропольской земли в годы Великой Отечественной войны стали Героями Советского Союза. А всего волоколамцы удостоивались этого высокого звания 11 раз! Жаль, что эта информация никак не была доведена до участников военно-патриотического фестиваля...

Напоследок Антонина Павловна подарила мне свои воспоминания, написанные хорошим русским языком и размноженные на ксероксе. На внутренней стороне обложки она почти каллиграфически вывела дарственную надпись: «...на добрую память, с благодарностью за встречу на нашей священной земле».

Кинофестиваль подходил к концу. Впереди участников ждало торжественное подведение его итогов и, как всегда, банкет. Мы уже знали всех в лицо, и стекаясь из разных корпусов трижды в день на кормежку, привычно улыбались друг другу.

Помню, как величественно в сопровождении дам, надо полагать, из оргкомитета, шествовала из vip-корпуса президент фестиваля И.К.Скобцева. Она была из того редкого сорта женщин, которые с возрастом не теряют своей стати и, даже старея, несут в себе породу. В декабре 2005 года ей было уже хорошо за семьдесят. Помню ее руки, обильно покрытые старческими коричневыми пятнами. Под эти руки и вели ее «фрейлины», но она всё равно была королева. Даже в этом возрасте она продолжала быть востребованной как актриса в практическом кинематографе и, согласно фильмографии, в конце XX – начале XXI-го веков снималась едва ли не чаще, чем в советские годы...

Сразу вспомнилось, как лет за двадцать до этого я наблюдал ее и другую легенду нашего кино – Тамару Федоровну Макарову, сидящих в преподавательском отсеке столовой ВГИКа. Они обе держали себя, словно перед камерой, которая снимала очередной дубль «Войны и мира» или какой другой картины из старой жизни. Каза-

лось, они не знали, что такое ссутулиться, расслабиться, когда ты не в деле. Хорошая актерская выучка не позволяла им быть другими на людях. А ведь этим они как бы давали урок своим студенткам, что значит быть актрисой – всегда и везде...

Конечно, ни призов, ни дипломов мне и моему коллеге Анатолию Алаю не досталось. Наверное, с этого случая я начал понимать механику работы такого организма, как кинофестивали. Вероятные фавориты определялись еще на стадии отбора, к участию обязательно приглашались «имена» – это же уровень кинозрителя! И потом уже из разряда избранных жюри выбирало то, что на их взгляд заслуживало быть отмеченным теми или иными главными наградами. Есть и фон – все остальные участники. Киношникам «простым» – без репутации и тем более протекции попасть в это число исключительных крайне сложно. Для таких, если оно всё же случится, предусмотрены призы рангом, а то и двумя пониже – скажем, от районной газеты или от предприятия-спонсора. Есть еще приз зрительских симпатий, а вкус у зрителя известен какой... Хотя зритель, конечно, тоже имеет право на свое видение. Но, как пел один причастный к кино исполнитель, всё равно «пряников сладких всегда не хватает на всех»...

После награждения был заключительный концерт для местной публики. Опять играл виртуоз балалайки Николай Федотович Рожков в пиджаке, увешанном обилием наград. В конце выступления, после оваций, когда он уже скрылся за кулисами, выяснилось, что на сцене остался один из его наградных крестов, который не удержался на груди в момент интенсивной игры виртуоза. Это заметила местная девочка из тех, что вручали цветы лауреатам, и вне протокола, подняв награду, побежала через сцену с находкой в протянутой руке разыскивать за кулисами кавалера оной.

Выступал и известный актер Виктор Проскурин. Он вышел на сцену в какой-то этнической одежде

и спел нечто на каком-то одному ему понятном языке. Поскольку никаких объяснений от него со сцены не последовало, а мне стало интересно, что же за этим стоит, я, когда мы сошлись у шведского стола, спросил так дипломатично: «Виктор, что это на вас костюм какой-то экзотичный?» На что он угрюмо ответил, видимо, сам поняв нестандартность положения, в каком оказался вследствие этого карнавала: «Костюм и костюм...» Подавив улыбку, я сосредоточился на наборе съестного на тарелку...

Был приглашен на заключительное мероприятие и композитор Евгений Дога. Еще до того, как нас пригласили на банкет и мы все тусовались в фойе, он сидел недалеко от меня и рассказывал кому-то, как к нему, живущему в Москве, заехал приятель-земляк, а у него в холодильнике шаром покати. И с извинительной улыбкой посмотрел в мою сторону, но осуждения в моих глазах не встретил. Помнится, меня поразил в его речи сильный молдавский акцент...

После того, как всё завершилось, вдруг выяснилось, что руководство фестиваля вместе с приезжими гостями собралось отбыть в Москву.

– А как же мы? – спросили озадаченные участники фестиваля.

– А вы возвращайтесь в Яропольц, ночуйте, а завтра утром – в 9 или, может, в 10 часов за вами должен будет прийти автобус, который и доставит всех в Дом кино...

– А если не придёт? – тревожно поинтересовались те, у кого уже был обратный билет до дома.

– Нам обещали, что придёт. По крайней мере, он заказан...

В такой неуверенности в завтрашнем дне мы поехали к месту ночевки.

В Яропольце, на подворье стали судить-рядить, когда завтра утром лучше встать и где собраться. Ввиду неясности, когда придет автобус, назывались и семь часов, и восемь, и даже полдевятого... Главная задача была в том, чтоб никого не оставить. Мнения высказывались разные. И.Беляев и его спутница, например, говорили,

что если за ними придет машина, то они уедут самостоятельно и их ждать не нужно.

– А как мы будем знать, что вы уехали?..

В общем, базар разрастался. Неясность была еще в том, что никто не оставил контактов, по которым можно было бы связаться либо с бывшими ответственными девчущками, которые сделали заявку на автобус, либо с транспортной фирмой, которая должна была его прислать. Кто-то, не дожидаясь окончательного решения, махнул рукой, и пошел спать, полагая, что утро вечера мудренее. Я понял, что этот оргвопрос надо брать в свои руки.

– Значит так, – сказал я оставшимся. – В восемь утра встречаемся на крыльце главного здания и будем ждать, сколько нужно.

Возражать никто не стал...

Ночью, надо полагать, на сон никто не жаловался.

А утром, еще затемно, мы вывалились из гостеприимного дворца на морозную свежесть и первым, кого увидели, был замерзший и злой Б.Невзоров. Он оказался тем, кто вчера ушел, не дождавшись окончательного решения, услышав только первый вариант сбора – в 7 часов. Пришлось сказать ему извинительные слова, хотя виноват он был сам...

В воздухе витал остаток вчерашнего праздничного настроения, и не верилось, что это последние часы нашего общения. Постепенно подтягивались из других корпусов заспанные *vip*-гости (Рожковы, Гнисюк со своей фотовыставкой) и *vip*-участники (Беляев со спутницей, за которыми не пришла машина).

– Ну что, – сказал я Бечедову. – До встречи в следующем году? – имея в виду, что у меня уже есть новая картина на военно-патриотическую тематику, которую успел сделать к 60-летию Победы.

Я почему-то был уверен, что мы обязательно встретимся той же компанией через год в этом благословенном месте, которое своим историческим бэкграундом располагало к творческим размышлениям и воспарению души.

Увы, как и в случае с самим Александром Сергеевичем, ничего этого не случилось.

...А тем утром, в декабре 2005 года, когда из-за кирпичных построек дворцового комплекса, покачиваясь, вдруг вырулил большой ярких цветов автобус, его появление все встретили дружным радостным возгласом и двинулись со своим багажом ему навстречу. И уже никто не вспоминал ни о Пушкине, ни о его теще, что самым виртуальным образом оставалась здесь на хозяйстве, в котором в реалии хозяйствовали уже совсем другие люди...

Но было бы несправедливо закончить это повествование, ничего не сказав о дальнейшей судьбе владелицы Яропольца Натальи Ивановны Гончаровой.

Живя вдали от столицы, где теперь обитали все три ее дочери, она, тем не менее, не могла не быть в курсе событий, разворачивавшихся там. Дочери в письмах регулярно информировали ее о происходящем. Но вряд ли она могла предполагать, что январь 1837 года принесет ей почти одновременно и позитив, и трагедию.

10 января состоялось бракосочетание ее старшей дочери, фрейлины императорского дворца Екатерины Николаевны с гвардейским офицером, французом на русской службе Жоржем Дантесом (надо полагать, без приданого!) Второй зять не в пример первому оказался не беден и состоял в родстве с голландским посланником Геккерном, что, как могло показаться, обещало хорошие перспективы для новой семьи.

Знала ли Наталья Ивановна о той буре, которая тем временем зрела в сообществе ее детей? Вполне возможно, что ей сообщили только о результате: первый зять стрелялся на дуэли со вторым и был смертельно им ранен. Как Пушкин ни берегся от «белого человека и лошади» (что напроорочила ему еще в молодости гадалка), судьба всё одно завела его в капкан, из которого выбраться уже не было никакой возможности. Спустился два дня последовала смерть

поэта, о которой теща, конечно же, узнала из письма «свободной» дочери Александры.

Итог: младшая дочь осталась вдовой, а четверо внуков сиротами.

Далее последовало разжалование в рядовые и изгнание из пределов России второго ее зятя, с которым она лично так и не успела познакомиться. Старшая ее дочь, носящая теперь фамилию Геккерн-Дантес, последовала за мужем, и Наталья Ивановна ее больше не увидит, как и четырех французских внуков, которые родятся в течение последующих лет...

Что сказать, удар судьбы, обрушившийся на бедную владелицу Яропольца, был более, чем жесток. Считается, что по жизни Наталья Ивановна была сильно набожна. Возможно, это с особой силой проявилось именно в период оных напастей. Не исключено, что трагические события в семье повлияли и на ее здоровье, и она стала практиковать лечение настойками собственного приготовления, благо, сырья для этого в усадьбе имелось в достатке. Душевное одиночество сблизило ее с единственным человеком, который был при ней неотлучно – Семеном Федоровичем, управителем поместья, который, как считается, стал ее «сердечным другом»...

Но у нее оставались и другие дети и внуки, и это стало заботой Натальи Ивановны на весь последующий период ее жизни.

Наталья Николаевна Пушкина, коей муж, находясь на смертном одре, наказал носить траур по нему два года, решила провести это время у брата в Полотняном Заводе, куда и уехала с детьми и средней сестрой Александрой. Туда же из Яропольца приехала мать Наталья Ивановна и пробыла там с дочерьми и внуками до весны.

А в августе того же 1837 года ее сыновья Дмитрий, Сергей и дочери Наталья и Александра собрались в Яропольце на именины матери.

Осенью у Натальи Ивановны побывал и младший сын Иван. Об

обстановке таких семейных встреч мы знаем из его письма брату Дмитрию:

«...Утром мы вместе (с приятелем и соседом А.Муравьевым – В.С.) поехали в Ярополец. Это был день именин Сергея. Я нашел мать в окружении дочерей... и прибыл, следственно, весьма кстати, чтобы дополнить красивую семейную группу...»

Не буду тебе описывать те четыре дня, что я пробыл у матери, потому что вероятно сестры тебе уже об этом рассказали, и ты мог видеть, что всё способствовало тому, чтобы она всё время была в кротком расположении духа: прогулки, кавалькады, поездки в Осипов (Иосифо-Волоколамский – В.С.) монастырь, и в заключение на четвертый день сцена трогательного, даже патетического прощания».

Наталья Ивановна продолжала оставаться центральной фигурой семьи Гончаровых и после того, как сыновья женились – Дмитрий на княжне Елизавете Назаровой, Иван – на княжне Марии Мещерской. На свадьбу брата Ивана, которая состоялась в Яропольце в 1838 году, из Полотняного Завода приехала и Наталия Николаевна.

Несмотря на жесткость и аскетичность домашнего воспитания, дети Гончаровых, став взрослыми, не утратили душевного благородства и любви в отношении друг к другу и, конечно, матери. Это не значит, что в семье Гончаровых всё было гладко и не возникало время от времени проблемы и недоразумения. Но мать всегда стремилась сгладить их. «Мир между своими – первейшее благо, милость Божия почиет на семьях, живущих в добром согласии, дай Бог, чтобы мы все ее удостоились», – наставляет она старшего сына, который в силу своего положения – владельца майората – продолжал быть главным донором благополучия сестер и братьев.

Трезво глядя в будущее своих детей, она вполне обоснованно не пошла на раздел Яропольца на доли в пользу двух младших сыновей, желая сохранить для них же поместье в целостности.

Таковым оно и досталось по семейному разделу Сергею Гончарову после смерти матери, которая последовала в 1848 году.

Жизнь свою Наталья Ивановна Гончарова закончила как истая праведница. В Свидетельстве о ее смерти, подписанном архимандритом Иосиф-Волоцкого монастыря и тремя другими духовными лицами, сказано, что «Волоколамского уезда села Ярополча (так – В.С.) помещица коллежская асессорша Наталья Ивановна Гончарова, прибывшая в Иосифов монастырь на богомолье, на 1 августа занемогла и 2 числа по соборовании, исповеди и св. таин причастия скончалась, а 4 числа похоронена в монастыре по христианскому православному чинопочитанию».

Она словно бы почувствовала приближение кончины и отправилась в монастырь (пешком?!), чтобы закончить земную жизнь в святом месте. Отсюда видно, что замеченная всеми ее знавшими набожность была не пустой, а имела глубокое внутреннее основание.

В чем каялась перед смертью «коллежская асессорша»? Может, в недостаточности мягкости к де-

тям, когда те росли; в том, что оставила больного мужа на попечение прислуги и родственников (невестки, жены сына Дмитрия); в том, что была несправедлива к первому зятю, который оказался честнее и благороднее второго? Этого мы знать не можем – всё покрыла тайна исповеди...

Вспоминала ли Наталья Ивановна о Пушкине в оставшиеся десять лет жизни? Хочется думать, что да. Никаких свидетельств о том не сохранилось, кроме, пожалуй, одного. В Рукописном отделе Российской государственной библиотеки (бывшей Ленинки) хранятся альбомы из Яропольца. В одном из них рукой Натальи Ивановны было вписано стихотворение Александра Сергеевича «Молитва», сочиненное 22 июля 1836 года, которое при жизни Пушкина опубликовано не было и, следовательно, оно попало ей на глаза уже после января 1837 года:

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольных бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всё чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

Видимо, это запоздавшее стихотворение оказалось соответствующим внутреннему настроению владелицы Яропольца, которая, так же, как и покойный зять, предчувствовала неизбежность своего скорого исхода из этой жизни и к концу ее пришла с тем же чувством прощения всех и вся...

По мере того, как автобус приближался к Москве, сидящие в нем, еще совсем недавно приятельствовавшие друг с другом люди, постепенно как бы обособлялись, возвращались внутренне в прежнее, дофестивальное состояние, загружая себя мыслями о том, что ждет их сегодня, завтра и, может, через неделю.

Нужно сказать, что в кинематографе это было переломное время, когда прежняя пленка нехотя, но неизбежно уступала место видео. Еще не появилась широко «цифра», но компьютерные технологии уже во всю внедрялись в кинопроизводство, и я, пользуясь случаем, поинтересовался у едущего с нами Миколы Гнисяюка, одного из ведущих на то время наших фотопортретистов, как работает он – по-прежнему на пленке или уже «осовременился»?

– Нет, – ответил он. – Я снимаю только на фотопленку!.. – И тут же добавил: – Но потом всё равно снятое оцифровываю и уже на компьютере довожу до нужного мне состояния...

Традиция, неизбежно сдавая свои позиции, всё еще жила, трепыхалась, не хотела уходить в историю. А в Госкинофотоархиве уже готовили стеллажи для хранения материалов в новых форматах – DVCAM, HDV...

Первыми сошли, как только мы въехали в столицу, Рожковы. Потом по пути автобус стали покидать другие пассажиры. Беляева со спутницей мы высадили в Останкино и когда подрулили к конечной цели, в салоне оставалось всего человека три-четыре. У каждого из них были свои дела в Союзе кинематографистов, а я, подхватив коробки со своим фильмом, отправился на новый фестиваль, который начинался здесь же, в стенах Дома кино – «Сталкер»...

P. S.

Честно говоря, следующий кинофестиваль меня разочаровал. Это был сплошной показ одновременно в трех залах. Никакого пресс-клуба, арт-кафе, где можно пообщаться участникам, не было. Залы были заполнены, но впечатления праздника уже не возникало. Так, поток... И, пожалуй, единственное, чего ждали участники – были даже не призы, а банкет. И в урочный час он состоялся в ресторане, на верхнем этаже старой части здания Дома кино.

Только здесь и собрались вместе участники фестиваля в предчувствии неформального общения. В самом начале директор гильдии режиссеров Игорь Стапанов принес стопку книжек о Марлене Хуциеве, выпущенную гильдией. Ее тут же разобрали. Следом он, словно Дед Мороз из грядущего 2006 года, стал выставлять на столы новую, не виданную прежде водку «Березка» – вся бутылка матовая, а в середине прозрачное окошко. Посмотришь в него и увидишь березку, нарисованную на тыльной стороне бутылки. Занятно!.. Такое было в новинку. Но это еще не всё. Промо-акция продолжилась тем, что к «Березке» были добавлены каждому и фирменные стопочки с тем же рисунком. И по-неслось!..

Когда уже все порядком разогрелись и расслабились, в ресторане появился сам герой розданной книжки – Марлен Мартынович Хуциев, бывший тогда президентом режиссерской гильдии и президентом фестиваля «Сталкер». Его усадили в центре зала. Кажется, там уже стояла и новогодняя елка, и все, кто взял книжку, потянулись к нему за автографом.

И пока я стоял в этой импровизированной очереди к мэтру, вспомнилось: а ведь Хуциев в течение стольких лет вынашивал пушкинскую тему, написал сценарий, определил актеров, но начать съемки по ряду причин так и не смог.

Однако прикосновение к Пушкину – это как печать, от которой напрочь избавиться невозможно. И если ты вошел в тему, то уже, как посвященный, не можешь оказаться вне ее... Позже Марлен Мартынович, не надеясь когда-нибудь перенести сочиненный сценарий на пленку, трансформировал свою задумку в четырехчасовой радиоспектакль, и тем самым в определенной мере как бы довел замысел до завершения...

Это качество – не разбрасываться попавшим тебе в руки, но не пришедшемся ко времени материалом, я взял и в свой арсенал. Вот почему спустя почти два десятилетия вернулся к той давней поездке в Ярополец, ибо за прошедшие годы так и не встретил в широкой печати публикаций о том, что в прошлые времена происходило в этой подмосковной усадьбе. А без этого панорама жизни Пушкина – не будет полной, равно как и не все персонажи, имевшие место в действительности, будут в ней представлены... В этом моем возврате «виновата» в коей-то мере и та давешняя встреча с Марленом Мартыновичем.

...А тогда, в завершении фестиваля, этот живой реликт отечественного кино, спросив, как меня зовут, написал на титульном листе книжки: «Владимиру Сутырину, будьте счастливы. М.Хуциев. 17/ XII-2005».

Бывают странные сближенья...

В

О ЖИЗНИ ТОЙ, ЧТО БУШЕВАЛА ЗДЕСЬ...

Книга «О жизни той, что бушевала здесь...» посвящена истории образования и развития Свердловской киностудии. В ней рассказывается о первых двух десятилетиях существования Свердловской киностудии, несколько раз за это время менявшей направление своей деятельности и к концу 50-х годов превратившейся в кинокомбинат по производству художественных, документальных, хроникальных, научно-популярных и учебных фильмов.

Для широкого круга читателей.
Степан Недвига.

В

СВЯТКИ¹ В ДОМЕ ТУПИКОВОЙ

Максим БАСОК

**Композитор,
Заслуженный деятель
искусств РФ, профессор.
Автор многих мемуарных
очерков, опубликованных
в отечественной прессе.
г. Екатеринбург.**

Начиналась эта история не совсем обычно. В середине девяностых годов прошлого столетия в нашей семье отчего-то сохранилась стародавняя привычка слушать передачи местного радио. И надо сказать, довольно большое внимание там уделялось областной и городской культуре. (Не в пример времени сегодняшнему.) И моя супруга, как и положено спутнице жизни человека, причастного к творчеству, время от времени информировала меня о наиболее интересных новостях этой сферы. Почему-то ее заинтересовала эфирная деятельность известного в городе человека – актера, журналиста, менеджера Сергея Гамова. Я знал о нем довольно мало и скорее понаслышке. Впрочем, все отзывы об этой фигуре общих знакомых были вполне позитивными. Сведения личного характера в эпоху, когда еще отсутствовали гаджеты, тайной отнюдь не являлись. Так что вызвонить по телефону Сергея большого труда не составило. Гамов моему интересу к своей персоне слегка удивился. С профессиональной точки зрения его, вероятно, чуть задел мой интерес к театру – пусть и музыкальному. Во всяком случае, он предложил мне обдумать, чем конкретно мы могли быть друг другу полезными. И тогда уже приступить к реализации общей идеи, если такая обнаружится...

Только вскоре удивляться пришлось уже мне. Поскольку телефонный звонок Гамова, адресованный в деканат Уральской консерватории, где я, параллельно педагогической работе, выполнял и деканские обязанности, приглашал меня на творческое сове-

щение в дом напротив... А таким являлся известный в городе двухэтажный старинный особняк, до революции принадлежавший госпоже Тупиковой. В свое время мне неоднократно приходилось там бывать в редакции молодежной газеты «На смену», а также в качестве зрителя на концертах. Но тут предстояло ознакомиться с не обычным по тем временам проектом. Для людей моего поколения привычными были массовые детские елочные праздники. В ведомственных дворцах и домах культуры они были поставлены на поток и в течение зимних каникул обслуживали тысячи детей по принципу киносеансов – аж по три-четыре елки в день. Наш же Рождественский проект – вполне по законам начавшейся рыночной экономики – предусматривал штучный подход к каждому посетителю, которых заведомо ожидалось немного. Сколько может вместить старинный особняк – десятка три-четыре. Утренники – для детей и пришедших с ними родителей. Вечерние праздники – только для взрослых. И всё это – в старинных традициях празднования Рождественской елки. Особенность – старые, мало изменившиеся интерьеры плюс развлечения с «дореволюционным» акцентом. А это – старинные шумные игры и забавы, сказки доброй нянюшки, выступления приглашенных артистов и условной «хозяйки дома»... (Об этом речь впереди.)

Незадолго до описываемых событий особняк Тупиковой был отдан в постоянное пользование театральной общественности города и области, и стал гордо называться Домом Актера. Артисты

¹ Святки – двенадцать зимних праздничных дней «от Звезды (канун Рождества) до воды» (Крещение)

Учитель музыки.

Он же с одним из юных посетителей.

Часть команды во главе с «организатором и вдохновителем» Сергеем Гамовым и Орликом.

же – люди особые, талантливые и мобильные, склонные к шуткам и розыгрышам. Чего стоят, скажем, актерские капустники, придуманные артистами МХАТа еще в начале века XX... Так почему бы не осуществить необычную театральную игру – своего рода «машину времени», которая переносила бы организаторов действия вместе с юными и взрослыми гостями Рождественской елки лет примерно на сто назад?.. Между прочим, нынешних актеров, как и их предшественников прошлых времен, вряд ли отнесешь к категории представителей высокооплачиваемой профессии, так что им не помешал бы дополнительный приработок...

А что было нужно для организации подобных новогодних праздников? Прежде всего – собрать команду, которая позволила бы обозначить семью жителей купеческого дома плюс представителей их «обслуги». Изготовить для всех соответствующие антуражу костюмы (художник Нина Клепикова). Лично для меня, не слишком привычного к маскарадным развлечениям, походы к профессиональным портным в пошивочный

цех театра музыкальной комедии стали приятным сюрпризом. Как и сама возможность позже, в дни праздников, облачаться в ловко сидящий серый сюртук. Главная роль на Святочных праздниках, естественно, отводилась условной «хозяйка дома» – госпоже Тупиковой. Далее: распорядитель (ведущий), две-три горничных, няня, учитель танцев... И – домашний учитель музыки... На роль которого как раз пригласили меня – композитора, проявившего себя, в том числе, и в массовых песенно-романсовых жанрах. Кстати, к тому времени мой стаж работы лектора-ведущего, автора музыки, концертмейстера в филармоническом музыкальном лектории составлял уже пять лет. Так что здесь – всё логично сошлось.

Сценарий Сергея Гамова и Владимира Мишарина, розданный на первой общей встрече, не предусматривал детализации сюжета. Большой по объему (свыше пятнадцати страниц), он содержал значительный массив материалов, так или иначе связанных с традиционными новогодними праздниками. Деревенский и городской фольклор – песни, пословицы-по-

говорки, загадки, бытовые разговоры, литературные произведения в жанре сказки. Как сейчас понимаю, он предусматривал возможности импровизационного подхода как к выстраиванию всего действия в целом, так и отдельных его блоков. Не исключались добавления новых текстов – важно было, чтобы сохранялась общая канва ведения праздника – как для маленьких, так и для взрослых гостей. Не было и конкретных функций каждого действующего лица. (Эка, куда хватил: тебе, что ли, подавай аналог итальянской «комедии дель арте»?) Впрочем, для меня, конечно, было бы привычнее, если бы роль учителя музыки была разработана в большей мере. Я ведь никогда не проходил актерских штудий. Но по ходу дела (после нескольких прикидок – даже не назову их репетициями) выяснилось, что задача исполнителя любой роли на практике понималась вполне приблизительно. (Я-то сперва так проникся игрой в «ретро», что даже притащил из дома несколько эффектно выглядящих старинных нот, красиво разложив их на крышке пианино.) Во-первых, на

всех этапах действия находиться рядом с остальными представителями «дворни» (допустим, при наплыве посетителей помочь им – особенно младшим – раздеться). Во-вторых, помогать пришедшим «обжиться» в непривычных условиях: скажем, показать им особо интересные интерьеры, ответить на любые вопросы. В-третьих, предложить желающим (особенно музыкально образованным или интересующимся) пообщаться у пианино, поиграть-попеть. Ведь временной интервал между теми, кто пришел раньше, либо, наоборот, припоздал, реально составлял до двадцати и более минут. Стало быть, требовалось его заполнить. В-четвертых, на мне была функция сопровождать несколько номеров из моих детских вокальных миниатюр «хозяйке дома»... И главное – всегда быть рядом с коллегами по празднику, готовым помочь в любой ситуации. Да, еще на подготовительном этапе в мою функцию вошло обучение всех присутствующих нескольким традиционным праздничным колядкам и привычным новогодним песням как отечественного, так и иного происхождения, типа «Джингл беллс». Это оказалось нетрудным делом, учитывая их профессиональное актерское происхождение.

Команда наша состояла из десяти примерно человек, не считая помощников, организовывавших питание за столиками – чай, пироги, пирожные (плюс вечером – шампанское). Это делали работники кафе «Дебют», расположенного в нижнем этаже. Две-три актрисы попеременно выполняли функции прислуги. Далее на одну из главных ролей выдвинулась Няня, о чем скажу позже. В образе самой госпожи Тупиковой выступила солистка филармонии, Заслуженная артистка РФ Тамара Радченко. Ее вокальный и актерский стаж к тому времени составлял около полувека, а возраст приближался к семидесяти. Неофициальное прозвище Тамары Игнатьевны в филармонических кругах было – «несравненная», что вполне соответствовало и ее статусу, и комплексу профессиональных и

человеческих качеств. Поверьте мне, отработавшему с Тамарой Игнатьевной в общей сложности не менее ста концертов в разных по возрасту аудиториях... Учитель танцев – фигура необходимая, поскольку сегодняшние дети, как правило, не знакомы даже с простыми па – уровня польки. (Между прочим, взрослые в этом плане порой были еще менее продвинутыми.) Крепкий пианист Толя Невлер, выступавший и с приглашаемыми дополнительно певцами, и со струнным квартетом из студентов консерватории (инструменталисты работали только вечером, на взрослой публике). Сценаристы предусмотрели еще одну забавную, но весьма характерную деталь. В разгар праздника, – независимо, на утренниках или вечером, – в изящно убранных интерьерах появлялся элегантный пожилой мужчина, по внешнему виду словно сошедший с английских гравюр XVIII века со столь же стильной породистой собакой – гончей, с характерным, будто точеным профилем. В этой необычной роли выступал известный в городе искусствовед Леонид Орлов, организатор существовавшей несколько лет в стенах Дома Актера картинной галереи «ДА». Каждый из присутствующих мог – один или с семьей – сделать ретро-фото с гончей Орликом на память в характерном интерьере. Чаще всего – у красивого камина, который пощадило и время, и «насельники» необычного старинного дома. Коих с эпохи революций сменилось немало множество...

Попробую восстановить один среднестатистический день Святков в Доме Тупиковой, которые начинались примерно с дня католического Рождества и (с перерывом на 31.12–01.01) длились до Рождества православного. В 10.30, за полчаса до начала, – вся команда на исходных позициях, одетая в костюмы и готовая к встрече гостей. Принимаем, помогаем раздеться, всех приглашает гостеприимная хозяйка дома. Знакомим с интерьерами, заговариваем с малышами маленькими, приучаем их к себе. Гости разбредаются по дому – благо, даже в первом этаже есть

несколько гостевых помещений, каждое из которых украшено в старых традициях. Притом, что специальных ценных «ретро-артефактов» практически нет. Но обычный ребенок смотрит на всё вокруг как будто сквозь увеличительное стекло: это своего рода индивидуальный праздничный театр – только для него...

А дальше – действие походило на традиционный елочный церемониал. Но – не совсем. Потому что кроме привычного Деда Мороза, который появлялся в разгар праздника, от каждого маленького участника желателен был живой отклик. Вполне в старых усадебных традициях их просили показать свои творческие номера. В виде ли прочтенного стихотворения, спетой песенки, участия в общей игре на сообразительность или ловкость... Загадки, старинные игры, пении колядок, чему обучали их, что называется, «по ходу дела»... Скромные подарки за любое отличие, «светская» форма участия – угощение за столиками. И – как уже говорилось – внимание взрослых абсолютно к каждому юному посетителю.

Что же до гостей возраста «после 16», – здесь, безусловно, менялся «тон» ведения праздника. Акцент делался на приобщение к дворянской культуре в познавательном аспекте. Так, взрослым в ненавязчивой форме рассказывали о происхождении старинного особняка, где даже архитектура отражала особенности жизни его бывшей хозяйки. Тупикова, по слухам, принадлежала к староверам. Этим, скажем, объяснялось наличие в апартаментах отдельного скрытого помещения для молельни, а также чуть ли не потайных подземных ходов. Подобные интригующие «вводные» поддерживали особое внимание гостей к происходящему. Вполне в традициях рубежа XIX–XX веков полноправным участником действия был струнный квартет, который встречал и провожал гостей. И, конечно, сопровождал танцевальную часть праздника, где настоящий Учитель танцев (балерун из Оперного театра) становился хозяином положения. Вставал в пару

Вся команда с «госпожой Тупиковой» в центре.

с желающими из пришедших дам, обучал гостей элементарным па в вальсах, польках, мазурках... При этом одной из самых желанных партнерш Учителя была «хозяйка дома» – нестареющая прима филармонии Тамара Радченко, прекрасно ощущавшая себя в любом танце, абсолютно естественная, ритмичная и точная в движениях. Столь же разнообразной была она и в вокальном «блоке», исполняя и старинные романсы, и арии из оперетт эпохи «Серебряного века».

...Пусть сегодняшний читатель не подумает, что вечерние представления отличал сплошь серьезный подход к пришедшей публике. Как по мне, так одной из безусловных «изюминок» действия было выступление драматической актрисы, исполнявшей роль Нянюшки. Гипотетически, «уложив на боковую своих питомцев», присоединившись к празднующим (ну, какая уж тут субординация!), она вполне кокетливо и чуть стесняясь заводила сибирскую шуточную песню про «Марусеньку-молоденьку», которая и кормила, и поила, и принимала на постой гостей во время отсутствия супруга... До сих пор не забыл эту песню, а недавно помог мне ее воспроизвести полностью и во всех деталях мой друг, известный фольклорист Владимир Виноградов.

Вспоминается игривое, «с грозным намеком» пение Няни:

«Марусенька-молоденька,
Ты послушай-ка меня хорошенько:
Были ль гости у тебя,
Когда не было меня?..»

...И так далее... С вполне неожиданными сюжетными поворотами... Позже я услышал эту песню в трактовке отличной исполнительницы фольклора Елены Сапоговой...

...Впрочем – я отвлекся. Кульминацией праздника – что у детей, что у взрослых – был главный танец – огненный галоп, где участвовали все присутствующие. По старой традиции вихрем, державшись за руки, мы пробежали длинной цепью через все комнаты особняка... Вероятно, он был построен также в расчете и на подобную красивую «точку» в празднике!..

Пятнадцать-двадцать раз выступил я в амплу учителя музыки на Рождественских праздниках 1995–1996. Отошел их гул, на прощание мы встретились всей командой под Старый Новый год. Поблагодарили друг друга, пригубили: кто – шампанского, кто – водочки... И – разбежались по домам, к отставленной на время своей основной работе. Случай-

но ли, но у меня как композитора в этом же сезоне в Доме Актера в июне состоялось важное событие – премьера детской оперы «Цветное молоко», поставленной школьным любительским театром. Так что эти гостеприимные стены в очередной раз оказались для меня вполне счастливыми.

P.S. Готовя материал к публикации, мне необходимо было уточнить имя одного из участников «Святок в доме Тупиковой». И коллега по музыке, хормейстер и вокальный педагог Лариса Скорынина (Бурак), известная в городе еще и как постоянная владелица нескольких собачьих «особей», в том числе и гончих пород, с ходу информировала меня о многолетнем хозяине гончей на елках в доме Тупиковой. Именно она уточнила – мне и будущим читателям – имя искусствоведа Леонида Орлова, автора монографии о художнике Александре Бураке, ее отце, который по сей день является другом их дома.

Сегодняшним маленьким и взрослым гостям Святок 2023–2024 в интерьерах гостеприимного особняка Тупиковой позирует для фото потомок Орлика – Кашемир. Сопровождает его внучка художника Елизавета Скорынина...

...Бывают же сюжеты!..

«ЖИВИНКА В ДЕЛЕ» ТРУДОЛЮБИВОГО ГРУМА

Статья посвящается светлой памяти и 160-летию В.Е.Грум-Гржимайло

Марина УПОРОВА

Заведующая музеем истории НСМЗ.

В феврале исполнилось 160 лет со дня рождения Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло. Открыв Большую российскую энциклопедию, мы с вами можем прочесть о нем следующее: «российский металлург-теплотехник, член-корреспондент АН СССР». Но для всех салдинцев имя этого человека вызывает теплоту в сердце и благоговение. Ведь именно нашим Салдинским заводам, их развитию и техническому совершенствованию Владимир Ефимович подарил семнадцать лет своей жизни.

Каждый раз, когда я вновь и вновь обращаюсь к летописи жизни этого талантливого и добросовестного человека, восхищаюсь фундаментальностью его достижений, открытий, цельностью натуры. Судите сами. Молодость. Ни одной бездарно потраченной минуты. Один из лучших выпускников Санкт-Петербургского института. Затем Владимир в двадцать один год определяется на службу по горному ведомству с назначением на Нижнетагильские заводы наследников П.П.Демидова. Многие годы служит надзирателем и техническим помощником управителя Нижнесалдинского завода. Здесь он становится инженером-практиком и ученым металлургом, опубликовавшим за свою жизнь более 140 работ. В зрелые годы Владимир Ефимович создает первое в России Бюро по проектированию металлургических и теплотехнических конструкций, преобразованное в 1930 году (уже после его смерти) в институт «Стальпроект» (с 2002 года носит имя В.Е.Грум-Гржимайло). Именно Владимир Ефимович стал создателем гидравлической теории пламенных печей, когда впервые в мире ему удалось уя-

зять физическую и химическую природу пламени с закономерностями движения печных газов. Он стал тем инженером России, который первый объяснил методы калибровки валков в своем труде «Прокатка и калибровка». Восемь лет Владимир Ефимович был ординарным профессором Санкт-Петербургского политехнического института. В 1920 году стал организатором кафедры «Металлургия стали и теории печей» и ее первым заведующим в Уральском политехническом институте Екатеринбурга. А еще Владимир Ефимович был замечательным семьянином, прожив в счастливом браке с Софьей Германовной тридцать три года. Они родили и прекрасно воспитали семерых детей! Зная всё это, задаешь себе вопрос: «Как, какими силами и каким даром обладал великий «трудолобивый Грум»? Человек, успевший так многое сделать для Отечества за прожитые им на Земле шестьдесят четыре года.

Ответ я нашла в трудах и словах Владимира Ефимовича, его гуманитарном творчестве, малоизвестном. Постоянное движение металлурга к новым открытиям ему давала жажда пользы для заводского дела, его необходимость и нужность, вдохновляющая практика технического поиска, рожденного творческой мыслью.

Каким был Владимир Ефимович в жизни? Знающим, темпераментным, увлеченным, невероятно трудолобивым, требовательным, честным, бережливым ко времени, которое он понимал как главный ресурс для развития способностей. Именно заводское дело стало его интеллектуальным увлечением, «сказочным миром», где он всегда был техническим творцом. Буду-

чи еще юношей, Владимир мечтал стать настоящим заводским инженером. Ибо, как он отмечал в одной из своих статей, «называться» инженером и «быть» инженером не одно и то же». В своей автобиографии 1921 года замечал: «Мой идеал того времени – практический деятель. Я прочитал у Добролюбова, что русским писателям не удаются Штольцы («Обломов») и Тушины («Обрыв»), ибо писать не с кого. Я решил быть Штольцем и Тушиным». А в своих мемуарах «Недавнее, но безвозвратно умершее прошлое» Владимир Ефимович подметил: «работал как каоторжный, сколько было сил».

Именно творческую мысль человека о своем деле, его искреннюю заинтересованность им Владимир Ефимович считал важнейшим качеством дельного человека, приносящего благо и пользу Отечеству. Это то, что позже Павел Петрович Бажов художественно назовет «живинкой в деле» мастера.

Гуманитарное наследие В.Е.Грум-Гржимайло раскрывает перед нами его широчайшие представления о том, каким должен быть молодой инженер, как должна быть устроена заводская практика, годы учебы в школах и институтах.

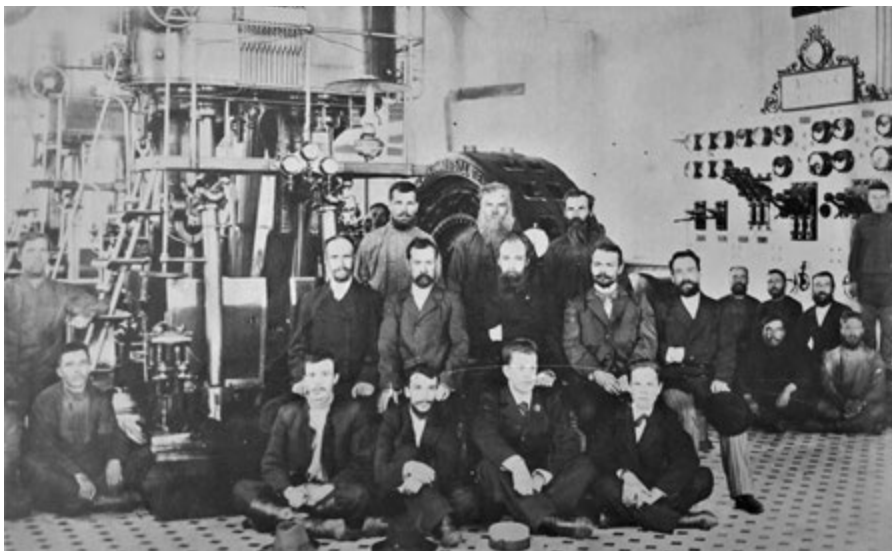
Изумительно Владимир Ефимович размышляет о художественном, промышленном и научном творчестве, а также о силе воли и смекалке русского народа. Как же определял ученый суть творчества в любой сфере?

«Способность уметь думать до конца, что является преддверием творчества».

«Энтузиазм исследователя, упорство мысли, энергия в достижении цели».

«Творцами были и будут только люди способные так глубоко интересоваться явлениями природы или среды, нас окружающей, что явления, незаметные для обыкновенных людей, являются для них откровением. Так определял гений Лев Толстой и, конечно, он был прав».

Великого творца технической мысли чтят и помнят в России. Изданы книги с мемуарами, до-

**В.Е.Грум-Гржимайло с механиками Нижнесалдинского завода.
Конец XIX века.**

**В.Е.Грум-Гржимайло и мастера Нижнесалдинского завода.
Конец XIX века.**

В.Е.Грум-Гржимайло с сотрудниками завода. Конец XIX – начало XX в.

**Владимир Ефимович
Грум-Гржимайло.**

кументами, эпистолярным наследием Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло «Недавнее, но безвозвратно умершее прошлое», «Секрет счастливой жизни», «Хочу быть полезным Родине». О жизненном пути металлурга написано множество исторических трудов, среди них наиболее известны документальная «Повесть о трудолюбивом Груме» Феликса Ивановича Вибе и биография металлурга, написанная Николаем Александровичем Мезениным. В

2001 году Уральское отделение академии инженерных наук РФ учредило премию – медаль имени русского металлурга В.Е.Грум-Гржимайло («Премия Грума»). Эта премия была создана с целью содействия в проведении фундаментальных и прикладных научных исследований, внедрения их результатов в Уральском регионе. Награда присуждается за разработки, получившие широкую практическую реализацию, давшие экономический, социальных или иной яркий положительный эффект. В 2013 году в Верхней Пышме был создан величественный памятник знаменитому металлургу «Творцу науки о металле», выполненный в бронзе и граните.

Возникает закономерный вопрос: «Как благодарность Владимиру Ефимовичу Грум-Гржимайло отражена в Салдинском крае, где ученый прожил семнадцать лет?» Память о нем салдинцев можно встретить всюду.

В 1980-е годы под руководством Виктора Карповича Казакова на здании Салдинской заводской конторы в Нижней Салде была установлена памятная доска: «В этом здании с 1886 по 1902 год работал Грум-Гржимайло Владимир

Ефимович, талантливый инженер, ученый-металлург».

В 1986 году Сергей Владимирович Грум-Гржимайло обратился к Нижнесалдинскому металлургическому заводу с просьбой об изготовлении ограды к памятнику отца на Ваганьковском кладбище Москвы. В литейно-механическом цехе завода ограда была сделана, состоящая из чугунных столбиков и цепей. Душевное внимание и чуткость к этому проявили технические руководители завода: В.В.Чукин, Г.Г.Гурьянов, И.К.Ловков. А непосредственным изготовлением ограды занимались В.А.Лукоянов, С.С.Мокеев, С.А.Дикушин. В знак уважения и признательности салдинцев к памяти замечательного ученого-металлурга изготовление и транспортировка ограды в Москву произведена была за счет НСМЗ. В мае 1986 года бригадой конструкторов Московского института «Стальпроект» с участием внучки Владимира Ефимовича и уральского писателя Ф.И.Вибе сделали монтаж ограды. От сына металлурга, Сергея Владимировича Грум-Гржимайло, пришли в Нижнюю Салду слова благодарности: «Салдинцы не забыли своего друга и товарища, «ученика и учителя», и сделали для сохранения памяти

Мастеровые и служащие Нижнесалдинского завода. В центре В.Е.Грум-Гржимайло. Конец XIX века.

Нижняя Салда. Памятник В.Е.Грум-Гржимайло и К.П.Поленову.

Памятная доска на доме в Верхней Салде, где жила семья Грум-Гржимайло.

Могила В.Е.Грум-Гржимайло. Ваганьковское кладбище в Москве.

о нем большое дело. Тот завод, в котором он проработал много лет в своих цехах сделал прекрасную ограду для его памятника в Москве. Особенно дорого то, что это сделано на Урале, в «его заводе» – там, где он провел, может быть, свои лучшие годы».

1991 год. При финансовой поддержке Нижнесалдинского металлургического завода и Верхнесалдинского металлургического производственного объединения Свердловской киностудией создается фильм «Металлург Грум-Гржимайло». Мне удалось поговорить с режиссером этого фильма Надеждой Николаевной Ромашовой. Вот что она поведала о том периоде: «Приезжали мы со съемочной группой в Нижнюю Салду несколько раз. До сих пор помню, каким хорошим и отзывчивым человеком был наш консультант Виктор Карпович Казаков. Мы посетили прокатный цех и цех рельсовых скреплений НСМЗ. Кадры этих производств вошли в фильм. Были с экскурсией и на ВСМПО. Салдинский край оставил в душе теплые воспоминания. До сих пор храню в своем семейном архиве сценарий этого фильма».

В 2001 году Нижнесалдинский завод установил около заводоуправления первый памятник Владимиру Ефимовичу Грум-Гржимайло и Константину Павловичу Поленову. На памятнике отлиты навечно слова: «Салдинским металлургам от благодарных потомков».

В каждой экскурсии музея истории Нижнесалдинского металлургического завода мы рассказываем о технических свершениях и открытиях Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло. Кроме того, свято храним его меморию (личная вещь великого человека) – штангенглубиномер. Этот экспонат музея был представлен на первой выставке «Неизвестные сокровища» в 2023 году Центра развития Демидовских территорий в Екатеринбурге.

На протяжении уже двадцати лет Верхнесалдинский краеведческий музей ежегодно 6 декабря проводит научно-практическую конференцию «Грумовские

Сотрудники прокатного цеха с В.Е.Грум-Гржимайло. Фонд музея истории НСМЗ.

чтения». Это событие вызывает огромный интерес, объединяя профессиональных историков и исследователей, краеведов, знатоков родного края, учащихся школ города. А в фондах этого музея сотрудниками трепетно хранятся личные вещи, фотографии, письма, документы семьи Грум-Гржимайло.

В 1998 году Владимиру Ефимовичу Грум-Гржимайло было присвоено звание «Почетный гражданин города Верхняя Салда».

6 декабря 2012 года в Верхней Салде была открыта художественная памятная доска с надписью: «В этом доме с 1897 по 1901 год жила семья Грум-Гржимайло – Владимир Ефимович, ученый металлург, и Софья Германовна, зачинатель культурных традиций в Верхней Салде». Полна изящества памятная доска! Обвивают ее элементы художественнойковки. Два сердца как символ верности и преданности супругов, а внизу – веточки рябины, в которых красота природы любимого Урала...

Как многолика и тепла память о Владимире Ефимовиче Грум-Гржимайло на Салдинской земле! Верю, что вечной будет она, как и всё то, что оставил он нам в наследство!

Новая книга «Игорь Курчатов: уральский след в науке» представляет собой коллективную научную монографию и посвящена великому ученому и человеку XX столетия, трижды Герою Социалистического Труда, научному руководителю атомного проекта Советского Союза, создателю ядерного щита и основоположнику использования атомной энергии в мирных целях на планете Земля, создателю отечественной школы физиков-ядерщиков, непревзойденному наставнику и учителю молодежи – Игорю Васильевичу Курчатову. Авторы отдадут дань памяти и глубочайшего уважения выдающемуся ученому-физику за его огромный неопределимый вклад в создание и реализацию важнейшего и сложнейшего для защиты, укрепления могущества и сохранения Родины дела, потребовавшего от него положить «на атомную плаху» свою жизнь, получившего опасные для здоровья дозы облучения в работе по созданию ядерного оружия, его испытаниях и в последующем строительстве и пусках в эксплуатацию объектов промышленных производств, в т.ч. для мирного использования атомной энергии. Человеку, посвятившему свой талант и жизнь во спасение Отечества в тяжелейшее время, когда, по его выражению, «страна была залита кровью, и не было ни одной семьи, которая бы не потеряла своих близких».

Название книги обусловлено тем, что время работы на Урале – один из наиболее ярких и плодотворных периодов научной и организаторской деятельности в биографии И.В.Курчатова по созданию атомной промышленности Советского Союза, начиная с непосредственного участия в выборе площадки под строительство первого атомного индустриального завода № 817, строительства и ввода в эксплуатацию первого промышленного атомного реактора «А» («Аннушка»), наработки на нем плутония-239, как необходимого компонента для первой атомной бомбы, последующего научного руководства предприятием с 1947 г.

ВСТАЛИ В РЯД ПОЖАРНЫЕ МАШИНЫ...

Павел СТИХИН

**Ветеран Кремлевского
полка,
член Союза журналистов
России.
Живет в г. Екатеринбурге.**

Московская промозглая ранняя весна 1977 года... Будучи еще совсем молодым «воинном-кремлевцем» первого полугодия службы, заступил я с 2-х часов ночи до 4-х часов утра на 3-й пост 3-го гарнизонного караула в Средней Арсенальной арке огромного здания Арсенала Московского Кремля, возле офицерского буфета и помещения мотовзвода (Почетного мотоэскорта), в которой в те времена стояли «в затылок» друг другу... нет, не шикарные черные, блестящие, с белыми полосами на крыльях колес, мотоциклы «Днепр» мотоэскорта, а находившиеся «на вооружении» 10-й (противопожарной) роты Отдельного Краснознаменного Кремлевского полка КГБ при СМ СССР красные, и тоже с белыми, издалека видными полосами, пожарные машины: автоцистерна АЦ-40(130) и автонасос АНР-40(130).

...Тяжелая караульная меховая бекеша и валенки с галошами делают дежурного неповоротливым и чем-то похожим на пингвина, но зато не дают ему замерзнуть. Однако как же медленно тянется на посту дремотное предутреннее время! Вокруг – ни души. Двор Арсенала пуст – ни военных, ни гражданских... При этом, главное – не проворонить приближения проверяющих лиц: разных начальников – как своих, ротных, так и батальонных или даже полковых, которые периодически (и, как правило, неожиданно) появляются с проверкой исправности несения службы воинами-кремлевцами на постах гарнизонных караулов! Два-три строевых шага навстречу начальнику и четкий доклад – глядишь, и взбодрился солдатик! Но в этот раз проверяющих не было. Чем же парню

заняться? Как скоротать время? Песен петь нельзя – по «Уставу гарнизонной и караульной служб» не положено, плясать – тем более, нельзя, хоть и в уставах об этом почему-то ничего не сказано.

В который раз, не спеша, прошел я пару десятков метров мимо притихших красных автомобилей вглубь арки до закрытых на висячий замок и опечатанных печатью «УКМК №...» больших железных ворот, выходящих на Каляевскую улицу и к 1-му корпусу Кремля – зданию «РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА» (это такая была надпись на его главном фасаде), при этом, между нами говоря, я еще раз удивился, каким же это чудом меня занесло из родного патриархального Свердловска в эти необычайные места... (Для справки: каждое утро, часов в восемь, тяжелые ворота Средней Арсенальной арки ненадолго раскрывались и выпускали на Каляевскую улицу для участия в «церемонии развода нарядов» офицеров, сержантов и солдат, заступавших в суточный полковой наряд с Внутренним караулом и в суточные ротные наряды). Осмотрев, для порядка, оттиск печати (а хранилась она в нашей караулке), так же, не спеша, вернулся я к дверям мотовзвода и замер возле передней автоцистерны. Вот так и прошло на посту еще десять минут. Из ста двадцати-то!

Во дворе Арсенала, по-прежнему, никого... Слева всё так же возвышается звезда Троицкой башни, а справа выглядывает верхушка Угловой Арсенальной башни с маленьким, по всей видимости медным, флажком. (Признаться, я как-то, глядя на этот флажок, даже от нечего делать подумал, а смогу ли попасть в него «с автома-

Московский Кремль. Средняя Арсенальная арка с железными воротами и сторожевой будкой. (Вид со стороны Никольской (после 1917 года – Каляевской) улицы Кремля). Начало XX века.

та»? Впрочем, даже если бы у меня тогда и был автомат, проверять на том флажке свою меткость я, конечно, не стал бы).

Ну, что же! Раз нельзя на посту стрелять (без дела), а также петь и плясать, так не попробовать ли сочинить какой-нибудь стишок – занятие это, как известно, весьма трудоемкое и затратное по времени. Вот хотя бы про эти самые пожарные машины и сочинить. Ты спокойно стоишь с серьезным лицом и сочиняешь, а проверяющий, если вдруг и появится, глядя на твое сосредоточенное лицо, подумает, что это ты так за службу переживаешь...

И вот так, сделав строгое лицо и глядя на большие и красивые пожарные машины, приступил ваш покорный слуга к сочинению своих виршей. И время на посту понеслось незаметно! Придя после смены в караулку, я еще немного их «подшлифовал» и решил озвучить у себя во взводе. Уже потом, через какое-то время кто-то из сержантов сообщил «поэту», что листок с его стихами, переписанными ротным писарем, прочно обосновался в канцелярии роты: лежит под стеклом на столе у комроты старшего лейтенанта Колотвина В.П. Стало быть, так те незатейливые строчки товарища старшего лейтенанта тронули! Замечу, что, в отличие от многих офицеров его противопожарной роты, Валерий Павлович был настоящим, профессиональным, пожарным, окончившим пожарнотехническое училище в Ленинграде. (Правда, по-

том, в 1980-х, он, в силу ряда причин, всё же сошел с «пожарной стези», окончив еще и «обычную» военную академию).

Листочек тот со стихами уже давно куда-то исчез, но, если дорогому нашему читателю угодно, всё же можно «восстановить» его содержание – рукописи, как известно, никуда не деваются. Итак...

ВСТАЛИ В РЯД ПОЖАРНЫЕ МАШИНЫ

Если пламя в здании бушует,
Если черный дым висит кругом,
То пожарный, головой рискуя,
Первым лезет в пекло со стволем.

Встали в ряд пожарные машины,
Стеклами на солнышке горят.
«Это настоящие мужчины», –
О пожарных люди говорят.

Ты гордись, товарищ, своей службой –
Твой рубеж не где-то, а в Кремле!
Бдительно носи свое дежурство –
Нет важнее дела на земле!

Вообще-то, кремлевские пожарные со времен Великой Отечественной войны «бушующего пламени» и в глаза не видели (разве что, при президенте Ельцине случилось несколько незначительных возгораний, в том числе и в 14-и корпусе Кремля – в здании его Администрации), ибо противопожарная профилактика в Кремлевском гарнизоне в течение ряда послевоенных десятилетий была поставлена неплохо, а посету про «черный дым» и «риск для жизни» я, понятно, немного преувеличил. Надо признать, что за всю свою службу в противопожарной роте Кремлевского полка, торжественно именовавшейся в 1940–1950-х годах Отдельной ротой специального назначения Управления коменданта Московского Кремля, одним из самых важных охраняемых объектов которой был Большой Кремлевский дворец, «настоящим» пожар-

Двор Арсенала в наши дни. (Справа – Средняя Арсенальная арка с выходом на Никольскую (бывшую Каляевскую) улицу, далее – шатер Никольской башни Кремля).

Во время обхода Большого Кремлевского дворца. Площадка Златоверхого теремка дворца «тишайшего» царя Алексея Михайловича. (На заднем плане – маковка дворцовой церкви Рождества Богородицы). 1970-е годы.

По местам солдатской юности, но уже в гражданском. Главный подъезд Большого Кремлевского дворца. Здесь, у тумбочки с телефонами, происходила очередная смена дежурных солдат 10-й роты Кремлевского полка и отсюда начинался двухчасовой обход дворца. И так круглосуточно, без перерывов, в течение последних тридцати лет двадцатого века.

ным я себя так и не почувствовал: ни одного пожара не потушил, а пожарный ствол видел не чаще, чем другие стволы – пистолетный и автоматный... Но, в целом, думается, написал я про бойцов пожарной охраны, и не только кремлевской, верно: это – настоящие мужчины!

Но вот несколько лет назад, мне всё же, что называется, на своей шкуре удалось прочувствовать, что же это такое – пожар и что же это такое – работа пожарного! Не буду вдаваться в подробности, скажу только, что когда мы, несколько немолодых уже садоводов, израсходовав в действительно жаркой борьбе со стремительно распространявшимся из-за сильного ветра и уже поглотившим несколько садовых домиков лютым огнем всю имеющуюся в наших убогих колодцах воду, поняли, что бушующему пламени преград больше не осталось и оно выходит «на оперативный простор», вдруг на самых опасных направлениях его яростного «наступления» заработали два ствола «литер «А», поданных вовремя подоспевшими бойцами пожарной части № 7, что дислоцирована в Екатеринбурге на улице Маневровой. Пожарные в самом пекле со знанием дела и без излишней суеты выполняли свою героическую миссию, медленно, но верно отгесняя беспощадный огонь от ближайших сараюшек и домиков, построенных на последние денешки не шибко-то богатыми садоводами-пенсионерами. И пусть садовое товарищество – это совсем не Кремль, а садовый домик – это не Большой Кремлевский дворец, у меня просто нет слов, чтобы описать охватившие нас в тот момент радостные чувства! Так, наверное, ликовали «мальчиши» из героической повести «Военная тайна» Аркадия Гайдара, когда им, уже из самых последних сил борющимся с войском «буржуинов», наконец-то, пришла на помощь Красная армия!..

И в заключение хотелось бы добавить еще несколько строк, пусть незатейливых, но написанных от всей души в знак благодарности нашим огнеборцам:

Заняты бойцы нелегким делом,
«Огнеборцы» – их зовет народ!
Наш поклон ребятам этим смелым,
Пусть удача вас не подведет!

С праздником, товарищи огнеборцы! С Днем пожарной охраны! И низкий вам поклон за вашу такую тяжелую и очень нужную людям работу! Удачи вам в жизни, ребята!

Б

Геннадий НИКОЛАЕВ

**Кандидат технических наук.
Работал в Уральском
отделении Всероссийского
научно-исследовательского
института железнодорожного
транспорта.
С 1989 по 2009 гг. – заместитель
директора по научной работе.
Автор 83 научных трудов и 13
авторских свидетельств.
Награжден знаком
«Почетный железнодорожник».
Увлекается историей,
краеведением, литературой.
Член Российского союза
писателей.
Живет в Екатеринбурге.**

Окончание. Начало на стр. 1

Как бы то ни было, но в качестве эталонного портрета императрица Елизавета Петровна выбрала портрет Л.Каравака. Этот образ и был разрешен для массового тиражирования в виде литографий и гравюр. Современники отмечали необычайную работоспособность Л.Каравака. После назначения его императрицей Анной своим придворным живописцем «он начал писать так много портретов этой монархини <...>, что все стены в Санкт-Петербурге кишели ими» (Я.Штелин). Поэтому не удивительно, что ко времени переписки Никита Акинфиевич уже владел, скорее всего, авторской копией портрета императрицы Елизаветы Петровны кисти Каравака. Кононов рекомендует владельцу заказываемые копии четырех портретов изготовить по тем же размерам, «чтоб все были ровные и оные все парад более казать могут в одной величине как написаны будут».

Исследуем далее текст письма. Здесь встречаем фразу «живописец Богданов <...> ныне пишет у принца Ея ж Величества». О каком принце идет речь и копию какого портрета

ПОРТРЕТЫ ЧЛЕНОВ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ ДЛЯ НИКИТЫ АКИНФИЕВИЧА ДЕМИДОВА

действующей императрицы выполняет для него живописец Богданов? Исчерпывающие ответы на эти вопросы находим у Я.Штелина: «В 1763 г. по собственному желанию и рисунку он (Ф.С.Рокотов – Г.Н.) написал портрет Ее величества императрицы Екатерины II в полный рост, сидящей в профиль на фоне смелого архитектурного сооружения, в котором видно много хорошего вкуса. Говорят, Ее Величество послала ему в подарок 500 рублей. Эту столь похожую и сильно написанную картину я видел при Дворе в спальне его превосходительства господина камергера графа Орлова. Наследный принц Курляндии заказал написать себе копию с него, сделанную Богдановым, и взял с собой в Митаву» [4].

Прочитав описание знаменитого портрета, сделанное искусствоведом Анной Вчерашней: «Этот портрет, написанный Ф.С.Рокотовым в 1763 г. в честь коронации Екатерины II, стал эталонным изображением императрицы. Чеканный профиль, как на монетах великих империй, и выработанная годами упражнений и беспощадного корсета осанка настолько впечатлили новоспеченную государыню, что она повелевает и впредь изображать себя, ориентируясь на рокотовский оригинал. <...> Рокотов выбрал редкий для XVIII века тип – профильный, построив композицию вокруг полуразвернутой сидящей фигуры Екатерины. Ее дикое врожденное властолюбие, стоявшее жизни Петру III, выглядит у Рокотова облагороженным и в определенной степени прекрасным».

«Наследный принц Курляндии» – Петр Бирон (1724–1800), сын и будущий преемник Эрнста Иоганна Бирона, фаворита императрицы Анны Иоанновны. Был последним герцогом Курляндии с 1769 по 1798 годы. Увлекался искусством, открыл в Митаве Академию Петра.

Из письма нам известна также фамилия копииста – Богданов. Ценно, что она авторитетно подтвержде-

на Я.Штелиным. Автору этих строк удалось установить, что в письме речь идет о Богданове Иване Петровиче, живописце второй половины XVIII века. Учился в рисовальных классах Академии наук в Петербурге у немецкой художницы М.-Д. Гзель. Писал миниатюры (цветы) [5].

Вероятно, сначала работал на петербургской шпалерной мануфактуре, затем был живописцем-копиистом в Эрмитаже. Выполнял копии с картин Ш.Лебрена – «Александр и семья Дария», Гвидо Рени – «Святой Петр оплакивает свой поступок», «Святая дева» и «Ангел благовещающий». Использовал редкую технику – писал по стриженной шерсти, наклеенной на ткань. В Государственном Эрмитаже хранится также его работа «Ваза с цветами и попугаем» с подписью «1777 к. Иван Богданов» (т.е. 1777 г., копировал Иван Богданов) [6].

Имя этого забытого живописца вернул миру Оскар Эдуардович Вольценбург, бывший заведующий Научной библиотекой Государственного Эрмитажа с 1932 по 1959 г. В своей работе он приводит интересный факт, характеризующий живописца: «В первом каталоге картинной галереи Эрмитажа, составленном Э.Б.Минихом и напечатанном на французском языке в 1774 г. в Петербурге, перечислено 2080 произведений живописи. Из них на долю русских художников приходилось всего 10 произведений, причем по две картины принадлежали крупным художникам: Ивану Бельскому, Антону Лосенко, Семену Щедрину. Автором остальных четырех картин назван совершенно неизвестный нам Иван Петров Богданов» [7]. О.Э.Вольценбург приложил немало сил для поиска в кладовых Эрмитажа сохранившихся картин И.П.Богданова, включил статью о нем в шеститомный библиографический словарь «Художники народов СССР».

Вернемся к письму И.Кононова. В конце письма имеется фраза «старик

Богданов четыре слипка обещал», нуждающаяся в расшифровке.

Речь идет, скорее всего, о восковых или гипсовых слепках с сургучных печатей на оборотной стороне портретов. Такие печати использовали как гарантию подлинности картины и с целью предотвратить ее подмену. Собственниками печатей могли быть разные лица, имеющие отношение к ее созданию или хранению. Это могла быть печать живописца – автора картины, печать владельца коллекции или материально ответственного лица за хранение императорских коллекций. Все эти случаи нашли отражение в источниках. Известно, что при передаче придворным живописцем Луи Караваком картин «в смотрение живописцу Гроту» в 1744 г. указом предписывалось наклеить «ерлык» на обороте картины. «И при этом прикладывать канторы сургучом печать дабы впредь неможно было в оных какого подмену» [8]. Для примера картины из собрания Г.Г.Орлова были отмечены двумя сургучными печатями с гербом графа, соединенными бечевкой – одна на подрамнике, другая на тыльной стороне холста [9]. Нам неизвестно, кому конкретно принадлежали сургучные печати на обороте перечисленных портретов, но то что они имелись, можно предполагать достаточно уверенно. Вероятно, приказчик потребовал от копииста предоставить восковые или гипсовые слепки с этих печатей, чтобы убедить Никиту Акинфиевича в подлинности и качестве копируемых оригиналов. Через три дня, 15 января 1764 И.Кононов писал Н.А.Демидову: «От старика Богданова вчерашнего дня четыре слипка получил, которые к Вашему Высочородию на ямской почте посланы будут. Только просил, чтоб об оных никому известно не было, а может де кто в Москве увидит, то здесь узнают, а чтоб де Его Высочородие поберег мою старость, я так его и обнадежил.

Послана 15 генваря 1764 года» [10].

Как видим, процесс выполнения копий портретов пошел, и, хотя изготовление слепков с печатей на картинах не приветствовалось моралью того времени, Богданов сделал это в порядке исключения.

В дальнейшем И.Кононов регулярно докладывает заводчику о ходе дел с портретами. В письме от 3 февраля 1764 г. он сообщает: «...Старику Богданову вместо сукна дано мною 10 червонных, то учинить 22 р. 50 коп., за что Ваше Высочородие нижайше благодарит и служить

обещает и впредь. Тако ж и сын его живописец. Четыре портрета писать приготавливается чего для и рамы по присланной от Вашего Высочородия мере вышиною два аршина и 1 1/4 вершков шириною один аршин и 11 1/2 вершка (147,8×122,2 см – Г.Н.) сделаны и отданы також и полотно полутче прочнее куплено будет» [11].

Наконец, 31 августа 1764 г. Кононов докладывает Демидову о готовности копий четырех портретов, правда, с некоторым изменением первоначального списка: «...Четыре портрета Императора Петра Великого, Императрицы Екатерины Первой, Императора Петра Второго и нынешней Императрицы Екатерины Алексеевны, тако ж и плафон в кабинет Богдановым написаны, которые просил я освидетельствовать Александру Филиповича, а Государыни Анны Иоанновны еще писать, им Богдановым незачет, посланной же портрет с Соловьевым точной меры, какой был и писан принцу курляндскому Петру, даны 50 р. А писан оный с хорошаго оригинала в доме Лариона Яковлевича Овцына» [12].

Как видим, копию портрета императрицы Анны Иоанновны выполнить пока не удалось («Богдановым незачет»). Вместо него выполнена копия портрета императора Петра II – внука Петра I, сына царевича Алексея Петровича. Вступил на престол 6 мая 1727 г. в возрасте одиннадцати лет, умер в четырнадцать лет от оспы. Возможно, в качестве оригинала был использован портрет кисти И.П.Людцена, 1728 г.

Все написанные Богдановым портреты и плафон в кабинет по просьбе Кононова обследовал Александр Филиппович Кокоринов – выдающийся русский зодчий XVIII века, первый директор Императорской Академии художеств, учитель знаменитых архитекторов В.И.Баженова, И.Е.Старова, художника А.П.Лосенко, зять Григория Акинфиевича Демидова.

Первой была выполнена копия портрета действующей императрицы Екатерины II кисти Ф.С.Рокотова и переправлена в Москву со служителем Соловьевым. Согласно договору, за этот портрет было выплачено И.П.Богданову пятьдесят рублей. Живописец работал над ним в доме Овцына Лариона Яковлевича, камергера императрицы Елизаветы.

Содержащаяся в письме фраза «тако ж и плафон в кабинет» позволяет вполне обоснованно предположить, что и портреты также

предназначались для украшения московского кабинета Никиты Акинфиевича – мода, появившаяся в России в петровские времена. Наиболее вероятно, что этот кабинет находился в московской резиденции Демидова, в так называемом Слободском доме, который располагался на Вознесенской улице Немецкой слободы (сегодня улица Радио, 12). Здесь, на живописном берегу Яузы в 1762 г. началось возведение великолепного каменного здания на месте устаревшего деревянного дома Головкина. Из описей, составленных в 1801–1825 гг., известно, что в новом доме имелись два богато отделанные кабинета – большой и малый [13].

Таким образом, привлеченные в данной работе архивные материалы позволили расширить наши знания о коллекционной деятельности Никиты Акинфиевича Демидова. Выявлена история портретов членов императорской семьи, выполненных по заказу заводчика. Установлены точные данные для атрибуции этих портретов: обнаружен их список, определены (частично) оригиналы, размер, дата исполнения, сведения о копиисте.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 21. Л. 2, 2об.
2. Малиновский К.В. Материалы Якоба Штелина: В 3 т. Т. 1: Записки и письма Якоба Штелина об изящных искусствах в России. – СПб.: Крига, 2015, С. 152–153.
3. Кузнецова С. Чтоб никто высоких портретов неистового мастерства не имел. «Коммерсант» от 01.06.2019.
4. Малиновский К.В. Указ. Соч., С. 105–107.
5. Новицкий А.П. История русского искусства с древнейших времен. Т. 2. М., 1903. С. 7.
6. Художники народов СССР. Библиографический словарь в 6 томах / отв. ред. Т.Н.Горина, гл. сост. и библиограф О.Э.Вольценбург. – М.: Изд-во «Искусство», 1970. Т. 1, 448 с.
7. Вольценбург О.Э. Русский художник второй половины XVIII в. И.П.Богданов и его работы в Эрмитаже. Сообщения Государственного Эрмитажа, вып. 18. Л., 1960. С.16–19, с илл.
8. Дутов А.А. К вопросу об атрибуции портретов графини Анны Даниловны Девьер сестры А.Д.Меньшикова / А.А.Дутов // «Мощно, велико ли ты было, столетье!»: сборник научных статей, посвященных юбилею Т.В.Ильиной / под ред. Станюкович-Денисовой Е.Ю., Мальцевой С.В. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. – С. 58.
9. Там же, с. 60.
10. ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 21. Л. 4.
11. ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 21. Л. 7, об.
12. ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 1. Л. 32, об.
13. Борис А.Г., Канаев М.Б. Слободской дом Демидовых в Москве. Демидовский временник: Исторический альманах. Книга I, Екб., 1994, с. 65.

Луи Каравак.
Портрет императрицы Елизаветы Петровны, 1742 г.

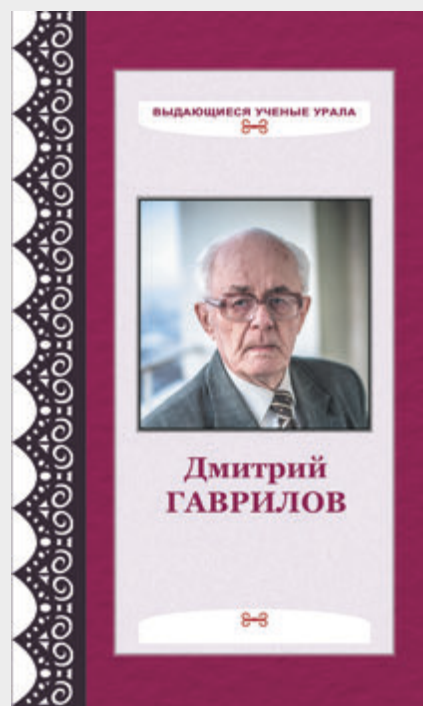

Луи Каравак.
Портрет императрицы Елизаветы Петровны, 1750 г.

Ф.С.Рокотов. Портрет императрицы Екатерины II, 1763 г.

**СЕРИЯ «НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ –
ВЫДАЮЩИЕСЯ УЧЕНЫЕ УРАЛА»**

ukbkin@gmail.ru